АЛИСА А. БЕЙЛИ

НЕОКОНЧЕННАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

SHOUT
SHARE
IT

- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ВВЕДЕНИЕ
- ГЛАВА I
- ГЛАВА II
- ГЛАВА III
- ГЛАВА IV
- ГЛАВА V
- ГЛАВА VI
- ПРИЛОЖЕНИЕ
- МОЯ РАБОТА
- МЕТОДЫ, ИСПОЛЬЗОВАВШИЕСЯ ПРИ НАПИСАНИИ “ТРАКТАТА О КОСМИЧЕСКОМ ОГНЕ”
- ЧТО ТАКОЕ ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ ШКОЛА?
- ПРИНЦИПЫ ШКОЛЫ АРКАНОВ
- ШКОЛА АРКАНОВ, ЕЁ ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ЦЕЛИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ix] Первые четыре главы “Автобиографии” написаны в течение 1945 года. Главы пятая и шестая написаны в 1947 году. Отметить эти даты важно в связи с мировыми событиями того времени.

Первая отпечатанная рукопись была заново переписана в 1948 году. Г-жа Бейли всю её перечитала и сделала некоторые исправления. Разные люди работали вместе с г-жой Бейли в разное время над текстом, отдельные части давались некоторым из них на отзыв. Иногда они не возвращались, но в любом случае они были неполны, неточно передавали подробности и не получили её окончательного одобрения.

Планировалось ещё четыре раздела “Автобиографии”, но они так и не были написаны. Растущее давление проводимой во всем мире работы, за которую г-жа Бейли была ответственна, запутанные и напряжённые условия жизни человечества, которые она очень чутко воспринимала; ощущение тщетности и, потому, негативизма у людей доброй воли повсеместно, которое она изо всех сил стремилась устранить; мучительная нехватка денег для расширения работы в мире; постоянный стресс и огорчение из-за неспособности помочь и даже воспользоваться благоприятной возможностью всего лишь из-за отсутствия денег — таковы только некоторые факторы, которые усиливали давление на неё и привели к состоянию предельного истощения. Её физический проводник не получал никакой передышки. Состояние сердца и кровообращения неуклонно ухудшалось.

Два последних года своей жизни она боролась с этими угнетающими обстоятельствами поистине с железной волей. Её перволучевая личность собралась для последнего усилия в ответ на требование её души. Именно тогда, в 1946 году, она приняла решение отказаться от участи инвалида. Каждодневно, следуя усвоенной в жизни привычке, она работала до изнеможения, не обращая внимания на усталость и боль. Она предпочла уйти трудоспособной, будучи в активном рабочем состоянии. Так она и поступила. Даже **x]** в последние дни, находясь в нью-йоркской больнице в 1949 году, она принимала посетителей, проводила консультации с ведущими сотрудниками и писала письма.

Когда наступил час смерти, её собственный Учитель К.Х. пришел за ней, как Он и обещал сделать задолго до этого.

Наутро после её смерти я направил следующее письмо тысячам её учащихся и друзей во всем мире:

“Дорогой друг.

Это письмо несет вам весть о завершении одного цикла и открытии другого, более полезного и менее ограничивающего цикла для вашего и моего подлинного друга Алисы А. Бейли. Она получила избавление мирно и счастливо в четверг пополудни 15 декабря 1949 года.

Когда мы разговаривали вместе в тот последний день, она сказала: “Мне есть за что быть благодарной. Я прожила богатую и полную жизнь. Множество людей во всем мире были так добры ко мне”.

Долгое время она хотела уйти и держалась только на сильной воле, чтобы закончить своё дело, да на горячем желании завершить преобразования в Школе Арканов, с тем чтобы вы и я могли лучше служить своим собратьям.

Она формировала, лепила облик нашей Школы на протяжении многих лет своим чётким и острым умом, насыщая её магнетической мощью своего большого многострадального сердца.

Некоторые спрашивали, почему ей приходилось страдать — ведь она действительно страдала — и ментально, и эмоционально, и физически. Я один знаю, как безоговорочно-победительно открывалась она натиску многообразных разрушительных сил, свирепствующих в нынешнее время мирового смятения, и как изумительно она их трансмутировала, тем самым оберегая всех испытывающих огромное давление, борющихся стремящихся и младших учеников, которые все эти годы приходили к ней в Школу.

Бо́льшая часть её жизненной работы всегда была субъективной. **xi]** Мы видели внешние следствия, наблюдали внешние события и обстоятельства, помогали ей и любили её, иногда критиковали, порой жаловались, но с ней и благодаря ей мы всегда шли дальше, чуть выше и немного лучше, чем было бы без неё. Все мы прежде всего люди, и она тоже была прежде всего человеком.

Почему она страдала? Потому что избранный ею путь находится на линии Мировых Спасителей. Она ушла обратно к своему Учителю К.Х. ради ещё более тесной работы с Ним для Христа.

Она просит нас поддерживать Школу Арканов столь же яркой и светоносной, какова она сейчас, столь же исполненной спасительного могущества всемирного единения любящих сердец, делая всё для того, чтобы преданно служить.

Искренне ваш,
/подпись/ Фостер Бейли”

Нью-Йорк, 16 декабря 1949 г.

ВВЕДЕНИЕ

1] Что окончательно побудило меня описать свою жизнь, так это полученное в 1941 году письмо от друга из Шотландии, написавшего, что, по его ощущению, я бы осуществила реальный акт служения, если бы смогла показать, как я превратилась в того, кто я есть, из того, кем была. Возможно, людям полезно будет узнать, как фанатичный, ортодоксальный христианский работник смог стать известным наставником оккультизма. Многое можно извлечь, проследив, как теологически мыслящая особа, изучающая Библию, пришла к твёрдому убеждению: для того, чтобы на Земле могла появиться подлинно универсальная религия — которую ждёт мир, — учения Востока и Запада должны быть слиты и сплавлены воедино. Важно узнать, что любовь к Богу старше христианства и не признаёт никаких границ. Вот первый, наиболее трудный урок, который мне пришлось усвоить, и это заняло у меня много времени. Фундаменталистам требуется много времени, чтобы усвоить, что Бог есть любовь. Они твердят об этом, но не верят в это на практике, — я имею в виду божественную практику.

Я хотела бы, среди прочего, показать, как мир людей открывался английской женщине, обладавшей стойким классовым сознанием, и как мир духовных ценностей с его непосредственным, внутренним духовным правительством стал доказанным фактом для чрезвычайно узко мыслящей христианки. Я горжусь именем христианки, но теперь принадлежу к тем, кто включает, а не исключает.

Одна из тем, которую я хочу попытаться осветить в этом повествовании — это наличие внутреннего управления мировыми делами, чтобы тем самым ознакомить людей с фактом параллельного существования Тех, Кто отвечает (находясь за сценой) за духовное руководство человечеством, за выведение рода человеческого из тьмы в Свет, от нереального к Реальному и от смерти к Бессмертию.

2] Я хочу, чтобы Ученики Христа, являющиеся Учителями Мудрости, стали реальными для людей, такими же реальными, каковы Они для меня и для многих тысяч людей в мире. Я не имею в виду гипотетическую реальность (если позволительно так выразиться), покорную веру или доверие. Я хочу показать Их такими, каковы Они есть — Учениками Христа, живыми людьми, факторами, всегда присутствующими в человеческих делах. Вот что имеет значение, а не земные переживания, случаи и события из жизни одного из Их работников.

Я прожила много воплощений за одну эту жизнь. Я неуклонно, испытывая огромные трудности (психологические и материальные), продвигалась вперёд, постоянно расширяя область своей полезности. Я хочу показать, что в каждом цикле обретения опыта я искренне старалась следовать водительству, идущему изнутри, что в конечном счете всегда означало шаг вперёд в понимании и, следовательно, бо́льшую способность помогать. Результатом этого, внешне слепого, движения вперёд (с тех пор, как я вышла замуж и переехала в США) было расширение спектра благоприятных возможностей. Я играла многие роли в своей жизни. Я была несчастной девочкой с трудным характером, потом светской девушкой в беззаботные 90-е годы (хотя я не находила их такими уж беззаботными), затем проповедником-евангелистом вроде “Вилли Санди” и общественным работником. Опять же — не таким уж беззаботным; правда, я была молода и проявляла огромный интерес ко всему. Позже я вышла замуж за Уолтера Эванса и оказалась в роли жены пастора Протестантской Епископальной Церкви в Калифорнии и матери трёх девочек.

Разнообразный опыт жизни и работы в Великобритании, Европе, Азии и Америке колоссально изменил мое отношение к жизни и людям. Статичная точка зрения у человека кажется мне поразительно неразумной. Она означает, что в его развитии наступает момент, когда он прекращает учиться, когда он перестает извлекать смысл из событий, школ мысли и обстоятельств, когда он **3]** ментально застывает перед лицом жизни. Это беда. Это зло. Безусловно, это именно то, что следует понимать как ад. Ужас ада (а я в него не верю, с ортодоксальной точки зрения) должен заключаться в “вечном” однообразии, в навязанной неспособности изменить условия.

Затем я стала учащейся оккультизма, писательницей, чьи книги получили широкое распространение и переведены на многие языки. Я оказалась главой эзотерической школы — невольно, без всякого запланированного намерения — и организатором, вместе с Фостером Бейли, Международного Движения Доброй Воли (которое не следует путать с движением за мир), оказавшегося столь успешным, что к тому времени, когда в 1939 году разразилась война, у нас были центры в девятнадцати странах.

Следовательно, я не была бесполезной в деле мирового служения, но я не претендую и не могу претендовать на то, что мой успех обусловлен только моими личными усилиями. Я всегда была счастлива от того, что у меня чудесные друзья и помощники, — и на протяжении многих лет они оставались моими друзьями, что бы я для них ни делала. У меня было много

друзей и мало, удивительно мало врагов. Последние не причинили мне никакого реального вреда, возможно потому, что я никогда не была в состоянии относиться к ним с неприязнью и всегда могла понять, почему они не любят меня. Мой муж Фостер Бейли в течение двадцати пяти лет содействовал всей моей работе. Чувствую, что без него я смогла бы совершить очень мало. Если есть глубокие неизменные любовь и понимание, уважение и нерушимая дружба — то человек по-настоящему богат. Фостер всегда был для меня надёжным оплотом и "тенью от высокой скалы на земле жаждущей". Есть вещи, которые бледнеют, если о них говорить словами, и на бумаге они кажутся незначительными и малосодержательными. Таковы наши отношения. Должно быть, множество жизней мы жили и работали вместе, и оба предвидим ещё много совместных жизней. Мне больше нечего сказать на эту тему. Я часто спрашиваю себя, что я смогла бы **4]** сделать без отзывчивой дружбы, сочувствия и преданного сотрудничества моих многочисленных друзей и соратников, многие годы стоявших рядом. Я не в состоянии их перечислить, но эти люди, по сути, обеспечили успех работы, которую мы — как группа — выполняли.

Итак, написание автобиографии обусловлено тремя обстоятельствами, — я их хотела бы подчеркнуть и разъяснить.

Прежде всего, это факт существования Учителей Мудрости, работающих под руководством Христа. Я хочу прояснить природу Их работы. Я хочу представить Их миру такими, какими я лично Их знаю, потому что в грядущие годы всё больше и больше людей удостоверятся в Их существовании, и желательно облегчить им этот процесс. Потом я подробнее на этом остановлюсь и покажу, как я сама узнала об Их существовании. В жизни каждого человека имеются определённые факторы, создающие опору для жизни, и ничто не способно изменить внутренней убеждённости в них. Для меня таким фактором являются Учителя, и знание о Них стабилизирует мою жизнь.

Второе, что я хотела бы сделать — это указать некоторые новые тенденции в сегодняшнем мире, влияющие на род человеческий и поднимающие человеческое сознание, а также обратить внимание на новейшие идеи, исходящие от внутренней группы Учителей в мир человеческой мысли, возвещающие новую цивилизацию и культуру и — что несущественно с точки зрения вечности — разрушающие массу старых излюбленных форм. Я, как и все мыслящие люди, видела в своей жизни исчезновение многого из того, что доказало свою никчёмность в области религии, образования и социального строя. И это очень хорошо.

Оглядываясь назад, я не могу представить ничего более

отталкивающего, чем, например, продление викторианской эры с её уродливостью, самодовольством, излишним комфортом высших **5]** классов (так называемых) и ужасающими условиями, в которых боролись за существование трудящиеся классы. В таком благоустроенном, лоснящемся, уютном мире я и жила в детстве. Не могу вообразить ничего более губительного для человеческого духа, чем теология прошлого с её представлением о Боге, спасающем самодовольное меньшинство и осуждающем на гибель большинство. И не могу помыслить ничего более внушающего тревогу и способствующего классовой войне, ненависти и деградации, чем экономическая ситуация в мире в то время и в течение многих десятилетий — ситуация, в значительной мере ответственная за нынешнюю мировую войну (1914-1945 гг.).

Слава Богу, мы на пути к лучшему положению вещей. Группа, участвовавшая в нашей работе — вместе со многими другими, столь же вдохновлёнными любовью к человечеству, — вносит свой малый вклад в осуществление столь необходимых перемен. Мировая тенденция к федеративному устройству, к взаимопониманию и сотрудничеству, к тому, что благотворно для всех, а не только для избранного меньшинства, внушает оптимизм. Мы находимся на пути к братству.

Третье, что я хотела бы сделать — это показать, какие это удивительные существа — люди. Я жила на трёх континентах, среди многих наций. Я знала очень богатых и очень бедных, причём знала их близко и тесно с ними дружила; моими друзьями были как самые высокопоставленные в мире люди, так и люди с самым незначительным положением в обществе. И во всех нациях, классах, расах я находила одни и те же человечность, красоту мысли, самопожертвование и любовь к другим, одни и те же грехи и слабости, гордость и эгоизм, одни и те же устремления, духовные порывы и желание служить. Если я сумею выразить это ясно и с силой, то одно это оправдает появление данной книги.

В долгой цепи человеческой истории, на фоне великих мировых **6]** фигур — кто такая Алиса Анна Бейли? Совершенно незначительная женщина, принуждавшаяся (как правило, против своей воли) обстоятельствами, активно вмешивающейся совестью и знанием того, что хочет её Учитель, к выполнению определенных заданий. Женщина, всегда боявшаяся жизни (по-видимому, отчасти благодаря тепличному детству); от природы настолько застенчивая, что даже сейчас, когда она приезжает на официальный завтрак, ей приходится собраться с мужеством, чтобы дернуть ручку звонка; большая домоседка, любящая готовить и стирать (и Бог знает, что она сполна вкусила такого

труда) и ненавидящая публичность. Я никогда не отличалась крепким здоровьем, но обладала огромной жизненностью. На протяжении всей своей жизни я была вынуждена проводить недели и даже месяцы в кровати. Последние восемь лет я живу благодаря усилиям медиков, но — вот о чем можно сказать, что я этим горжусь — я держусь, несмотря ни на что. Я находила жизнь очень-очень славной, даже тогда, когда большинство считало, что оно переживает наихудшие времена. Всегда нужно было столько сделать, познакомиться со столькими людьми! По существу, у меня только одна причина для недовольства — то, что я всегда очень уставала. На одном старом церковном кладбище в Англии есть надгробная плита со следующими словами, которые я хорошо понимаю:

> Бедная женщина здесь лежит, усталость её одолела.
> В мире, в котором она жила, было так много дела.
> Не плачьте по мне, о други; там, куда я ухожу,
> Не будет домашних хлопот; в спокойствии здесь нахожусь.
> Не плачьте по мне, о други, хоть гроб разлучить нас готов.
> Я ухожу, ничего чтоб не делать. Отныне. Во веки веков.

Впрочем, это был бы настоящий ад, и я туда не хочу. Я хочу взять себе новое, более подходящее, тело и вернуться обратно, чтобы собрать старые связи, разыскать ту же группу работников и продолжать свое дело. Если история моей жизни побудит обычного человека двинуться вперёд, эта книга окажется стоящей; если она 7] вдохновит кого-то стронуться с места, повинуясь духовному импульсу, это уже будет выигрышем; если я смогу придать силы, мужества и чувства реальности другим работникам и ученикам, это будет прекрасно.

Так что, вы видите: моё жизнеописание не представляет особого интереса. Однако для доказательства определённых фактов, существенных, как я знаю, для будущего счастья и прогресса человечества — фактов существования Учителей, развёртывающегося будущего, всего лишь подготовительной стадией которого послужила мировая война (только что закончившаяся), и возможности телепатических, прямых духовных контактов и знания — то, что я расскажу, может оказаться полезным. Множество мистиков, учеников и устремлённых мужчин и женщин на протяжении веков знали обо

всём этом. Пришло время, когда массам людей повсюду тоже пора узнать об этом.

Итак, приступим к истории моей жизни. Не подумайте, что она будет пространной религиозной исповедью. Я — особа непочтительная и насмешливая, с почти болезненным упрямством видящая забавную сторону вещей. Между нами говоря, глубокий интерес людей к себе и к своей душе, вся неразбериха и все сложности сопутствующих этому переживаний чуть ли не выводят меня из себя. Мне хочется встряхнуть их и сказать: “Выйди наружу и найди свою душу в других людях, — так ты найдёшь свою собственную”. То, что происходит в умах и сердцах, и то, что случается в мире людей, представляет фундаментальный интерес. Развернутая панорама человеческого прогресса от первобытного века до зари назревающей новой цивилизации вызывает интерес и имеет духовную подоплеку. Углублённость в себя, свойственная мистику средневековья, наблюдается, но отходит в прошлое; достижения современной науки (хотя и не то, как люди используют её откровения) являются главным духовным фактором современности; борьба, происходящая между политическими идеологиями, между трудом и капиталом, крушение **8]** наших прежних систем образования — все указывают на божественную и духовную закваску, вызывающую брожение в человечестве. Однако мистический путь интроспекции и божественного единения должен предшествовать оккультному пути интеллектуального осознания и божественного восприятия. Он всегда предшествовал ему в жизни индивидуума и человечества в целом. Мистический и оккультный пути, путь сердца и путь головы должны слиться и сплавиться, и тогда человечество узнает Бога, а не будет просто гадать, “не ощутят ли Его, и не найдут ли Его”.

Однако личное знание Бога придёт, если жить нормально и как можно более полнокровно, служить и интересоваться другими, тем самым прекращая сосредотачиваться на себе. Оно придёт, если распознавать благотворную жизнь и доброту любого народа, стараться быть счастливым и разумно оценивать благоприятные возможности — как свои собственные, так и других людей. Оно придёт благодаря насыщенной, выстроенной жизни. На английском кладбище, где похоронены мои родители, стоит надгробный камень (он сразу привлекает внимание входящих в ворота) со словами: “Она свершила, что смогла”. Мне эта надпись всегда казалась скорбной, — это эпитафия неудачнице. Я сожалею, что не свершила всего, что могла, но я всегда делала всё от меня зависящее в текущий момент. Я работала. Я делала ошибки. Я изнемогала, и я радовалась. Я

прекрасно провела время, живя, и не собираюсь проводить его скверно, умирая!

ГЛАВА I

9] Оглядываясь назад на своё раннее детство, я испытываю к нему чувство сильного отвращения. Конечно, плохо начинать историю своей жизни с такой ноты. Это то, что метафизики называют негативным утверждением. Но утверждение это истинно. Я не люблю многого из того, что мне припоминается из моего детства, хотя, возможно, немало читателей сочтут его замечательным по сравнению с ранними годами жизни бессчетных тысяч людей. Многие говорят, что детство — самая счастливая пора жизни. Я ни на йоту не верю в это. Оно было для меня временем наибольшего физического комфорта и роскоши; то было время свободы от всяческих материальных забот, но вместе с тем период жалких сомнений, разочарований, неприятных открытий и одиночества.

Когда я пишу это, я понимаю, что несчастья детства (по-видимому, это относится и ко всей жизни в целом) рисуются преувеличенными, кажутся более страшными, чем они были на самом деле. Человеческой природе присуща любопытная черта: человек любит отмечать и подчёркивать несчастья и трагедии и опускает моменты веселья и радости, безмятежного мира и счастья. Часы усилий и напряжения, похоже, влияют на наше сознание (этого скрупулезного регистратора событий) гораздо сильнее, чем бессчётные часы обыденной жизни. Если бы мы только осознали, что спокойные, без особых событий, часы всегда в конечном счете преобладают. Это те часы, дни, недели, месяцы, когда характер формируется, стабилизируется и готовится к кризисам — реальным, объективным, часто немаловажным, — с которыми мы с годами периодически сталкиваемся. В результате то, что мы развили в качестве характера, либо выдерживает испытание и указывает выход из кризиса, **10]** либо терпит неудачу и мы падаем, по крайней мере на время. Именно таким образом мы понуждаемся продолжать обучение. Когда я оглядываюсь назад на своё детство, то в памяти всплывают не бесчисленные, бедные событиями часы счастья, моменты спокойного ритма и недели, в течение которых не происходило ничего нервирующего, а моменты кризиса и часы, когда я была до отчаяния несчастна, время, когда казалось, что жизнь кончилась и ничего стоящего уже не будет.

Помню, моя старшая дочь пережила такой момент, когда ей было чуть больше двадцати. Она почувствовала, что ей не для чего жить, что жизнь — однообразная пустыня. Почему жизнь так

нелепа? Зачем продолжать её? Не зная, что на это ответить, я прибегла к своему опыту и, как сейчас помню, сказала ей: “Ну, дорогая, скажу тебе только одно: никогда не знаешь, что ждёт тебя сразу за углом”. Я обнаружила, что ни религия, ни исходящие из здравого смысла банальности — которые обычно слышишь — никогда не помогают во время кризиса. Что ждало её сразу за углом — так это мужчина, за которого она вышла замуж, обручившись с ним неделю спустя; с ним она с тех пор счастлива.

Нужно привыкать думать о том, что вызывает радость и счастье, а не только предаваться печали и переживать из-за трудностей. Хорошее, так же как и плохое, является тем, что имеет значение и заслуживает воспоминания. Первое позволяет нам сохранить веру в любовь Бога. Второе дисциплинирует и питает наше устремление. Внезапный миг, когда закат солнца приковывает наше восторженное внимание, или когда от глубокого и нерушимого безмолвия вересковых пустошей и сельской местности захватывает дух — это и есть моменты, которые надо вспоминать; небесный горизонт или буйство красок в саду, захватывающие нас до забвения всего остального; звонок другу и час общения и благотворного контакта; красота человеческой души, торжествующей перед лицом трудностей — все **11]** они не должны проходить незамеченными. Они представляют собой великие факторы, обусловливающие жизнь. Они указывают на божественное. Почему же они часто забываются и в уме прочно обосновываются моменты печальные, неприятные или ужасные? Я не знаю. По-видимому, на нашей планете страдание запечатляется острее, чем счастье, и кажется более длительным по своему воздействию. Возможно также, что мы боимся счастья и отталкиваем его от себя под влиянием выдающейся черты человека — страха.

В эзотерических кругах ведётся множество учёных разговоров о Законе Кармы, являющемся всего лишь восточным названием великого Закона Причины и Следствия; ударение всегда делается на злой карме и на том, как её избежать. Тем не менее я бы поручилась, что в общем гораздо больше хорошей кармы, чем плохой; я утверждаю это, несмотря на мировую войну, невыразимый ужас, владевший и по-прежнему владеющий нами, и несмотря на знание реального положения вещей, с которым всем общественным деятелям постоянно приходится иметь дело. Зло и несчастья пройдут, а счастье останется; сверх всего прочего придёт понимание: всё, что мы плохо построили, должно сгинуть, и у нас есть возможность построить новый, лучший мир. Это так, потому что Бог – это добро и жизнь, опыт – это тоже добро, и воля-к-добру присутствует всегда. Нам всегда предлагается

возможность исправить ошибки, которые мы допустили, и выправить те искажения, за которые мы ответственны.

Подробности моих несчастий уходят в такое далекое прошлое, что я не могу в них вдаваться, да и не намерена слишком загружать вас своими воспоминаниями. Многие причины находятся во мне самой, в чём я уверена. С мирской точки зрения, у меня не было повода быть несчастной, и мои родственники и друзья были бы **12]** сильно удивлены, знай они мои реакции. Не удивлялись ли вы много раз в жизни тому, что происходит в уме ребёнка? Дети имеют вполне определённое представление о жизни и об окружающем, у них есть свой внутренний мир, который недоступен другим, хотя это редко распознаётся. Я не помню времени, когда бы я не думала, не бывала озадачена, не задавала вопросов, не протестовала и не надеялась. Тем не менее только в 35 лет я действительно открыла, что у меня есть ум и что это нечто такое, чем я могу пользоваться. А до тех пор я была клубком эмоций и чувств; ум мой — такой, каким он был — использовал меня, а не я пользовалась им. Во всяком случае я была отчаянно несчастлива примерно до 22-х лет, после чего всё бросила, чтобы жить своей собственной жизнью. Все предыдущие годы я была окружена красотой; моя жизнь была очень разнообразной, я встречала много интересных людей. Я никогда не знала, что это такое — чего-то хотеть. Я росла в обычной роскоши своего времени и класса; меня опекали с величайшим тщанием — но подспудно я ненавидела всё это.

Я родилась 16 июня 1880 года в городе Манчестере в Англии, где мой отец был занят инженерным проектом для фирмы своего отца — одной из самых представительных в Великобритании. Я родилась под знаком Близнецов. Это означает постоянный конфликт между противоположностями — бедностью и богатством, вершинами счастья и безднами скорби, душой и личностью, или высшим “Я” и низшей природой. Соединённые Штаты и Лондон управляются Близнецами, вот почему именно в этой стране и в Великобритании будет разрешён великий конфликт между трудом и капиталом — двумя группами, выражающими интересы очень бедных и очень богатых.

До 1908 года я ничего не желала; я никогда не думала о деньгах; я вела себя как хотела. Но потом я познала чудовищную нищету. Как-то я три недели прожила на чае (без молока и сахара) и **13]** сухом хлебе, чтобы мои трое детей могли есть что-то более существенное. Девочкой я неделями гостила во многих знатных семьях, а потом мне пришлось работать на фабрике, чтобы кормить детей. То была фабрика по переработке сардин, и

я до сих пор не могу смотреть на сардины. Круг моих друзей (я использую это слово в его истинном смысле) охватывал представителей всех классов, от людей самого низкого положения до таких выдающихся особ, как великий князь Александр, зять последнего русского царя. Я никогда не жила подолгу на одном месте, потому что Близнецы вечно в движении. Мой маленький внук (он тоже настоящий Близнец) дважды пересёк Атлантику и дважды проезжал через Панамский канал, когда ему ещё не было четырёх. С другой стороны, если бы я не следила за собой самым внимательным образом, я бы всегда либо воспаряла на вершины счастья и окрылённости, либо погружалась в отчаяние и глубины депрессии. С опытом я научилась отрешаться от крайностей и стараюсь оставаться на равнине. В чём, впрочем, не вполне ещё преуспела.

Моим главным жизненным конфликтом была борьба между моими душой и личностью, и она всё ещё продолжается. Я пишу эти строки и вспоминаю собрание некоего “Группового Движения”, на которое меня заманили в 1935 году в Женеве, в Швейцарии. Руководителем была самодовольная, строгая, улыбающаяся “профессиональная” активистка, и там сидела масса людей, жаждущих засвидетельствовать свои дурные поступки и спасительное могущество Христа, создавая тем самым впечатление, что Богу интересно, извинилась ли (как призналась одна из участниц) она перед своей кухаркой за грубость. Что касается меня, то хорошие манеры, а не Бог, должны бы стать убедительной движущей силой. Наконец, поднялась очаровательная женщина — уже в возрасте, элегантная, искрящаяся юмором. “Я уверена, у вас приготовлено замечательное признание”, — сказала руководительница. “Нет, — ответила леди, — нет, у меня всё ещё продолжается сражение с Христом, и **14]** совершенно неясно, кто одержит верх”. Такое сражение идет постоянно, и для Близнеца, который духовно пробужден и служит, оно становится очень существенным, а также весьма личным делом.

Считается, что Близнецы похожи на хамелеона по своей природе, изменчивы по своему качеству и часто двуличны. Однако ко мне всё это не относится, несмотря на многие мои промахи, — возможно, меня спасает мой восходящий знак. Забавно, что ведущие астрологи приписывают мне разные знаки в качестве восходящего: Деву, потому что я люблю детей и стряпню и по-матерински опекаю организацию; Льва, поскольку я большая индивидуалистка (под этим они имеют в виду нелёгкий и властный характер), а также очень самосознательна; и Рыбы, поскольку этот знак является знаком посредника, или

примирителя. Сама я больше склоняюсь к Рыбам, потому что мой муж — Рыбы, да и моя очень любимая старшая дочь также родилась под этим знаком, и мы всегда понимали друг друга так хорошо, что часто ссорились. Ещё я, несомненно, действовала как посредник в том смысле, что учение, которое Иерархия Учителей желала дать миру в нашем столетии, содержится в книгах, за которые я несу ответственность. В любом случае, каким бы ни был мой восходящий знак, я настоящий Близнец, и этот знак, очевидно, обусловил мою жизнь и обстоятельства.

Присущая мне с раннего детства склонность быть несчастной объяснялась несколькими факторами. Я была самой невзрачной в нашей исключительно миловидной семье, хотя и не дурнушкой. Меня всегда считали довольно глупой в школе и самой бестолковой в нашей умной семье.

Моя сестра была одной из самых красивых девушек, каких я когда-либо видела, она обладает блестящими умственными способности. Я всегда была предана ей, хотя она во мне не нуждалась, потому что была исключительно ортодоксальной христианкой и считала каждого, кто имел несчастье быть разведённым, распущенным человеком. Она доктор, одна из первых женщин в долгой **15]** истории Эдинбургского университета, удостоившихся знаков отличия, причём — если мне не изменяет память — дважды. Ещё в юности она опубликовала три книги стихов, и я читала отзывы на эти книги в литературном приложении к “Лондон Таймс”, в которых её восхваляли как величайшую в Англии поэтессу того времени. Написанные ею книги – одна по биологии и другая по тропическим болезням – считались, по-моему, стандартными пособиями.

Она вышла замуж за моего двоюродного брата Лоренса Парсонса — выдающегося духовного лица английской церкви, бывшего одно время настоятелем в Кейп Колони.* Его мать была опекуном над моей сестрой и мной, назначенным Судом лорда-канцлера. Она была самой младшей сестрой моего отца, а Лоренс был одним из шести её сыновей, с которыми мы проводили время в детстве. Её муж, мой дядя Клэр, несколько строгий и суровый человек, был братом лорда Росса и сыном широко известного лорда Росса, упомянутого в “*Тайной Доктрине*”. Ребёнком я боялась его, однако незадолго до своей кончины он показал мне другую, малоизвестную сторону своей натуры. Его исключительной доброты ко мне во время первой мировой войны, когда я неимоверно бедствовала в Америке, я никогда не забуду. Он писал мне ободряющие, понимающие письма и давал почувствовать, что в Великобритании меня не забыли. Упоминаю

здесь об этом потому, что думаю, ни его семья, ни его невестка, моя сестра, и не подозревают о тех дружеских, счастливых отношениях, который были между мной и моим дядей в конце его жизни. Уверена, что он никогда о них не рассказывал, да и я этого не делала.

Моя сестра позднее занялась исследованием рака и сделала себе блестящее имя в этой крайне необходимой области медицины. Я очень горжусь ею. Я никогда не переставала восхищаться ею, и если она когда-нибудь прочтёт эту автобиографию, хочу, что бы она знала **16]** об этом. К счастью, я верю в великий Закон Перевоплощения, и когда-нибудь она и я наладим наши отношения.

Полагаю, одна из величайших мук в жизни ребенка — это отсутствие родного дома. Такое отсутствие самым серьёзным образом повлияло на мою сестру и на меня. Наши родители умерли, когда мне не было ещё девяти, причём оба — от туберкулёза (или чахотки, как его тогда называли). Страх туберкулёза давил на нас все детские годы, к нему добавлялось негодование отца по поводу нашего существования, особенно почему-то моего. Вероятно, ему казалось, наша мать осталась бы жива, если бы двое детей не истощили её силы.

Мой отец — Фредерик Фостер Ла Троуб-Бейтман, мать — Алиса Холлиншед. Оба принадлежали к древнему роду — семья отца уходит своими корнями в глубь столетий, в эпоху, предшествующую крестовым походам, а предки матери восходят к Холлиншеду — “Летописцу”, у которого, говорят, Шекспир заимствовал многие из своих сюжетов. Семейные древа и родословные никогда не казались мне имеющими сколько-нибудь реальную значимость. У каждого они есть, но лишь некоторые семьи вели записи. Насколько мне известно, никто из моих предков не совершил ничего особенно интересного. Они были людьми достойными, но, по-видимому, скучными. Как однажды выразилась моя сестра, “они столетиями сидели, уткнувшись носом в свою капусту”. Это был ладный, порядочный и культурный семейный ствол, но никто из принадлежавших к нему не обрёл ни хорошей, ни дурной славы.

Однако наш семейный герб очень интересен и, с точки зрения эзотерического символизма, необычайно многозначителен. Я совсем не разбираюсь в геральдике и в соответствующей терминологии, чтобы описать наш герб. Он состоит из жезла с крыльями на концах, а между крыльями видна пятиконечная звезда и лунный серп. Последний, конечно же, восходит к крестовым походам, в которых **17]** некоторые из моих предков должны были принимать участие, но я предпочитаю думать, что

весь символ олицетворяет крылья устремления и Жезл Посвящения, изображает цель и средства достижения, задачу эволюции и движущую силу, влекущую всех нас к совершенству — совершенству, которое в конечном счёте получает признание в обряде посвящения при помощи Жезла. На языке символизма пятиконечная звезда всегда означала совершенного человека, а лунный серп считается правителем низшей, или формальной, природы. Это азбука оккультного символизма, но интересно, что я нашла всё это собранным вместе на нашем семейном гербе.

Моим дедушкой был Джон Фредерик Ла Троуб-Бейтман. Он был знаменитым инженером, консультантом Британского правительства и ответственным в своё время за некоторые муниципальные системы водоснабжения Великобритании. У него была большая семья. Его старшая дочь, моя тётя Дора, вышла замуж за Бриана Бартелота, брата сэра Уолтера Бартелота из Стофем Парка в Пулборо, в Суссексе, а поскольку она была назначена нашим опекуном после смерти наших дедушки и бабушки, мы часто видели её с четырьмя её детьми. Двое из двоюродных братьев на всю жизнь остались моими близкими друзьями. Они были намного старше меня, но мы любили и понимали друг друга. Бриан (адмирал, сэр Бриан Бартелот) скончался всего два года тому назад, что стало подлинной утратой для меня и моего мужа, Фостера Бейли. Мы трое были близкими друзьями, и его писем нам очень не хватает.

Другая тётя, Маргарет Максвелл, наверно значила для меня больше, чем любой другой родственник в мире, а у меня их много. Она не была моим опекуном, но сестра и я проводили каждое лето с ней в её шотландском доме на протяжении ряда лет, и до самой смерти (когда ей было больше восьмидесяти лет) она писала мне регулярно, не реже раза в месяц. Она была одной из первых красавиц своего времени, и на её портрете в замке Кардонесс, в Кёркубри, можно видеть одну из самых прекрасных женщин, каких только можно себе представить. Она вышла замуж за “младшего **18]** Кардонесса” (как часто называют в Шотландии наследника), старшего сына сэра Уильяма Максвелла, но муж её, мой дядя Дэвид, умер раньше своего отца и, потому, не унаследовал титула. Ей я обязана бо́льшим, чем вообще я смогу отплатить. Она дала мне духовную ориентацию, и, хотя её теология была крайне узкой, сама она была очень широкой натурой. Она дала мне определённые ключевые ноты духовного образа жизни, никогда меня не подводившие, да и сама она до самой своей кончины не подводила меня. Когда я заинтересовалась эзотерическими вопросами и перестала быть ортодоксальной, теологически мыслящей христианкой, она

написала мне, что не понимает меня, но безусловно мне доверяет, поскольку знает, что я глубоко люблю Христа и какую бы доктрину я ни отвергла, она уверена: я никогда не отвергну Его. И это совершенная правда. Она была красивой, привлекательной, доброй и пользовалась большим влиянием на Британских островах. У неё была собственная, специально построенная и оборудованная сельская больница; она оказывала поддержку миссионерам в языческих странах и была президентом ХСЖМ* в Шотландии. Если я в чём-то послужила своим собратьям и кое-что сделала для того, чтобы помочь людям приблизиться к духовному осознанию, то это в значительной степени потому, что именно её любовь подтолкнула меня на верную стезю. Она одна из немногих, кто обо мне заботился больше, чем о моей сестре. Между нами установилась связь, которая остаётся неразрывной и останется неразрывной навсегда.

Я уже упоминала о младшей сестре отца, Агнес Парсонс. Было ещё двое других: Гертруда, вышедшая замуж за г-на Гурни Лэтэма, и младший брат отца Ли Ла Троуб-Бейтман, единственный, кто ещё жив. Моя бабушка — Анна Фейрберн, дочь сэра Уильяма Фейрберна и племянница сэра Питера Фейрберна. Мой прадед, сэр Уильям, был, по-моему, партнёром Уоттса (знаменитого творца паровой машины) и одним из первых строителей железных дорог в викторианскую эру. Через мать моего дедушки (девичье имя которой **19]** было Ла Троуб) я происхожу от французской гугенотской ветви, то есть Ла Троубы из Балтимора находятся со мной в родстве, хотя я никогда не искала с ними встречи. Чарльз Ла Троуб, мой прапрадядя, был в числе первых губернаторов Австралии, а другой Ла Троуб был первым губернатором Мэриленда. Ещё один брат, Эдуард Ла Троуб, был архитектором, хорошо известным в Вашингтоне и Великобритании.

Фейрберны не относятся к так называемой потомственной аристократии, принадлежность к которой, как известно, особенно ценится. По-видимому, это было спасением для ветви Бейтман — Холлиншед — Ла Троуб. Они принадлежали к аристократии умов, что немаловажно в наши демократические времена. Уильям и Питер Фейрберны вступили в жизнь сыновьями бедного шотландского фермера в XVIII столетии. Они сделались богатыми людьми и приобрели титулы. Вы найдёте имя сэра Уильяма Фейрберна в словаре Уэбстера, а память о сэре Питере увековечена статуей в сквере в Лидсе (Англия). Помню, несколько лет назад я приехала в Лидс читать лекции. Когда такси проезжало через сквер, я заметила статую невзрачного бородатого старика. На следующий день муж пошёл на неё

взглянуть, и я узнала, что критиковала своего прадядюшку! Великобритания была демократической страной даже в те далёкие времена, люди имели шанс подняться наверх, если у них были для этого предпосылки. Наверное, примесью плебейской крови объясняется тот факт, что многие из моих двоюродных братьев и сёстер и их дети были видными мужчинами и привлекательными женщинами.

Отец не заботился обо мне, и когда я смотрю на свою детскую фотографию, мне нечем восхищаться, — передо мной тощее, жалкое, напуганное существо. Матери не помню, она умерла 29-и лет, когда мне было всего шесть. Я помню её прекрасные золотистые **20]** волосы и её мягкость, и только. Помню также её похороны в Торквее, в графстве Девоншир, потому что моя реакция на это событие свелась к следующей реплике в адрес моей кузины Мэри Бартелот: “Смотри-ка, у меня длинные чёрные чулки с резинками”, — впервые в жизни я удостоилась замены носочков на чулки. По-видимому, одежда всегда важна, в любом возрасте и обстоятельствах! Я прибрала к рукам большую, покрытую серебром шкатулку, которую отец имел обыкновение всюду носить с собой; в ней находился единственный, когда-либо бывший у меня, портрет матери. Я возила её с собой по всему миру, и летом 1928 года её украли, когда я вышла из нашего дома в Стэмфорде, в штате Коннектикут, где мы тогда жили, а вместе с ней пропали моя Библия и сломанное кресло-качалка. Самый забавный выбор похищенного, о котором я когда-либо слышала.

Библия была для меня самой большой утратой. Это была уникальная Библия, моя любимая вещь на протяжении двадцати лет. Её подарила мне близкая подруга детства Кэтрин Роуэн-Гамильтон; напечатана она была на тонкой писчей бумаге с широкими полями для заметок. Поля были шириной около двух дюймов, и на них была записана микроскопическим почерком (с помощью гравировального пера) моя духовная история. В ней находились маленькие фотографии близких друзей и автографы моих духовных спутников на Пути. Жаль, что сейчас её нет со мной, она бы многое мне рассказала, напомнила о людях и об эпизодах моей жизни и помогла бы проследить моё духовное раскрытие — раскрытие работника.

Когда мне было несколько месяцев, меня взяли в Монреаль, в Канаду, где мой отец был в числе инженеров, задействованных на строительстве моста Виктории через реку Св. Лаврентия. Там родилась моя единственная сестра. У меня сохранилось лишь два живых воспоминания о том времени. Одно связано с серьёзным беспокойством; я причинила его родителям, когда затащила

маленькую сестру в огромный сундук, где хранились наши многочисленные игрушки. Нас не могли найти довольно долго, и мы чуть не **21]** задохнулись, потому что крышка захлопнулась. Другое — моя первая попытка совершить самоубийство! Я просто не находила жизнь сто*я*щей. Мой пятилетний опыт привёл меня к убеждению, что всё тщетно, поэтому я решила: если я бухнусь вниз с каменной кухонной лестницы (очень крутой), пролетев до самого низа, я наверняка умру. Я не добилась своего. Повар Бриджет подобрал меня и отнёс наверх (всю в синяках и ушибах), где меня ждали ласки и утешения — но не понимание.

За свою жизнь я сделала ещё две попытки покончить с собой, но лишь обнаружила, как это трудно — совершить самоубийство. Все они были сделаны до того, как мне исполнилось пятнадцать. Примерно в одиннадцать лет я попробовала задохнуться, уткнувшись в песок, но песок во рту, носу и глазах создаёт скверное ощущение, и я решила отложить задуманное до лучшего дня. В последний раз я попыталась утопиться в реке в Шотландии. Но снова инстинкт самосохранения оказался слишком сильным. С тех пор самоубийство больше не прельщало меня, хотя я всегда понимала этот импульс.

Эта постоянно возобновляющаяся мука была, видимо, первым признаком мистической тенденции в моей жизни, которая позднее мотивировала всё моё мышление и деятельность. Мистики — это люди с сильным ощущением двойственности. Они всегда искатели, сознающие нечто, что надо искать; они всегда влюбленные, ищущие нечто достойное их любви; они всегда сознают то, с помощью чего должны искать единство. Они подчиняются сердцу и чувству. Мне в то время не нравилось “ощущение” жизни. Я не ценила того, чем мир был или что он предлагал. Я была убеждена, что ценности заключаются в чём-то ином. Я была болезненна, полна жалости к себе, вследствие одиночества чрезвычайно интроспективна (это звучит лучше, чем — сосредоточена на себе) и убеждена, что никто меня не любит. Оглядываясь назад, я думаю: а почему вообще кто-то должен был меня любить? И сейчас я не могу **22]** никого упрекать. Сама я никому ничего не отдавала. Меня вечно занимала моя реакция на людей и обстоятельства. Я была несчастным драматическим центром своего маленького мирка. Ощущение того, что ценности заключаются в чём-то ином, умение “чувствовать” людей и обстоятельства, зачастую знать, что они думают или переживают, стало началом мистической фазы в моей жизни; из неё, как потом оказалось, проистекло много хорошего.

Так я сознательно приступила к извечному поиску мира смысла, который должен быть найден, если есть стремление

разобраться в дебрях жизни и горестях человечества. Прогресс коренится в мистическом сознании. Хороший оккультист должен быть, прежде всего, практикующим мистиком (или практическим мистиком — а может, и тем и другим сразу); развитие сердечного отклика и способность чувствовать (чувствовать точно) должны естественно и нормально предшествовать ментальному подходу и способности знать. Несомненно, духовный инстинкт обязан предшествовать духовному знанию, так же как инстинкты животного, ребёнка и малоразвитого человека всегда предшествуют интеллектуальному восприятию. Конечно, видение должно прийти прежде, чем обретен навык претворять видение в реальность. Безусловно, поиск и слепое предчувствие Бога обязаны предварять сознательное проторение “Пути”, ведущего к откровению.

Возможно, наступит время, когда нашим юношам и девушкам будут уделять определенное внимание, развивая у них нормальные мистические наклонности. Последние нередко игнорируют, рассматривая их как отроческие фантазии, которые в свое время отпадут. Думаю, они предоставляют поле деятельности для родителей и воспитателей. Этот период надо бы использовать самым конструктивным, плодотворным образом. Можно было бы направить жизненную ориентацию, предупредить многие позднейшие несчастья, если бы причина и цель поиска, невысказанных желаний и мечтательных порывов были бы уяснены теми, кто несёт **23]** ответственность за молодых людей. Молодёжи можно было бы объяснять, что в них идет нормальный, правильный процесс, являющийся результатом опыта прошлых жизней и указывающий на то, что следует уделять внимание ментальной стороне их природы. Кроме всего прочего, следует беседовать о душе, о внутреннем духовном человеке, стремящемся явить свое присутствие. Надо подчеркивать всеобщность этого процесса, что устранит одиночество и ложное чувство своей выделенности и особенности — мучительный компонент этого переживания. Убеждена, что метод работы с отроческими томлениями и мечтаниями получит в будущем больше внимания. Я рассматриваю глупые отроческие несчастья, через которые я прошла, лишь как открытие мистической фазы в моей жизни; со временем она уступила место оккультной фазе с присущими ей большей уверенностью, пониманием и твёрдыми убеждениями.

Когда мы уехали из Канады, мама серьёзно заболела, и мы отправились в Давос, в Швейцарию, и пробыли там несколько месяцев, пока отец не увёз её обратно в Англию умирать. После её смерти мы все переехали жить к моим дедушке и бабушке в Мур

Парк в графстве Суррей. Здоровье отца было к тому времени серьёзно подорвано. Жизнь на родине, в Англии, не помогла ему, и незадолго до его смерти мы, дети, двинулись вместе с ним в По, в Пиренеи. Мне было восемь лет, сестре шесть. Однако болезнь отца стремительно прогрессировала, и мы вернулись в Мур Парк и оставались там , а отец (вместе со слугой) отправился в длительное морское путешествие в Австралию. Мы больше никогда его не видели, он умер по пути из Австралии на Тасманию. Хорошо помню день, когда к старикам пришло известие о его смерти, помню также, как его слуга вернулся с его вещами и ценностями. Любопытно, что незначительные детали, такие как передача этим человеком бабушке отцовских часов, остались в памяти, тогда как более **24]** важные как будто стерлись. Интересно, чем обусловлена эта особенность памяти, почему одно запечатлевается в ней, а другое нет?

Такие просторные английские дома, как Мур Парк, никак не посчитаешь уютными, и все же они уютны. Дом был не особенно старым, будучи построен во времена королевы Анны сэром Уильямом Темплем. Именно он ввёз в Англию тюльпаны. Сердце его — в серебряной урне — похоронено под солнечными часами в центре геометрически правильного сада, виднеющегося из окон библиотеки. Мур Парк был своего рода достопримечательностью и иногда, в воскресенье, открывался для широкой публики. У меня сохранилось два воспоминания в связи с библиотекой. Помню, как я стояла у одного из её окон, пытаясь вообразить себе картину, какую должен был видеть сэр Уильям Темпль — английские парки и террасы с гуляющими знатными лордами и леди в одежде того времени. Затем другая сцена, на сей раз не воображаемая: я вижу гроб с лежащим в нем дедушкой, на нем только один венок, присланный королевой Викторией.

Наша с сестрой жизнь в Мур Парке (мы там жили, пока мне не исполнилось тринадцать) была подчинена строгой дисциплине. До этого мы жили жизнью путешествий и перемен, и я уверена, что дисциплина была нам крайне необходима. За этим следили разные гувернантки. Только одну я запомнила благодаря её своеобразному имени — мисс Милличэп.* У неё были красивые волосы, простое лицо, одевалась она очень строго — в платье, застёгнутое наглухо снизу до самого горла, и всегда была влюблена в очередного помощника приходского священника — причем безнадёжно, ибо так и не вышла замуж ни за одного. У нас была просторная классная комната наверху, где гувернантка, няня и служанка нами занимались.

Дисциплина поддерживалась до тех пор, пока я не выросла, и, оглядываясь назад, я понимаю, насколько она была суровой.

Каждая минута нашего времени была расписана, и даже сейчас я вижу **25]** расписание, висящее на стене класса, и на нём — наш следующий урок. Я отчетливо помню, как подходила к нему, спрашивая себя: “Что теперь?” Подъём в 6 утра, всё равно, дождь или солнце, зима или лето; час играть гаммы или делать уроки, если очередь сестры играть на пианино; завтрак ровно в 8 в классной комнате, затем вниз в столовую в 9 часов для семейной молитвы. Приходилось начинать день с обращения к Богу, и, несмотря на суровость семейной веры, я считаю это полезной привычкой. Глава дома восседал с фамильной Библией в руках, вокруг собирались члены семьи и гости; слуги располагались согласно своим обязанностям и рангу: домоправитель, повар, прислуга для леди, главная горничная и младшие горничные, кухарка, посудомойка, лакеи и швейцар. Чувствовались и настоящая преданность, и сильное неприятие, истинное вдохновение и откровенная скука, но жизнь именно такова. Однако в целом эффект был хорошим, и мы в те дни чуть больше помнили о божественном.

Затем с 9.30 до полудня мы делали уроки с гувернанткой, после чего шли на прогулку. Нам дозволялось присутствовать на ленче в столовой, но не разрешалось разговаривать, и за тем, чтобы мы хорошо себя вели и помалкивали, бдительно следила гувернантка. По сей день помню, как я однажды погрузилась в задумчивость, или дневную грёзу (как это бывает со всеми детьми), положив локти на стол и уставившись в окно. Внезапно меня вернул к действительности голос моей бабушки, обращавшейся к одному из лакеев вокруг стола: “Джеймс, сходите, пожалуйста, за двумя блюдцами и подложите их под локти мисс Алисы”. Джеймс послушно выполнил приказание, и до конца ленча моим локтям пришлось покоиться на блюдцах. Я никогда не забывала этого унижения, и даже сейчас, больше пятидесяти лет спустя, я сознаю, что нарушаю приличия, когда кладу локти на стол, — а я это делаю. **26]** После ленча мы должны были час лежать на наклонной доске, в то время как гувернантка читала вслух что-нибудь полезное, затем снова прогулка, после которой мы делали уроки до пяти.

В пять мы должны были идти в спальню, где няня или служанка готовили нас к выходу в гостиную. Белые платьица, цветные шарфики, шелковые чулки и тщательно причёсанные волосы были обязательны; в таком виде, взявшись за руки, мы шли в гостиную, где домашние сидели за чаем. Остановившись в дверях, мы делали реверанс; с нами разговаривали, требуя от нас отчёта, отчего мы чувствовали себя вдвойне несчастными, пока гувернантка не забирала нас обратно. Ужин в классе был в 6.30,

потом уроки до 8 — это время отхода ко сну. Никогда в те викторианские времена не оставалось времени на то, чтобы заняться чем-то своим. Жизнь была проникнута дисциплиной, ритмом и послушанием, изредка прерываемыми взрывами бунта, за которыми следовало наказание.

Прослеживая жизнь трёх моих девочек в Соединённых Штатах, где они родились и жили до своего совершеннолетия, наблюдая их учёбу в школе, я спрашиваю себя, как бы они оценили ту регламентированную жизнь, которою вели мы с сестрой. Как бы то ни было, я пыталась обеспечить своим дочерям счастливую жизнь, и когда они ворчат на трудности — что естественно и нормально для всех молодых людей — я вынуждена признать, какое прекрасное детство было у них по сравнению с девочками моего поколения и социального положения.

До двадцати лет жизнь моя была безраздельно порабощена людьми или социальными условностями эпохи. Того нельзя; этого не смей; такое-то поведение некорректно — что подумают или скажут люди? О тебе будут судачить, если ты сделаешь то-то и то-то; с такого сорта людьми тебе не следует знаться; не разговаривай с этим **27]** мужчиной или этой женщиной; приличные люди так не говорят и не думают; не смей зевать или чихать на людях; нельзя заговорить первой, пока к тебе не обратятся; и так далее, и тому подобное. Жизнь была полна запретов, любая возможная ситуация регулировалась самыми детальными правилами.

Ещё два воспоминания встают в моей памяти. С самого раннего детства нас учили заботиться о бедных и больных, осознавая, что благополучие влечет за собой ответственность. Несколько раз в неделю перед выходом на прогулку нам полагалось зайти к домоправителю за выпечкой и супом для какого-нибудь больного в поместье, за детской одеждой для новорожденного в одном из домиков, за книгами для того, кто обречен сидеть дома. Это может служить примером патернализма и феодализма в Великобритании, но это имело и свои положительные стороны. Может и хорошо, что это прекратилось — лично я в этом убеждена — но мы привыкали к чувству ответственности и долга по отношению к другим, свойственному имущим классам страны. Нас научили, что деньги и положение влекут за собой определённые обязательства и что эти обязательства должны выполняться.

Ещё я ярко помню красоту сельской местности, усеянные цветами тропинки, многочисленные рощи; там мы с сестрой катались в маленькой бричке, запряжённой пони. В те дни она

называлась “гувернантская повозка” и предназначалась, думаю, для маленьких детей. Летом мы обычно в ней выезжали в сопровождении мальчика-пажа в униформе с пуговицами и шляпе с кокардой, стоящего на ступеньке. Я иногда спрашиваю себя, вспоминает ли сестра о тех днях.

После смерти дедушки Мур Парк был продан, и мы с бабушкой переехали жить в Лондон. Главным воспоминанием того времени являются для меня поездки с ней по парку в двухместной **28]** коляске, запряжённой парой лошадей, с кучером и ливрейным лакеем на запятках. Эти выезды были так скучны и монотонны! Были и другие развлечения, но вплоть до смерти бабушки мы проводили с ней много времени. Она была уже очень старой леди, но даже тогда сохраняла остатки красоты; должно быть, она была очень миловидной в своё время, как на портрете, написанном во время её замужества в начале девятнадцатого столетия. Когда я во второй раз приехала в Соединённые Штаты, после того, как, взяв с собой старшую дочь, еще ребёнка, ездила на родину увидеться с родственниками, я прибыла в Нью-Йорк усталой, больной, несчастной, тоскующей по дому. Позавтракать отправилась в отель “Готам”, на Пятой авеню. В гостиной, ощущая сильную подавленность и депрессию, я открыла иллюстрированный журнал. И сразу, к своему удивлению, увидела портрет бабушки и портреты дедушки и прадеда. Это было так неожиданно, что я расплакалась, но после этого я не чувствовала себя такой далёкой от них.

С момента, когда я покинула Лондон (мне тогда было около тринадцати), и до поры, когда наше образование было сочтено завершённым, вся моя жизнь состояла из сплошных перемен и переездов. Ни у сестры, ни у меня здоровье не считалось крепким, и мы провели несколько зим за границей, на французской Ривьере, где для нас снималась небольшая вилла рядом с большим домом для дяди и тёти. Там у нас были французские учителя, гувернанткой была местная уроженка, а уроки велись по-французски. Лето мы проводили в доме другой тёти на юге Шотландии, время от времени выезжая нанести визит другим родственникам и свойственникам в Галлоуэе. Теперь-то я понимаю, насколько богата встречами была та жизнь; неторопливые дни были проникнуты красотой, царила самая настоящая культура. Было время для чтения, и часы проводились за интересными беседами. Осенью мы возвращались в Девоншир, сопровождаемые повсюду гувернанткой мисс Годби; она пришла к нам, **29]** когда мне было двенадцать, и оставалась с нами, пока я не поступила в восемнадцать лет в пансион для девиц в Лондоне. Она единственная, к кому я “прикипела”. Она дала мне ощущение

близости и была одним из немногих людей в тогдашней моей жизни, кто, как я чувствовала, действительно любил меня и верил в меня.

Три человека вызывали в то время у меня чувство доверия. Одним из них была моя тётя, г-жа Максвелл из Кастрамонта, я о ней упоминала. Мы обычно проводили у неё лето, она была — я это вижу, оглядываясь назад — одной из основных обусловливающих сил в моей жизни. Она дала мне жизненный ориентир, я и по сей день чувствую, что любое мое достижение можно объяснить её глубоко духовным влиянием. До самой своей смерти она сохраняла тесную связь со мной, хотя последние двадцать лет её жизни я с ней не виделась. Другим, кто всегда понимал меня, был сэр Уильям Гордон из Ирлстоуна. Он был не кровным родственником, а побочным, для всех нас просто "дядя Билли". Еще молодым лейтенантом он был одним из тех, кто руководил "атакой лёгкой бригады" в Балаклаве, и, по слухам, он единственный вышел живым из боя, "неся свою голову подмышкой". Ребёнком я часто трогала золотые пластины, которыми хирурги того времени укрепили его череп. Он всегда заступался за меня, и я как сейчас слышу его слова (он не раз их повторял): "Я полагаюсь на тебя, Алиса. Иди своим путём. С тобой всё будет в порядке".

Третьим человеком была гувернантка, о ней я уже говорила. Я постоянно поддерживала с ней связь и виделась с ней незадолго до её смерти в 1934 году. Она была уже старой леди, но показалась мне все той же. Она поинтересовалась двумя обстоятельствами. Мужа моего она спросила, верю ли я по-прежнему в Христа, и по-видимому совершенно успокоилась, когда он ответил безусловным "да". **30]** Другое обстоятельство касалось скандального эпизода в моей жизни. Она хотела знать, помню ли я, как однажды утром, в четырнадцать лет, бросила все её драгоценности в унитаз и нажала на спуск. Еще бы не помнить! Это было обдуманное преступление. Я за что-то на неё разозлилась, хотя за что именно, я забыла. Отправившись в её комнату, я собрала все её ценности — наручные часы, брошки, кольца, и т.д. и т.п. — и избавила её от них безвозвратно. Я думала, она не узнает, что это сделала я. Но оказалось, что она ценит меня и моё развитие больше, чем свою собственность. Как видите, я не была милым ребёнком. Я не только была с характером, но ещё всегда хотела знать, чем люди живы и что заставляет их работать и вести себя так, как они это делают.

Мисс Годби имела привычку вести дневник самоанализа, куда каждый вечер заносилось всё, что за день получилось скверного, и где она несколько болезненно (с точки зрения моего

нынешнего отношения к жизни) анализировала свои слова и поступки за день в свете вопроса: “Что сделал бы Иисус?” Я обнаружила эту книжицу, роясь в её вещах, и внимательно прочитала записи. Так выяснилось, что она всё-таки знает, что это я взяла и уничтожила все её драгоценности, но о чем — дисциплинируя себя и помогая мне — она не собиралась говорить мне ни слова, пока совесть не принудит меня сознаться. Она знала: я неизбежно сознаюсь, — потому что верила в меня, а почему, не могу себе представить. На исходе третьего дня я пошла к ней и рассказала о том, что сделала; в результате она больше расстроилась оттого, что я прочитала её частные бумаги, а не потому, что я уничтожила её драгоценности. Заметьте: я полностью созналась. Эта её реакция изменила моё **31]** представление о ценностях. Она заставила меня глубоко задуматься о том, что хорошо для моей души. Впервые я начала отличать духовные ценности от материальных. Для неё бо́льшим грехом была бесчестность, допускающая читать интимные записи, чем уничтожение материальных предметов. Она преподала мне первый великий урок оккультизма: необходимость различать между “Я” и не-“Я”, между нематериальными ценностями и материальными.

Работая у нас, она получила наследство — не слишком большое, но достаточное для того, чтобы избавить её от необходимости зарабатывать на жизнь. Но она отказалась оставить нас, чувствуя (как она рассказывала мне позднее, когда я стала старше), что я лично нуждаюсь в её заботе и понимании. Вообще отношения с людьми складывались у меня счастливо, правда, и в первую очередь потому, что люди так милы, добры и понятливы. Хочу засвидетельствовать, что она и тётя Маргарет дали мне нечто столь духовно значительное, что и по сей день я пытаюсь жить в намеченном ими ключе. Они были очень разными. Мисс Годби была простой, вполне заурядной по своему происхождению и способностям, но здравомыслящей и очень милой. Тётя моя была ослепительно красивой, широко известной своими филантропической деятельностью и религиозными воззрениями, но столь же здравомыслящей и милой.

В восемнадцатилетнем возрасте меня послали в пансион для девиц в Лондоне, а сестра снова отправилась на юг Франции с гувернанткой. Впервые в жизни нас разлучили, и впервые я была предоставлена самой себе. Не думаю, что я делала большие успехи в школе; по истории и литературе я училась хорошо, действительно очень хорошо. Мне дали полноценное классическое образование, и можно кое в чём одобрить интенсивную индивидуальную подготовку, если ребёнка учит

хороший частный учитель. Когда же дошло до математики, вернее, обычной арифметики, я оказалась безнадёжно тупой — настолько тупой, что в этой школе её вообще **32]** исключили из моей программы, поскольку было сочтено невозможным, чтобы высокорослая восемнадцатилетняя девица решала задачки наравне с двенадцатилетними. Думаю, там ещё помнят (если меня вообще помнят, что сомнительно), как я собрала все пуховые подушки и вышвырнула их с четвертого этажа на головы гостей директрисы, чинно шествовавших в столовую на первом этаже. Я это сделала под восторженный шёпот девочек.

Затем последовал двухлетний период весьма скучной, монотонной жизни. Опекун арендовал для нас с сестрой небольшой дом в городке близ Сен-Олбан в Хертфордшире, поместил нас туда вместе с нашей дуэньей и предоставил самим себе. Первое, что мы сделали — это приобрели велосипеды лучшей марки и пустились обследовать окрестности. До сих пор помню острое возбуждение, когда прибыли два ящика и мы распаковывали блестящие механизмы. Мы катались повсюду и неплохо проводили время. Мы исследовали местность, бывшую тогда сплошь сельской, а не пригородом, как сейчас. Полагаю, именно в тот период я почувствовала вкус к тайне, позднее перешедший в пылкую любовь к детективам и таинственным историям. Когда мы однажды солнечным утром, толкая перед собой наши велосипеды, поднимались на очень крутой холм, двое мужчин на велосипедах спускались навстречу и прокатились мимо. Поравнявшись с нами, один бросил своему товарищу: “Уверяю же тебя, дружище, оно стояло на одной ноге и исчезло как дьявол”. Я до сих размышляю над этой тайной и пока не добилась разгадки.

Именно в это время я предприняла свою первую попытку преподавания. Я взяла класс мальчиков в воскресной школе. Этих подростков охарактеризовали как совершенно неуправляемых. Я договорилась, что буду преподавать им в пустом зале около церкви, а не в самой воскресной школе, и что в это время мне не будут мешать. То было захватывающее время. Началось с бунта и моих слёз, **33]** а на исходе трёх месяцев мы стали тесной дружеской компанией. Что я преподавала и как — совершенно забылось. Всё, что я помню, — это много смеха и шума и крепкая дружба. Принесло ли им это пользу в дальнейшей жизни, я не знаю, но знаю, что удерживала их от шалостей в течение двух часов каждое воскресное утро.

В эти годы вплоть до двадцати двух лет, когда я стала получать небольшой собственный доход (как и моя сестра), мы вели жизнь светских барышень; мы участвовали в трёх так

называемых “лондонских сезонах”, развлекаясь в обычной череде пикников, чаепитий и ужинов и определённо состоя на рынке невест. Я была в те дни глубоко религиозной, но мне приходилось ходить на танцы, потому что я не хотела, чтобы моя сестра посещала такие скверные мероприятия без меня. Не знаю, как терпели меня люди, с которыми я знакомилась. Я была столь религиозной с такими накалённо-мистическим сознанием и болезненно чувствительной совестью, что для меня невозможно было танцевать или сидеть с кем-то рядом за обеденным столом, не осведомившись, “спасён” он или нет. Думаю, единственное, что спасало меня от жгучего отвращения и яростной неприязни со стороны других были моя искренность и очевидное нежелание приставать с расспросами. Кроме того, я была очень молода, неимоверно наивна, весьма привлекательна и хорошо одета; ещё, несмотря на свою показную святость, я была элегантна, интеллигентна, хорошо образована, а порой и интересна.

Оглядываясь назад, я втайне уважаю себя, ибо была такой болезненно робкой и сдержанной, что страдала от невыразимых мук, когда заставляла себя преодолевать свою робость, выражая заботу о душах посторонних людей.

Помимо того факта, что мои тётя и гувернантка были религиозными людьми — что ещё бесповоротно утвердило меня в моём духовном устремлении и решимости быть образцово-порядочной? То, что эта решимость была навеяна моим религиозным окружением, не имеет никакого отношения к данному вопросу; я не нашла **34]** ничего лучшего, чем выражать свою духовность посредством посещения церковной службы, по возможности каждое утро, и посредством попыток “спасти” людей. Подобного выражения религиозного служения и активности было тогда не миновать, и в конце концов я его переросла. Но что именно превратило меня — девушку с очень дурным нравом, довольно пустую и праздную, в работника и — на время — в фанатичку?

30 июня 1895 года у меня было переживание, благодаря которому я никогда не забуду эту дату и навсегда сохраню её в памяти. Я месяцами пребывала в муках отроческих горестей. Жить не стоило. Не было ничего, кроме печали и тревог. Я не просила о появлении на свет, но я на нём оказалась. Мне было ровно пятнадцать. Никто меня не любил, и я знала, что у меня ужасный характер, и поэтому я не удивлялась, что жизнь так трудна. Впереди не предвиделось никакого будущего, кроме брака и нудного быта человека моей касты и положения. Я ненавидела всех (за исключением двух-трёх человек) и завидовала своей сестре, её уму и привлекательности. Меня

воспитали христианкой самого узкого толка, уверенной в том, что пока люди думают не так, как я, они не спасутся. Англиканская церковь делится на две партии: одна консервативная, почти англо-католическая, и другая, с евангелическим уклоном, обрекающая на ад тех, кто не принимает определённых догматов, и сулящее рай тем, кто их принимает. Я шесть месяцев в году принадлежала к одной партии, а остальные шесть месяцев (когда не находилась в Шотландии под влиянием тёти) — к другой. Я разрывалась между красивыми ритуалами и узкими догмами. Обе группы назойливо твердили мне о миссионерской работе. Мир делился на христиан, упорно работающих над спасением душ, и язычников, кланяющихся каменным истуканам, боготворящих их. Будда был **35]** истуканом, и мне никогда не приходило в голову, что изображения Будды равнозначны статуям и изображениям Христа в христианских церквях, знакомых мне по европейскому континенту. Я находилась в непроглядном тумане. Тогда-то — когда я находилась на пике скорби и в самой гуще своих сомнений и дилеммы — ко мне пришёл один из Учителей Мудрости.

Во время этого случая и много лет спустя я не имела ни малейшего представления о том, Кто Он такой. Я онемела от испуга. При всей своей юности я была достаточно наслышанной, чтобы знать об отроческом мистицизме и религиозной истерии; я слышала религиозные дискуссии на эту тему. Я посетила немало религиозных собраний и видела как люди “теряют контроль” над собой, как я это называла. Поэтому я никогда никому не рассказывала с своём переживании из страха, что меня сочтут душевнобольной, требующей усердного попечения и присмотра. Духовно я была вполне живой. Я неописуемо остро сознавала свои ошибки. В то время я гостила у тёти Маргарет в Кастрамонте, в Кёркубри, где царила образцово-религиозная атмосфера.

Было воскресное утро. В предыдущее воскресенье я прослушала проповедь, всколыхнувшую всё моё устремление. В это же воскресенье я почему-то не пошла в церковь. Все ушли и в доме никого не было, кроме меня и слуг. Я читала в гостиной. Дверь открылась, и вошёл высокий человек в европейской одежде (как помню, очень ладно скроенной), но с тюрбаном на голове. Он подошёл и сел рядом. Я окаменела при виде тюрбана и не могла произнести ни звука, не то что спросить, что он здесь делает. Затем он стал говорить. Он сказал мне, что запланирована определённая работа, которую я могла бы выполнить для мира, но для этого от меня потребуется кардинально изменить свой нрав; мне следует **36]** прекратить

быть такой неприятной молодой особой, надо постараться обрести достаточный самоконтроль. Польза, которую я в будущем смогу принести Ему и миру, зависит от того, насколько я справлюсь с собой, и от перемен, которых я сумею добиться. Он сказал, что, если я достигну реального самоконтроля, мне можно будет доверять, и что я буду путешествовать по всему миру, посещать множество стран, “постоянно выполняя работу своего Учителя”. Эти слова и поныне звучат у меня в ушах. Он подчеркнул, что всё зависит от меня, и сказал, что именно я могу и должна сделать немедленно. Добавил, что будет вступать в контакт со мной с интервалами в несколько лет.

Беседа была очень краткой. Я ничего не говорила, просто слушала, Он же говорил довольно настойчиво. Сказав то, что собирался, Он встал и вышел; помедлив у двери, Он подарил мне взгляд, который я до сих пор помню очень отчётливо. Я не знала, что делать. Оправившись от шока, я почувствовала страх и подумала, что я спала и видела сон или что я схожу с ума, а затем ощутила самодовольное удовлетворение. Я почувствовала себя кем-то вроде Жанны д’Арк (она в то время была моей героиней), подобно которой я вижу духовные видения и, следовательно, предназначена для великой работы. Какой именно — я не могла вообразить, но возомнила себя возвышенным почитаемым наставником тысяч людей. Это очень типичная ошибка начинающих, подобные ошибки я вижу сейчас в избытке в различных оккультных группах. Благодаря искренности и устремлению люди добиваются внутреннего, духовного контакта, но потом интерпретируют его в терминах личностных достижений и собственной значительности. Такова реакция на чрезмерную стимуляцию. Описанная реакция сменилась у меня другой — критика, которой Он меня подверг, безраздельно заполнила мой ум. Я решила, что наверное я всё-таки не стою в **37]** одном ряду с Жанной д’Арк, что я могла бы быть лучше, чем есть, могла бы попытаться начать контролировать свой довольно буйный нрав. Что и начала делать. Я постаралась не быть такой раздражительной, держать в узде свой язык, и за какое-то время стала такой подозрительно хорошей, что семья моя всполошилась. Они стали спрашивать, не заболела ли я, чуть ли не умоляли меня возобновить свои бурные выходки. Я стала чопорной, слащавой и сентиментальной.

С годами я подметила, что с интервалами в семь лет (пока мне не исполнилось тридцать пять) имели место признаки наблюдения и интереса со стороны этого человека. А в 1915 году я открыла, кто Он такой, поняла, что и другие люди знают Его. С тех пор взаимоотношения наши становились всё более и более

тесными, и сегодня я могу по своей воле вступать с Ним в контакт. Удостоиться контакта с Учителем возможно только в том случае, если ученик готов никогда не пользоваться этой возможностью, кроме моментов действительной необходимости ради служения миру.

Я узнала, что моим гостем был Учитель К.Х., Учитель Кут Хуми. Он очень близок к Христу, действует в сфере наставничества и является выдающимся представителем любви-мудрости, полным выражением которых является Христос. Реальная ценность моего переживания не в том, что я, девушка по имени Алиса Ла Троуб-Бейтман, имела беседу с Учителем, а в том, что, не зная абсолютно ничего о существовании Учителей, познакомилась с одним из Них, и Он со мной разговаривал. Ценность заключается и в том факте, что всё, что Он мне сказал, было правдой (после того как я приложила упорные старания, чтобы удовлетворить требованиям), и в том, что Он оказался не Учителем Иисусом, как я естественно предполагала, а Учителем, о Котором я едва ли могла слышать и Который был совершенно мне неизвестен. Как бы то ни было, Учитель К.Х. является моим Учителем, любимым и реальным. Я работаю для Него постоянно с пятнадцатилетнего возраста и являюсь ныне **38]** одним из старших учеников в Его группе, или — как она эзотерически называется — в Его Ашраме.

Я делаю эти утверждения с определённой целью. Столько чепухи говорилось на эти темы, столько притязаний выдвигалось теми, кто не обладает необходимыми ментальной и духовной ориентацией и опытом, что истинные ученики стесняются упоминать о своей работе и своем положении. Чтобы они не стеснялись этого в будущем, я хотела бы развенчать всю бессмыслицу, распространяемую многими эзотерическими (так называемыми) школами мысли. Притязание на ученичество всегда допустимо; оно ничего не отнимает, а только придаёт веса, если подкрепляется жизнью, исполненной служения. Притязание же человека на то, что он является посвящённым определённого статуса, категорически недопустимо, кроме как среди людей того же ранга, но тогда в таком притязании нет необходимости. Мир полон учеников. Пусть они подтвердят это. Пусть они сплотятся в ученичестве и облегчат другим возможность сделать то же. Так будет доказано существование Учителей, причём доказано правильно — жизнью и свидетельствами тех, кого Они тренируют.

Другое происшествие, случившееся примерно в то же время, принесло мне убеждение в существовании другого мира событий. Произошло нечто такое, что — в то время — я не могла бы себе

вообразить, не имея ни одного указания на то, что такое происшествие возможно. Дважды я грезила в состоянии полного бодрствования. Я называю это грёзой, потому что в то время не могла представить себе, что бы это могло быть ещё. Сейчас-то я знаю, что участвовала в том, что действительно имело место. Во время этого, случившегося дважды, инцидента, знание о происходящем отнюдь не входило в круг моего осознания. В этом его ценность. То есть, у меня не было самовнушения, выдачи желаемого за действительное или проявления слишком живого воображения.

Дважды (когда я жила и работала в Великобритании) я принимала участие в необычной церемонии, и лишь спустя примерно два **39]** десятилетия поняла, что же всё это значило. Церемония, в которой я, как в конце концов выяснилось, участвовала, действительно происходит ежегодно во время “майского Полнолуния”. Происходит оно в месяце, носящем в индусском календаре древнее название Вайсакха (Телец). Этот месяц имеет жизненно важное значение для всех буддистов, и первый день месяца является национальным праздником — индусским Новым Годом. Это знаменательное событие каждый год отмечается в Гималаях, в одной из долин, и является не мифическим подсознательным событием, а реальным действием на физическом плане. Я увидела (будучи бесспорно в бодрствующем сознании), что нахожусь в долине, в огромной организованной толпе людей — главным образом восточных, но среди них было много и западных. Я точно знала, где именно стою в этой толпе, сознавая, что это моё надлежащее место, указывающее мой духовный статус.

Долина была большой, овальной, каменистой, окружена со всех сторон высокими горами. Люди, собравшиеся в долине, были обращены лицом к востоку, к узкому проходу, похожему на горлышко бутылки в конце долины. Прямо перед эти воронкообразным проходом лежал громадный камень, возвышавшийся над долиной как большой стол, а на нём стояла хрустальная чаша, на вид трёх футов в диаметре. Чаша была наполнена водой. Впереди толпы перед камнем стояли три Фигуры. Они составляли треугольник, в вершине которого, как мне, к моему удивлению, показалось, стоял Христос. Ожидавшая толпа, похоже, находилась в непрестанном движении, образуя при движении великие, хорошо знакомые символы: крест в различных модификациях, круг с точкой в центре, пятиконечную звезду и различные переплетающиеся треугольники. Всё это походило на торжественный ритмичный танец, очень медленный и величественный, но совершенно беззвучный. Внезапно три

Фигуры **40]** перед камнем протянули руки к небу. Толпа застыла в неподвижности. Над узким концом долины в небе показалась Фигура, парящая над толпой и медленно приближающаяся к камню. Я каким-то субъективным особенным образом узнала в ней Будду. У меня появилось ощущение понимания происходящего. Я знала, что присутствие Будды отнюдь не умаляет нашего Христа. Я поймала проблеск единства и Плана, исполнению которого навек отдались Христос, Будда и все Учителя. Я впервые, пусть слабо и неясно, осознала единство всякого проявления, что всё сущее — материальный мир, духовная сфера, устремляющийся ученик, эволюционирующее животное и красоты растительного и минерального царства — составляет единое божественное живое целое, движущееся к проявлению славы Господа. Я уловила — пусть смутно, — что человеческие существа нуждаются и в Христе, и в Будде, и во всех Членах планетной Иерархии, и что некоторые события и происшествия гораздо важнее для прогресса расы, чем те, что зарегистрированы историей. Я осталась в недоумении, потому что (в то время) для меня язычники были язычниками, а я была христианкой. В уме моём зародились глубокие, фундаментальные сомнения. Моя жизнь с тех пор (и по сей день) освещается знанием об Учителях и о субъективных событиях на внутренних духовных планах и в мире смысла, являющихся частью самой жизни, по-видимому, наиболее важной частью. Как смогла я совместить всё это со своей ограниченной теологией и своими буднями — не знаю.

Говорят, глубочайшие, самые интимные духовные переживания никогда не следует обсуждать или излагать. Это фундаментально верно, и никакой истинно “переживающий” нисколько не заинтересован в подобном обсуждении. Чем глубже и ярче переживание, тем меньше искушение о нём рассказывать. Лишь начинающие, держа в уме некое теоретическое, воображаемое событие, притязают **41]** на такие переживания. Но я намеренно изложила два упомянутых субъективных события (да было ли первое из них субъективным?), потому что людям, имеющим вес в обществе, известным своими благоразумием и здравомыслием, пора добавить свои свидетельства к свидетельствам часто дискредитируемых мистиков и оккультистов. У меня репутация разумной, нормальной женщины, успешного администратора и писателя, и я хочу подкрепить своими знанием и убеждённостью свидетельства многих на протяжении веков.

Всё это время я посвящала себя добропорядочным занятиям. Я была рьяной сотрудницей ХСЖМ. Присутствовала на собраниях

руководителей этой организации (закрывавших глаза на мою юность), поскольку моя тётя была президентом. Много времени тратила на визиты в знатные дома, где меня хорошо принимали, потому что я Алиса Ла Троуб-Бейтман, и где я боролась за души своих современников, пытаясь их “спасти”. Я очень хорошо “спасала” души, но сейчас спрашиваю себя — с точки зрения житейской мудрости — не “спасались” ли они столь стремительно для того, чтобы избавиться от меня, — такой напористой и ревностной я была. В то же время мистическая направленность моей жизни неуклонно углублялась: Христос для меня был вездесущей реальностью. Я имела обыкновение бродить в вересковых полях в Шотландии, прогуливаться в одиночестве в апельсиновых рощах Ментоны, в Южной Франции, или по холмам Монтрё, на Женевском озере, пытаясь ощутить Бога. Я лежала на спине в поле или под скалой, вслушиваясь в тишину вокруг и пытаясь услышать Голос — когда стихала многоголосица в природе и внутри меня. Я знала: за всем, что можно видеть и осязать, стоит Нечто, что нельзя увидеть, но можно ощутить; оно более реально и поистине более существенно, чем всё осязаемое. Я была воспитана в вере в Бога Трансцендентного, находящегося за пределами сотворённого Им мира, непостижимого, непредсказуемого, подчас жестокого (судя **42]** по Ветхому Завету), любящего только тех, кто Его распознаёт и признаёт, и убивающего Своего единственного Сына, чтобы люди наподобие меня могли спастись, а не погибли навсегда. Втайне я осуждала такое представление о любящем Боге, но автоматически принимала его. Но Он был далекий, чужой и недостижимый.

Однако все время что-то во мне смутно и неопределимо тянулось к Богу Имманентному, к Богу внутри всех форм, к Богу, Которого можно встретить повсюду, соприкоснуться и реально узнать, Который поистине любит всё сущее — хорошее и дурное, — и понимает всех с их ограниченностью и затруднениями. Этот Бог вовсе не то устрашающее, ужасное Божество, которому христианская церковь, как я знаю, поклоняется. Однако, с точки зрения теологии такого Бога нет. А есть только Бог, требующий Своего ублажения, ревниво отстаивающий Свои права, способный умертвить единственного Сына для исполнения какой-то нелогичной схемы спасения человечества, далеко не такой добрый к Своим чадам, как обычный родитель. Все такие мысли я отбрасывала от себя как нечестивые и зловредные, но они тонко, исподволь, подтачивали меня. Однако Христос всегда был рядом. Я знала Его: Он боролся и сострадал людям; Он принял страдания, чтобы спасти их, но, похоже, был совершенно не в состоянии спасти их в целом, поэтому вынужден стоять в стороне

и смотреть, как они идут в ад. Я не формулировала всё это отчетливо в то время; сама я была “спасена” и счастлива, что “спасена”. Я упорно трудилась, “спасая” других, и считала: очень плохо, что Бог создал ад, хотя естественно допускала, что Он знает, что делает, да и — в любом случае — ни один истинный христианин не сомневается в Боге, он просто принимает то, что, как ему говорят, является Божьей волей, и ничего тут не поделаешь.

Таковы были мои духовные убеждения и образ мыслей. **43]** С мирской точки зрения всё тоже было не просто. Мы с сестрой так и не вышли замуж, несмотря на возможности, завидное окружение и широкие личные контакты. Думаю, наши дяди и тёти испытали большое облегчение, когда мы достигли совершеннолетия, вышли из под опеки Суда лорд-канцлера и были предоставлены самим себе. Фактически я достигла совершеннолетия, когда моей младшей сестре исполнился двадцать один год.

Тогда и начался для нас новый жизненный цикл. Каждая пошла своей собственной дорогой. Оказалось, наши интересы прямо противоположны, и между нами пролегла первая трещина. Моя сестра решила получить степень по медицине и после нескольких месяцев подготовки поступила в Эдинбургский университет, где сделала блестящую карьеру. Что касается меня, я в то время не знала, чем заняться. Я получила исключительно хорошее классическое образование; бегло говорила по-французски и немного по-итальянски; у меня было довольно денег, чтобы комфортабельно устроиться в то сравнительно недорогое время. Я твёрдо верила в Христа, ибо разве не была я одной из избранных? Я верила в счастье на небесах для тех, кто думает так же, как я, и в ад для тех, кто так не думает, хотя старалась не слишком думать о них после того, как сделала всё возможное для спасения их души. Я действительно глубоко знала Библию, хорошо разбиралась в одежде, отлично выглядела и была удручающе, поразительно невежественна в том, что касается жизни. Мне не рассказывали абсолютно ничего о жизненных процессах, что приводило время от время к крупным разочарованиям; в то же время меня, похоже, любопытнейшим образом “защищали” в той своеобразной, необычной работе, какую я избрала в своем следующем жизненном цикле: от двадцати одного до двадцати восьми лет. Я вела совершенно защищённую жизнь, никуда не отправлялась без компаньонки, родственницы или служанки. Я была такой наивной, что почему-то была, по-видимому, в полной безопасности.

44] Один забавный инцидент, случившийся со мной в

девятнадцать лет, иллюстрирует сказанное. Я отправилась погостить в один именитый английский дом, взяв с собой служанку. Разумеется, я не стану уточнять название и место. Я была единственной персоной в большой компании, не имевшей титула. В первую же ночь я заметила, что моя служанка готовит себе ночлег в маленькой гостиной по соседству с моей спальней, а когда выразила удивление, она заявила, что не собирается оставлять меня одну, нравится мне это или нет. Я ничего не поняла, как не понимала по большей части и разговоры за столом. Убеждена, что гостям я смертельно надоела; они считали меня круглой идиоткой. Намёки и остроты заставляли меня теряться в догадках и чувствовать себя дурой. Единственным моим утешением было то, что я хорошо одета, элегантна и умею танцевать. Спустя два дня утром после завтрака один очень известный человек — очаровательный, обворожительный, красивый, но с неважной репутацией — попросил разрешения поговорить со мной. Мы пошли в так называемую красную гостиную, и, когда остались одни, он заявил: “Я сказал хозяйке, что вы уезжаете сегодня утром на поезде в 10.30; прибудет экипаж, чтобы забрать вас на станцию, а служанка ваша уже получила приказание паковать вещи”. Я спросила, что, ради всего святого, я натворила. Он похлопал меня по плечу и ответил: “Приведу два факта. Первый: вы портите удовольствие большинству здесь присутствующих, кроме меня, потому что постоянно выглядите озадаченной и шокированной. Второй: вы не выглядите шокированной тогда, когда иногда это требуется. Вот это действительно серьёзно. Я решил, что по-другому вы не можете и надо бы о вас позаботиться”. Я уехала, как он и рассчитывал, не зная, чувствовать ли себя польщенной или уязвленной. Однако **45]** этот эпизод показывает не только глупость и невежество девушек моего класса в те викторианские времена, но и тот факт, что некоторые беспутные люди очень любезны и проявляют понимание.

Имея такое происхождение и такую оснащённость, преисполнившись твёрдой решимости спасать погибшие души, я стала делать то, что считала полезным. Намереваясь, однако, быть свободной несмотря ни на что.

ГЛАВА II

46] Так закончилась беззаботная, сравнительно безответственная и лёгкая пора моей жизни. Она длилась двадцать два года и была единственным периодом во всей моей жизни, когда у меня были семья, видное происхождение, престиж и вытекающая из них безопасность. Мне хорошо жилось, я знакомилась с множеством людей, много путешествовала. Бессчётное число раз пересекала Ла-Манш туда и обратно. К счастью, я замечательно чувствую себя на море и люблю его, каким бы бурным оно ни было. Личных подруг не помню, за исключением одной; с ней мы до сих пор дружим и переписываемся. Мы познакомились в Швейцарии и вместе научились шить ирландские кружева. Я всегда гордилась этим достижением, особенно тем, что однажды продала два ярда оборок по тридцать долларов за ярд в пользу Церковно-миссионерского общества, потому что в то время не нуждалась в деньгах.

Но пришло время, когда я ощутила потребность приносить какую-то пользу миру, оправдывая своё существование. В те дни я выражала это побуждение в словах: “Иисус ходил, благотворя”, и я, как Его последовательница, должна была делать то же. Поэтому я принялась яростно и фанатически “благотворить”. Я стала проповедником в британской армии.

Оглядываясь назад на время, когда я работала проповедником в британских войсках, я сознаю, что это была самая счастливая, самая приятная пора во всей моей жизни. Я себе нравилась, и мне нравилось всё, связанное со мной. Я делала то, что хочется, и весьма в этом преуспевала. Меня ничто в мире не заботило, и (помимо избранной сферы деятельности) я не несла никакой ответственности. Но я понимаю, что это был важный цикл в моей жизни, **47]** полностью изменивший мои установки. То, что со мной происходило, тогда не осознавалось, хотя имели место большие внутренние перемены. Просто я была настолько экстравертивной в своём мышлении и своей деятельности, что оставалась в сравнительном неведении. Я безвозвратно порвала с семьёй, поставив точку на жизни светской девушки.

Когда я говорю “безвозвратно порвала”, я не имею в виду, что прекратила всякие отношения. Я всегда поддерживала контакты со своей семьёй с того времени и до сих пор, но пути наши совершенно разошлись, интересы наши были и остаются весьма

разными, а отношения между нами просто дружеские, а не родственные. В общем, я думаю, у меня была более интересная и волнующая жизнь, чем у них. Я никогда не ощущала, что кровные узы многое значат. Почему люди должны любить друг друга и цепляться друг за друга оттого, что — к счастью или несчастью — им случилось иметь общих предков? Это не кажется разумным, и, я думаю, приводит к массе неприятностей. Прекрасно, если родственные отношения сочетаются с дружескими, но для меня дружба, общие интересы и сходное отношение к жизни значат гораздо больше, чем кровные узы. Я хочу, чтобы дочери любили меня за то, что я их друг, доказала свою дружбу и достойна любви. Я не ожидаю от них доверия и любви только потому, что я их мать. Я лично люблю их из-за них самих, а не потому, что они мои дети. Я считаю, что, когда отпадает нужда в физической заботе о маленьких детях, родителям лучше культивировать дружеские отношения.

Я была абсолютно уверена (каким чудесным и восхитительно наивным видится мне это сегодня!) во всём — в Боге, доктрине, своей способности действовать, несомненности своего знания и непогрешимости любого своего совета. У меня на всё был ответ, **48]** и я точно знала, что делать. В то время я относилась к жизни и обстоятельствам с уверенностью человека совершенно неопытного, и моим ответом на любую проблему, панацеей от всякого недуга всегда был ответ на вопрос: “Что сделал бы в подобных обстоятельствах Иисус?” Решив, что именно Он сделал бы (удивительно, как я могла это знать?), я прямо это и делала, или советовала другим следовать данному правилу. В то же самое время, подспудно и неявно, у меня стали возникать вопросы, хоть я и отказывалась на них отвечать, и под моей уверенностью и догматизмом назревали большие перемены. Я знаю, что в этот период сделала шаг вперёд по Пути. Медленно, не регистрируя этого своим сознанием мозга, я переходила от покорности авторитету к накоплению опыта и от узкой теологической веры (в боговдохновенность Писаний и в интерпретации той школы религиозных воззрений, к которой я принадлежала) к определённому несомненному знанию духовных истин, о которых свидетельствовали мистики всех времён и за которые многие из них пострадали и умерли.

В конечном счете, я обнаружила, что владею знанием, выдержавшим проверку временем и испытаниями — в отличие от моих прежних верований. Это то знание, которое открывает мне, неотступно и непрерывно, как много, как ещё очень много мне нужно знать. Реальное знание никогда не является статичным; это только дверь, открывающая доступ к ещё более широким

горизонтам мудрости, достижения и понимания. Это процесс живого роста. Знание должно вести от одного раскрытия к другому — как если бы вы взобрались на горный пик и, едва достигнув вершины, вдруг увидели перед собой страну обетованную, куда неизбежно придется отправиться, а дальше (за этой страной, вдалеке) проступает другой пик, за которым ещё более широкие просторы.

Одно время я имела обыкновение, глядя из окна своей спальни, **49]** рассматривать колоссальную горную громаду вдали — Канченджангу, один из высочайших гималайских пиков. Она казалась такой близкой, как будто однодневной прогулки достаточно, чтобы добраться до её подножия, но я-то знала, что для этого требуется по крайней мере двенадцать недель трудных переходов, да ещё опаснейший подъём на вершину — редко совершаемый подвиг. Так и со знанием. То, что стоит обладания, редко достигается легко и само составляет лишь основу для большего знания.

Кто наполняет меня чувством сострадания и осознанием необходимости терпения — так это люди, думающие, что всё знают, и имеющие на всё ответ. Таково было моё состояние в те ранние времена, и я тогда не казалась себе смешной. Я была страшно серьёзной. Сегодня я могу смеяться и совершенно уверена, что не имею ответов на все вопросы. Оказалось, почти не осталось доктрин и догм, которых я бы придерживалась. Я уверена в существовании Христа и Учителей, являющихся Его учениками. Уверена, что есть план, который Они пытаются осуществить на Земле. Верю: Они сами по себе являются ответом и гарантией конечного достижения человека, и каковы Они, такими и мы все будем когда-нибудь. Я уже не способна объяснять с уверенностью и апломбом, что людям следует делать. Поэтому я редко даю советы. Безусловно, я не берусь толковать мысли Бога и утверждать, чего именно Он хочет, как это делают теологи мира.

За мою жизнь, полагаю, буквально тысячи людей приходили ко мне за разъяснением, советом, рекомендацией о том, что делать. Был период, когда мой секретарь назначал для меня встречи через каждые двадцать минут. Думаю, такой избыток встреч объяснялся, в частности, тем, что я никогда не брала платы, а люди любят **50]** получать что-то задаром. Иногда я могла помочь, если у человека были открытый ум и готовность слушать, но большинству просто хочется говорить, многословно объясняя собственные предвзятые идеи; им наперёд известно, что именно вы должны ответить. Приём мой обычно заключался в том, что я давала людям выговориться, и тогда часто

оказывалось, что они сами нашли ответ и решили свои проблемы, — что всегда плодотворней и эффективней. Если же они хотят только слышать собственный голос и всё знают, тогда я беспомощна, а часто и испугана.

Мне всё равно, согласны люди или нет с моим в*и*дением или формулировкой истины (ведь у каждого должна быть своя), но невозможно им помочь, если они вполне довольны собою. По мне, полнейшим адом (если ад существует, в чём я очень сильно сомневаюсь) было бы состояние всецелого довольства своей точкой зрения, то есть такое статичное состояние, когда всякая эволюция мысли, любой прогресс неизменно тормозятся. К счастью, я знаю, что эволюция длительна и протекает неуклонно; это доказывает история и цивилизация. Знаю также, что за всеми интеллектуальными процессами стоит великий Интеллект и что статичное состояние невозможно.

Но в те дни, о которых я пишу, я была закоренелой фундаменталисткой. Я начала свою карьеру в полном убеждении, что определённые фундаментальные теологические доктрины, представленные ведущими деятелями церкви, подытоживают божественную истину. Я в точности знала, чего Бог хочет, и (по своему твердолобому невежеству) готова была обсуждать любую мыслимую тему, зная, что моя точка зрения правильна. Сегодня я нередко чувствую, что, возможно, ошибаюсь в своём диагнозе и предписании. Ещё я твёрдо верю в наличие у человека души и в способность души вести человека “из тьмы в Свет и от нереального к Реальному”, если **51]** процитировать древнейшую в мире молитву. А в те дни мне пришлось усвоить, что “любовь Бога обширней человеческого ума, и Сердце Вечности — сама неизъяснимая доброта”. Хотя Бог, которого я исповедовала, был далеко не добр. Бог был добр ко мне, потому что Он открыл глаза мне и тем, кто думает так же, как я, но Он был готов отправить остальной, духовно не возрождённый мир в ад. Так гласит Библия, а Библия всегда права. Она не может ошибаться. Я соглашалась тогда с заявлением знаменитого Библейского института в Соединённых Штатах: “мы опираемся на подлинные библейские автографы”. Как бы мне хотелось спросить их сегодня: да где же вы раздобыли эти автографы? Я верила в боговдохновенность Писаний и ничего не знала о сомнениях и муках ищущего сердца всех честных переводчиков книг, о том, что им доступно передавать лишь приблизительный смысл оригинального текста. Только в последние годы, когда мои собственные книги переводились на различные языки, мне открылась абсолютная невозможность боговдохновенности Писаний. Если бы Бог говорил по-английски, если бы Иисус

произносил Свои проповеди на английском, тогда, возможно, мы были бы больше уверены в точности передачи. Но это не так.

Помню, однажды человек восемь-девять (все разных национальностей) и мы с мужем сидели за столом на берегу озера Маджоре в Италии и пытались найти немецкий эквивалент для англо-саксонского слова “mind”, или “the mind”. Этот вопрос возник в связи с переводом одной из моих книг на немецкий язык. Пришлось в отчаянии отказаться, потому что нет настоящего эквивалента для передачи того, что мы имеем в виду, говоря “the mind”. Слово “intellect” — не то же самое. Было заявлено, что немецкое слово “Geist” не годится, и хотя мы старательно искали какое-нибудь **52]** слово, выражающее ту же идею, мы остались ни с чем. А ведь среди нас были немецкие профессора. По-видимому, некоторые трудности, связанные с Германией, объясняются именно этим. Тогда-то меня и озарило, насколько это трудно — точно переводить.

Одно из слов, постоянно встречающихся в оккультных книгах, — это слово “Путь”, означающее Дорогу возвращения к нашему Истоку, к Богу, к духовному центру всей жизни. При переводе на французский — какое слово использовать? “Le chemin”? “La rue”? “Le sentier”? Или какое-то другое? Поэтому, пытаясь перевести на английский язык такую древнюю книгу, как Новый Завет, о какой боговдохновенности этой книги можно говорить? Всё, что у нас, по-видимому, есть — это старый перевод с арамейского или еврейского на древнегреческий, с греческого на латинский, с латинского на староанглийский, а с него, гораздо позднее, была сделана стандартная версия Св. Якова. То же относится к переводам Библии на все другие языки. Мне рассказывали, что, когда несколько десятилетий назад Новый Завет переводили на французский язык, слова Христа из фразы: “Я есмь вода жизни”, бездумно перевели как “eau de vie” и отправили в печать. Затем до издателей дошло, что это словосочетание по-французски означает “водка”; пришлось перепечатывать, приписав Христу слова: “Я есмь вода живая” — “eau vivante” — что не совсем то же. Переводы Библии прошли через множество рук; они являются результатом теологического мышления многих монахов и переводчиков. Отсюда бесконечные диспуты теологов о значениях и смыслах. Отсюда же, видимо, и неточный перевод древнейших терминов, и отсюда — исполненные благих намерений, но топорные интерполяции раннехристианских монахов, пытавшихся передать на своём родном языке эти **53]** древние сочинения. Теперь-то я всё понимаю, но в те дни английская Библия была для меня непогрешимой, и я ничего не знала о трудностях перевода. Таково было состояние моего ума, когда в моей жизни

произошла крупная перемена.

Сестра объявила о своём намерении отправиться в Эдинбургский университет и работать для получения степени по медицине. Тогда я немедленно столкнулась с проблемой, что мне делать. Я не хотела жить одна или проводить время в путешествиях и развлечениях. Что удивительно, я не собиралась быть миссионером. Я жаждала делать добро, но за что именно мне взяться? Я многим обязана священнику, который хорошо меня знал и предложил вести жизнь евангелиста-проповедника. Я не испытала особого восторга. Проповедники, которых я знала (а таких было много), не производили на меня впечатления. Они казались кучкой плохо воспитанных людей, ходили в дешёвой, дурно сшитой одежде, а волосы их всегда нуждались в расческе; они были слишком безупречными, чтобы следить за собой. Я не могла представить себя громогласно витийствующей на подмостках, как делали они и что, по-видимому, требовалось для пробуждения людей. Я колебалась, сомневалась и обсуждала это с тётей, та тоже колебалась и сомневалась. К тому же девушки моего класса такого не делают. Наряд, отличная дикция, причёска и драгоценности не импонируют завсегдатаям религиозных собраний, ищущим спасения. Они неуместны. Но я молилась, ждала и верила, что в один прекрасный день услышу “зов” и узнаю, что мне делать.

Чтобы, тем временем, заполнить досуг, я развлекалась, влюбившись (как мне казалось) в священника по имени Робертс. Он был смертельно скучен и ужасно боязлив, к тому же намного старше меня. Я ничего от него не добилась и потому с усмешкой отступила от него — в буквальном смысле, так что вы видите, каким “глубоким” было моё чувство.

Затем мне неожиданно предложили посетить Солдатские дома мисс Сэндз в Ирландии, и, устроив сестру в её комнатах в **54]** Эдинбурге, я отправилась туда. Я нашла Солдатские дома совершенно уникальными, а саму мисс Элизу Сэндз — очень изысканной, очаровательной и культурной женщиной. Все её сотрудницы были девушки и женщины того же социального положения, что и я. Мисс Сэндз отдала всю свою жизнь усилиям улучшить участь “Томми Аткинса”.* Работа в её домах велась совершенно иначе, чем в армейских лагерях, и разительно отличалась от работы евангелических обществ в наших городах. У неё было множество таких домов в Ирландии и несколько в Индии. Из тех, кто там работал, некоторые стали моими друзьями и очень помогли мне приспособиться к изменившейся обстановке — это Эдит Арбетнот-Холмс, Ева Магир, Джон Кинан, Кетрин Роуэн-Гамилтон и другие.

Первым моим опытом была работа в таком доме в Белфасте. Во всех подобных домах были просторные кофейни, где ежевечерне питались сотни мужчин, платя по себестоимости. Были комнаты, где они могли писать письма, играть в игры, посидеть у камина и почитать свежие газеты, поиграть в шахматы и шашки и послушать нас, если чувствовали одиночество, скуку или тоску по дому. В каждом доме были обычно две леди, и там же находилось наше жильё. Как правило, была большая спальная комната, где солдаты и матросы могли остановиться, проездом, на ночь, а также комната для евангельских собраний, где была фисгармония, имелись стулья, сборники гимнов и томики Библии, а также кто-то, кто мог разъяснить Писания и помолиться вместе с мужчинами о спасении их души. Мне пришлось освоить все аспекты работы, а она была ох как трудна, хотя и обнаружилось, что она мне нравится на все сто процентов. Первые месяцы были самыми тяжкими. Нелегко было застенчивой девушке (а я была крайне застенчива) входить в комнату примерно с тремя сотнями мужчин, где могло и не быть другой женщины, и вступать с ними в дружеское общение; подходить, **55]** садиться рядом и играть в шашки; быть любезной, оставаться безличной и в то же время давать понять, что заботишься о них и хочешь им помочь.

Никогда не забуду первого евангельского собрания, проведённого мной. Я привыкла к своему небольшому классу по изучению Библии, освоилась с выступлениями на молитвенных собраниях и нисколько не волновалась. Я была уверена, что справлюсь. Это было гораздо легче, чем представиться солдату, узнать его имя, поиграть с ним во что-нибудь, расспрашивая о доме и постепенно подводя его к серьёзной теме — его душе. Поэтому я была вполне готова провести собрание.

И вот однажды, воскресным вечером, я очутилась на сцене в большой комнате перед парой сотен солдат и несколькими служащими Королевской Ирландской Полиции. Начала я гладко, а потом сбилась; меня охватил страх перед сценой, я метнула взгляд на людей, ударилась в слезы и убежала со сцены. Наверное, никакие силы не смогли бы затащишь меня обратно, но ответ на извечный вопрос: “Что бы сделал Иисус?”, заставил меня попробовать ещё раз. Самое смешное было то, что, приняв это отчаянное решение, на следующий вечер я пошла в комнату для собраний, чтобы всё подготовить, и принялась зажигать газовое освещение. Носясь по комнате, я опалила себе волосы и не смогла провести собрание в тот вечер. Этот повторный срыв полностью выбил меня из колеи.

Несколько недель спустя я вернулась. На сей раз я заучила

свою речь, и всё шло хорошо до середины, когда я решила процитировать стихотворение, чтобы оживить беседу и внести в неё разнообразие. Я репетировала это стихотворение перед зеркалом. Первые две строчки удались отлично, но потом я запнулась и не могла вспомнить, что дальше. Я застряла напрочь, покраснела до корней волос и почувствовала, что дрожу. Тогда из задних рядов донёсся голос: “Не унывайте, мисс. Я закончу стихотворение за вас, а вы за это **56]** время подумайте, что ещё хотите сказать”. Но я уже убегала со сцены и разразилась слезами в своей комнате. Я потерпела неудачу, Иисус и я, и лучше мне бросить всё это. Я проплакала всю ночь в кровати, не открыв двери одной из своих сотрудниц, желавшей меня утешить. Но я не смирилась; гордость не позволяла мне отказаться говорить со сцены, и постепенно я привыкла излагать Библию перед большой аудиторией.

Однако этот процесс был болезненным. Мне приходилось не спать всю ночь перед беседой, спрашивая себя, о чем же говорить; следующую ночь я тоже проводила без сна, терзаясь от ощущения, что провела беседу просто ужасно. Этот забавный ритм длился до тех пор, пока я как-то вечером не всмотрелась в себя и не задумалась: что же со мной не так? Я пришла к выводу, что страдаю от чистого эгоизма и сосредоточенности на себе; меня слишком заботит, что обо мне думают. Моему предыдущему воспитанию был нанесён первый тяжёлый удар. Я решила, что, если я действительно заинтересована своим делом, если по-настоящему люблю свою аудиторию, а не Алису Ла Троуб-Бейтман, и если смогу достичь такого состояния, когда мне, грубо говоря, на всё наплевать (впрочем, я тогда не употребляла таких слов), я смогу это преодолеть и стану действительно полезной.

Любопытно, что с того вечера я больше никогда не имела никаких затруднений. В Индии я привыкла входить в битком набитый зал, с четырьмя-пятью сотнями солдат, и, встав на стол, добиваться от них внимания, более того, удерживать его. Я стала хорошим оратором и научилась любить выступления, так что теперь я действительно чувствую себя лучше на сцене, чем где-либо ещё. В Белфасте у меня в этом отношении произошёл перелом.

Вспоминаю, как однажды, несколько лет спустя, я была искренне польщена огромным успехом своего воскресного вечернего класса по изучению Библии в Лукноу, в Индии. Целая группа армейских педагогов обыкновенно приходила каждое воскресенье, чтобы **57]** меня послушать (плюс еще несколько сотен других людей), и во мне зашевелилось самомнение. Я решила, что я, должно быть, действительно замечательна, раз

такие почтенные люди регулярно являются слушать меня. Меня впрямь занесло не туда. По окончании цикла лекций они преподнесли мне подарок. Старший выступил вперёд и вручил мне пергаментный свиток чуть ли не в ярд длиной, перевязанный широкой голубой лентой, и произнёс хвалебную речь. Я не решилась тогда развернуть свиток прямо перед ними, но, вернувшись к себе, тотчас развязала ленту и обнаружила там — записанные прекрасным почерком — все свои грамматические ошибки и перепутанные метафоры за весь цикл. Я сочла себя исцелённой навсегда, когда в результате разразилась смехом и смеялась до слёз.

Подобно многим хорошим ораторам, использующим лишь краткие заметки и говорящим в основном по наитию, чувствуя аудиторию, я не организую стенографических записей своих выступлений. Проглядывая отчёты о них, я удивляюсь: “Неужели я так выразилась?” Уверена, что секрет проникновенной речи, позволяющий вам почувствовать, что сказать, состоит в том, чтобы любить свою аудиторию, позволить ей ощутить себя в своей тарелке, разговаривая с ней на равных. Я никогда не делала попыток читать лекций. Я просто разговариваю с аудиторией так, как разговаривала бы с одним человеком. Я ей доверяю. Я никогда не становлюсь в позу всезнайки. Я говорю: “Вот так я вижу это сейчас; когда я увижу это иначе, я вам скажу”. Я никогда не излагаю истину (как её вижу) догматически. Часто говорю людям: “Через пять тысяч лет данное, так называемое продвинутое, учение будет казаться азбукой для детей; это показывает, насколько мы ещё незрелы”. При ответе на вопросы после лекции — от чего я всегда получаю удовольствие — я не скрываю, если чего-то не знаю, и случается это довольно часто. Лекторы, полагающие, что роняют свой престиж, **58]** признавая свое незнание, отчего становятся уклончивыми и напыщенными, должны ещё многому научиться. Аудитории нравится лектор, способный вздохнуть и сказать: “Боже мой, не имею ни малейшего понятия”.

Однако вернёмся в Белфаст. Моё начальство обнаружило, что у меня поистине дар спасать души и мои результаты были столь убедительны, что мисс Сэндс пригласила меня к себе на Артиллерийский полигон в центральной Ирландии, чтобы попрактиковаться там по-настоящему. Местность была восхитительно зелёной, я никогда не забуду дня своего прибытия. Однако окружающую красоту заслонили яйца. Яйца были повсюду. Они находились в ванной; они наполняли каждую кастрюлю; они лежали в ящиках моего письменного стола; они заполонили коробки у меня под кроватью. Если не ошибаюсь, в

доме было сто тысяч яиц, и лежали они во всём, что угодно. Я узнала, что мы каждый вечер расходовали семьдесят две дюжины яиц в кофейной Солдатского дома, а поскольку в обслуживаемом нами округе было три дома, то количество яиц не поддавалось исчислению. Поэтому яйца доминировали надо всем — за исключением Евангелия.

Первой моей работой — после часа, проведённого в тишине под деревом в поле со своей Библией — была выпечка сдобных булочек, сотен булочек, которые обычно в тот же день загружались в тележку для пони (только вместо пони был ослик) и доставлялись в казармы, где вечером собирались мужчины. Однажды из-за этого осла я попала в очень неловкую ситуацию. Я весело ехала по проселку, загруженная булочками, как вдруг услышала, как по дороге навстречу мне галопирует артиллерийская батарея. Я заторопилась отъехать к обочине, но проклятый осёл упёрся четырьмя ногами в землю, отказываясь сдвинуться с места. Задабривание и побои ни к чему не привели. Батарея остановилась в нескольких футах от нас. Офицеры закричали мне, чтобы я уступила дорогу. Я не могла. В конце концов команда мужчин подошла, подхватила меня, тележку **59]** и ослика и выставила нас на обочину, после чего батарея последовала дальше. Неслыханным оказалось окончание этого эпизода. Артиллеристы распространили слух, будто мои булочки были такими тяжёлыми, что бедный ослик не мог двигаться, а кто-то из них приковылял в барак, жалуясь, что крошка от моей булочки упала ему на ногу. Я привыкла к грохоту больших орудий и к тому, что мужчины глохнут к вечеру после батарейной стрельбы. Я привыкла видеть пьянство, научилась не обращать внимания на пьяного мужчину и умею с ним сладить. Но я так и не свыклась с яичницей, особенно вместе с какао. Думаю, я продала какао, яиц и сигарет больше, чем многие другие.

То были счастливые деятельные дни. Я обожала мисс Сэндс — а кто её не обожал? Я любила её за красоту, за глубину ума, за знание Библии, за понимание людей, а также за её искрящийся юмор. Думаю, я любила её больше всех, потому что обнаружила: она по-настоящему любит меня. У нас была общая спальня в милом домишке, и я как сейчас вижу её в свете раннего утра, спящей, с чёрным чулком на глазах от света. Она была настолько выше и шире по своим взглядам, чем её сотрудницы! Помню, как она взглядывала на них, но предпочитала промолчать. Мы все работали так ретиво над спасением душ, а она наблюдала, желала нам успеха и часто говорила нужное слово, но я-то знаю: зачастую она с величайшим изумлением наблюдала за нашими стараниями и борьбой.

Однажды благодаря ей я испытала настоящее потрясение, положившее во мне — я в этом уверена — начало циклу внутреннего поиска, который позднее вывел меня из моей теологической трясины. Я три недели билась над тем, чтобы спасти душу совершенно никудышного, подлого солдатика. Он был тем, что в Англии называют “человеческий отброс” — скверный солдат и плохой человек. **60]** Я вечер за вечером играла с ним в шашки (он их любил), заманивая его на евангельские собрания (он их едва терпел). Умоляла его спастись, что не оказывало никакого эффекта. Элиза Сэндс с изумлением наблюдала за нами, пока, по-видимому, не решила, что дело зашло слишком далеко. И как-то вечером она подозвала меня к себе; она стояла у пианино в бараке, набитом мужчинами, и между нами состоялся следующий разговор:

— Алиса, вы видите того человека? — спросила она, указывая на моего подопечного.

— Да. — сказала я, — Вы имеете в виду того, с кем я играла в шашки?

— Ну, моя дорогая, посмотрите-ка на его лоб. — Я взглянула и заметила, что он кажется очень низким. Она кивнула, соглашаясь.

— Теперь взгляните на его глаза. Что с ними не так?

— Они, вроде бы, довольно близко посажены, — ответила я.

— Верно. А как насчёт его подбородка и формы его головы?

— Но у него нет никакого подбородка, а голова у него очень маленькая и абсолютно круглая, — сказала я, совершенно сбитая с толку.

— Хорошо, дорогая Алиса, почему бы тогда не предоставить его Богу? — с этими словами она удалилась. С тех пор я многих людей предоставила Богу.

А теперь позвольте мне продолжить воспоминания и заявить, что я верила во внутреннее изменение человека в то время и верю в него сейчас. Я верила тогда в способность Христа спасти и верю в неё в тысячу раз сильнее сегодня. Я знаю: люди могут сойти со своих ошибочных путей, и видела, как они снова и снова находят ту реальность в себе, которую Св. Павел называет: “Христос в вас, упование славы”. На этом знании зиждется для меня моё вечное спасение, как и спасение всего человечества. Я знаю: Христос жив и мы живём в Нём, знаю: Бог — наш Отец и, по великому Плану Бога, все души в конечном счёте находят свою дорогу обратно к Нему. Я **61]** знаю, что Христова жизнь в человеческом сердце может вести всех от смерти к бессмертию. Знаю: раз Христос жив,

мы тоже будем жить, ибо мы спасаемся Его жизнью. Но я очень часто сомневаюсь в наших человеческих методах и верю, что путь Бога — наилучший, и что Он нередко предоставляет нам искать собственный путь домой, зная: во всех нас есть нечто от Него, что божественно, что никогда не умирает и что приводит к знанию. Я знаю, что ничто — ни на небесах, ни в аду — не может встать между любовью Бога и Его детьми. Знаю: Он стоит на страже, бодрствуя, "пока последний утомлённый странник не найдёт дороги домой". Знаю: всё работает на благо тех, кто любит Бога, а это означает, что мы любим не какое-то далёкое, абстрактное Божество, а своих собратьев. Любовь к своим собратьям является свидетельством — может, неявным, но вполне надёжным — того, что мы любим Бога. Элиза Сэндс преподала мне этот урок своей жизнью и своей любовью, остротой своего ума и своим пониманием.

Время моего пребывания в Ирландии длилось не очень долго, но оно было счастливое. Я никогда раньше не была в Ирландии и добрую часть времени проводила в Дублине и в Куррак Кэмпе недалеко от Килдара. Именно в Куррак Кэмпе я выполняла очень своеобразную работу, которая привела бы в ужас мою семью, знай она о ней. Не уверена, что порицала бы её за это. Вспомните: девушки не имели тогда той свободы, что имеют нынче, да и, в конце концов, мне было только двадцать два.

Одна из батарей Королевской Конной Артиллерии располагалась в то время в Ньюбриджских казармах, и мужчины батареи (с которыми я познакомилась летом на полигоне) просили меня приходить к ним каждый вечер в Армейскую воспитательную комнату. Это означало, что нужно было быть там в шесть вечера и возвращаться поздно вечером, так как они добились для меня разрешения проводить евангельское собрание у них после закрытия войсковой лавки. После основательного обсуждения было **62]** решено, что я могу принять их предложение, и каждый вечер я крутила педали велосипеда после отвратительной британской еды, называемой "плотный ужин с чаем". Возвращалась я между одиннадцатью и двенадцатью ночи, эскортируемая двумя солдатами, причём каждый вечер мужчины в батарее распределяли, кто должен сопровождать меня обратно, получая необходимое разрешение. Я никогда не знала, войдут ли в мой эскорт приличные, достойные доверия солдаты-христиане или какие-нибудь мерзавцы. Полагаю, они бросали жребий, кому провожать меня домой, и если жребий выпадал пьянице, его заботливые товарищи неусыпно следили, чтобы он в тот день не заглядывал в войсковую лавку. Тем не менее, представьте себе молодую девицу с ужасно тепличным, викторианским

воспитанием, возвращающуюся на велосипеде заполночь с двумя Томми, о которых она ничегошеньки не знает. Однако ни разу не было произнесено ни слова, могущего оскорбить и самую чопорную старую деву, и мне это очень нравилось!

Всякий вечер компания из войсковой лавки набивалась ко мне в комнату. Я не делала никаких попыток пригласить их на собрания, и мы ладили друг с другом. Именно там я научилась проводить различие между выпивохами. Есть, конечно, задиристые пьянчуги, и немало бывало пьяных драк, куда я непременно встревала — без всякого, впрочем, ущерба для себя. Люди этого типа никогда не вредили мне, и я никак не страдала от своего вмешательства. Военные полицейские обычно приглашали меня помочь успокаивать таких людей. В этом я стала крупным экспертом. Но есть ещё любвеобильные пьяницы, и вот они вызывали у меня неприкрытый ужас. Я никогда не знала, что они сделают или скажут, и научилась ходить так, чтобы между нами всегда стоял стул или стол. Укротители львов обнаружили, что крепкий стул, отделяющий их от раздражённого льва, очень полезен, и я с полным основанием могу рекомендовать его в данном случае. С мрачным пропойцей иметь дело гораздо труднее, но такие встречаются реже. Есть выпивохи, у которых от спиртного заплетаются ноги, и надо отличать **63]** их от тех, кому оно ударяет в голову; каждый требует своего обращения. Часто, когда я работала среди солдат, военные полицейские просили меня помочь доставить домой пьяного солдата. Они держались не на виду, но под рукой, и в спектакле участвовали мы с пьяным солдатом, выписывающие кренделя на дороге. Вообразите ужас моей тёти, если бы она увидела это несусветное перемещение, но я делала всё “ради Христа”, и мне никогда никто не пытался хамить. Хотя мне ох как не понравилось бы, если бы я увидела одну из моих девочек в аналогичном положении, ибо чувствую: что хорошо для гусыни, не всегда хорошо для гусёнка.

У меня была разнообразная работа: нужно было вести счета, изготавливать букеты в читальном зале, писать письма для солдат, проводить бесконечные евангельские собрания и ежедневные молитвы, усердно штудировать свою Библию и быть очень, очень добродетельной. Я покупала все книги, которые могли помочь мне проповедовать лучше, например, “Проповеди для проповедников”, “Наставления для наставников”, “Учение для учеников”, “Работы для работников” (да-да, у меня были книги с этими четырьмя названиями), и прочие с такими же соблазнительными броскими заголовками. У меня было сильное искушение опубликовать книгу под названием “Идеи для

идиотов", я даже начала её, но так никогда и не написала. Насколько могу судить, я хорошо ладила с моими сотрудницами. Сильное чувство собственной неполноценности приводило к тому, что я всегда ими восхищалась, и это надёжно отсекало всякую зависть.

Однажды утром Элиза Сэндс получила письмо; оно, как я заметила, сильно взволновало её. Руководитель работы в Индии, Теодора Шофилд, чувствовала себя плохо, и ей, по-видимому, необходимо было вернуться домой отдохнуть. Но похоже, её некем было заменить. Сама Элиза Сэндс была уже в возрасте, а Еву Магир нельзя было послать. Мисс Сэндс со своей обычной прямотой сказала, что будь у неё деньги, она послала бы меня, потому что "даже **64]** если вы и не вполне подходите, вы лучше кого бы то ни было". Путешествие в Индию стоило в те дни изрядных денег, а мисс Сэндс нужно было оплатить возвращение Теодоры. В своей обычной самодовольной религиозной манере я заявила: "Если Бог предназначил мне ехать, Он пошлёт денег". Она взглянула на меня, но ничего не ответила. Два-три дня спустя, когда мы сидели за завтраком, я услышала её возглас, когда она вскрыла письмо. Затем она протянула конверт мне. В нём не было ни письма, ни какого-либо указания на отправителя. А лежал банковский чек на пятьсот фунтов с написанными поперёк него словами: "На работу в Индии". Никто из нас не знал, откуда пришли деньги, но мы приняли их как посланные Самим Богом. Проблема проезда была таким образом решена, и мисс Сэндс снова спросила, поеду ли я в Индию ради неё немедленно, подчеркнув, что я, конечно, не лучшая кандидатура, просто ей в данный момент некого больше послать. Иногда я думаю, не мой ли Учитель послал мне деньги. Ибо мне важно было поехать в Индию, чтобы усвоить определённые уроки и подготовить почву для работы, которую, как Он мне сказал за несколько лет до этого, я могу для Него сделать. Я этого не знаю, да никогда и не спрашивала у Него, потому что этот факт не из тех, что имеют значение.

Я написала родным, спрашивая, могу ли я ехать, — я бы поехала в любом случае, просто хотелось поступить правильно и по крайней мере быть вежливой. Моя тётя, г-жа Клэр Парсонс, написала, что предпочитает, чтобы у меня был обратный билет, — и я взяла обратный билет. Затем я поехала в Лондон, чтобы купить всё необходимое для Индии; не нуждаясь в то время по-настоящему в деньгах, я покупала всё, что хотела, испытывая потрясающее удовольствие. Я безусловно сильно транжирила. Между прочим, когда сундуки с моими новыми вещами прибыли в Кветту, в Белуджистан, я обнаружила, что всё их содержимое

похищено и подменено отвратительными, грязными тряпками. К счастью, я **65]** взяла многое с собой, тем не менее я усвоила свой первый важный урок, гласящий: вещи эфемерны. Однако, любя хорошо одеваться — что я и до сих пор люблю, — я послала за другим комплектом одежды.

Сестра с тётей проводили меня в Тильбюри Докс, и я должна признаться, что никогда не получала большего наслаждения, чем во время трёхнедельного плавания в Бомбей. Я всегда любила путешествовать (как все Близнецы) и, будучи в то время ужасным мелким снобом, упивалась тем, что на моём шезлонге (одолженном одним из дядей) значится титул. Мелкие детали льстят мелким умам, а мой ум был тогда очень мелким — практически спящим.

Я отлично помню ту первую поездку. Кроме меня, за обеденным столом собирались две женщины и пятеро на вид состоятельных и очень искушённых мужчин. Мы, три женщины, очевидно, нравились им, но лично меня они ужасно шокировали. Они говорили об азартных играх и бегах, много пили, играли в карты и — что хуже всего — никогда не молились перед едой. Первая же трапеза ошеломила меня. После ленча я ушла к себе в каюту и горячо молилась за то, чтобы иметь силы поступать правильно. За обедом мужество изменило мне, и я была вынуждена молиться ещё больше. В результате на следующее утро во время завтрака я произнесла речь, постаравшись прийти в кают-компанию до появления двух других девушек, но в присутствии всех пяти мужчин. Я была в полном смятении и чувствовала себя чрезвычайно неловко, но сделала то, что, по моему мнению, сделал бы Иисус. Я оглядела мужчин и выпалила нервно и поспешно: “Я не пью и не танцую, не играю в карты и не хожу в театр; я знаю, что вы возненавидите меня, и думаю, будет лучше, если я уйду и сяду за другой стол”. Воцарилась мёртвая тишина. Затем один из мужчин (с очень громким именем, поэтому не буду его называть) встал, протянул мне руку через стол и сказал: “По рукам! Если вы будете терпеть нас, то и мы будем терпеть вас и очень постараемся быть хорошими”. У меня было **66]** самое восхитительное путешествие. Мужчины были невероятно любезны со мной, и я вспоминаю их с нежностью и признательностью. То было прекраснейшее путешествие в моей жизни, а я шесть раз за пять лет совершила путешествие между Лондоном и Бомбеем, так что у меня был опыт. Хорошо ли провели время эти мужчины — другое дело, но они были безупречно предупредительны ко мне. Один из них позднее доставил мне много религиозной литературы для Солдатского дома. Другой любезно прислал чек на крупную сумму, а третий,

высокопоставленный железнодорожный чиновник, оформил мне бесплатный проезд по железным дорогам Индии, которым я пользовалась всё время, когда жила там.

По прибытии в Бомбей я рассчитывала сделать пересадку и доплыть на судне Британской Индии до Карачи, чтобы далее отправиться в Кветту, в Белуджистан. Но этому не суждено было тогда случиться, хотя позднее я действительно совершила такую поездку. Оказалось, что меня ожидает телеграмма, предлагающая мне из Бомбея отправиться экспрессом до Мирута, в центральной Индии. Я испугалась. Ведь никогда в своей жизни я ещё не путешествовала в одиночку. Я прибыла на континент, где никого не знала, а мне нужно было не только вернуть билет на пароход до Карачи, но и приобрести билет на поезд до Мирута. Подобно почтовому голубю, я полетела в ХСЖМ, где ко мне отнеслись очень хорошо и помогли решить все проблемы. Напомню, что я была молодой, хорошенькой, и занималась тем, чего девушки обычно не делали.

На Бомбейском вокзале я получила настоящий урок человечности. Он показал мне, как прекрасны люди, а это, если вы заметили, единственное, что я могу и хочу доказать в этой книге. Как вы могли заключить, я была законченным педантом, пусть и с благими намерениями. Я была слишком хорошей для этой жизни, и, безусловно, достаточно “святой”, чтобы меня ненавидели. Я не принимала никакого участия в текущей жизни корабля и расхаживала с важным видом по палубе со своей толстой Библией подмышкой. Был на корабле человек, ставший предметом моего особенного отвращения с момента, как мы покинули Лондон. Он был душой **67]** корабля; он ежедневно устраивал тотализатор, танцы и любительские спектакли; он играл в карты и, насколько я знала, поглощал огромное количество виски с содовой. Путешествие длилось три недели, и я всё это время с презрением наблюдала за ним. С моей точки зрения, он был сущий дьявол. Раз или два он заговаривал со мной, но я ясно дала понять, что не желаю иметь с ним ничего общего. Когда я в тот день ожидала поезда на большом Бомбейском вокзале, донельзя испуганная и проклинавшая тот день, когда сюда приехала, этот человек подошёл ко мне и сказал: “Молодая леди, я вам не нравлюсь, и вы дали это понять со всей прямотой. Но у меня дочь примерно вашего возраста, и будь я проклят, если бы пожелал ей путешествовать одной по Индии. Нравится вам это или нет, вы должны показать мне, где ваше купе. Я бы хотел присматривать за вами в пути, и вам не следует пренебрегать моим предложением. Кроме того, на остановках я могу сопровождать вас на станцию, где мы сможем перекусить”.

Что нашло на меня, не знаю, но я взглянула ему прямо в глаза и произнесла: “Мне страшно. Пожалуйста, позаботьтесь обо мне”. Что он самым добросовестным образом и делал, и в последний раз я видела его, когда он глубокой ночью стоял в пижаме и халате на узловой станции и давал проводнику чаевые, чтобы тот присматривал за мной в дальнейшем, поскольку ему самому скоро нужно было выходить.

Три года спустя я приехала в Раникет, в Гималаях, чтобы открыть там новый Солдатский дом. И вот, издалека прибыл посыльный с запиской от друга того человека, он умолял навестить его, потому что ему осталось жить совсем немного и он нуждается в духовной помощи. Он спрашивал обо мне. Моя сотрудница, которая сопровождала меня повсюду, была очень шокирована и отказалась отпустить меня. Я не поехала, и человек умер в одиночестве. Я никогда не прощу себе этого — но что я могла сделать? Традиция, обычай и ответственность той женщины за меня — всё **68]** было против меня, и я чувствовала себя несчастной и беспомощной. На пути из Бомбея в Мирут он как-то вечером за ужином прямо сказал мне, что я вовсе не такая чопорная святоша, какой выгляжу, и что, по его мнению, я когда-нибудь обнаружу, что я прежде всего человек. Он был в то время в беде и в сильном горе, — как было ему не помочь? Он возвращался из Англии, где ему пришлось поместить свою жену в сумасшедший дом; его единственного сына только что убили, а единственная дочь сбежала с женатым мужчиной. У него никого не осталось. Ему ничего не надо было от меня, кроме доброго слова. И такие слова у меня нашлись, потому что теперь он был мне по сердцу. Когда настала пора умирать, он послал за мной. Я не поехала и сожалею об этом.

С того времени жизнь моя завертелась каруселью. Мне пришлось (в отсутствие мисс Шофилд) нести ответственность за ряд Солдатских домов: в Кветте, Мируте, Лукноу, Чакрате, и за два дома, открытых с моей помощью: в Умбалле и Раникете, в Гималаях, недалеко от Алморы. Чакрата и Раникет расположены в предгорьях, на высоте пяти-шести тысяч футов, и служили, естественно, только летними стоянками. С мая по сентябрь мы становились “горными попугаями”. Был ещё дом в Равалпинди, но я там не работала, и только один раз съездила туда на месяц, чтобы заменить руководительницу, мисс Эш. В каждом доме служили две леди и двое управляющих, ответственных за кофейную и за общий распорядок. Как правило, управляющие были бывшими солдатами, и у меня остались наилучшие воспоминания об их доброте и отзывчивости.

Я была молода и очень неопытна; я никого не знала на всём

азиатском континенте; я нуждалась в большей защите, чем тогда сознавала; я была склонна к глупейшим поступкам просто потому, что не знала, откуда действительно грозит опасность, не имела ни малейшего понятия о том, что может случиться с девушкой. Например, однажды я страдала от ужасной зубной боли, и дошло до того, **69]** что я уже не могла её выносить. В войсках, где я работала, не было постоянного дантиста, но неподалёку оказался приезжий дантист; такие дантисты, обычно американцы, разъезжают с места на место, оборудуют себе кабинет в каком-нибудь бунгало для проезжающих (или постоялом дворе) и работают, пока есть работа. Я слышала, что один такой появился в городе, и отправилась к нему совершенно одна, не сказав ни слова своей сотруднице. Я нашла молодого американца с помощником, тоже мужчиной. Зуб был хуже некуда и требовал удаления, поэтому я попросила дать мне наркоз и выдернуть его вон. Дантист посмотрел на меня несколько странно, однако сделал, как я просила. Когда же я очнулась от наркоза и пришла в себя, он прочитал мне нотацию, заявив: я никак не могла знать, что он приличный человек; находясь под наркозом, я была всецело в его власти; согласно его опыту, по Индии странствует немало случайных людей, — и они отнюдь не принадлежат к лучшим представителям рода человеческого. Перед моим уходом он взял с меня обещание быть в будущем осторожнее. В дальнейшем — как правило — я следовала его совету и вспоминаю о нём с благодарностью, хотя и забыла его имя. В те дни я была чрезвычайно бесстрашна; я не знала, чего надо бояться. Частично то была естественная беспечность, частично — невежество, а частично — уверенность в том, что Бог позаботится обо мне. Очевидно, Он это и делал, — наверное, согласно тому принципу, что пьяные, дети и дураки не отвечают за свои поступки и их нужно охранять.

Итак, первое место, куда я прибыла, был Мирут, где я познакомилась с мисс Шофилд и получила от неё некоторые наставления относительно того, что мне следовало знать, временно её замещая. Главная моя беда состояла в действительности в том, что я была слишком молода, чтобы нести ответственность. Происходившее слишком многого от меня требовало. Я не имела опыта и, стало быть, не обладала чувством относительности ценностей. **70]** Малозначительное казалось прямо-таки ужасным, а действительно серьёзные вещи не затрагивали меня по-настоящему. Но, оглядываясь на те годы и размышляя о них, я думаю, что справлялась не так уж плохо.

Поначалу я была заворожена Востоком. Всё было таким новым, таким странным, так разительно отличалось от всего, что

я себе представляла. Яркие цвета, красивые здания, грязь и деградация, пальмы и бамбук, симпатичные малыши и женщины с кувшинами воды на голове (в те времена); буйволы и диковинные повозки, такие как гхарри и экка (интересно, существуют ли они сейчас?), толпы людей на базарах и целые улицы туземных лавок, серебряные изделия и замечательные ковры, бесшумно снующие местные жители: мусульмане, индусы, сикхи, раджпуты, гуркхи, туземные солдаты и полицейские; слон с погонщиком, странные запахи, незнакомый язык, неизменное солнце, за исключением сезона дождей, — и всегдашняя, неотступная жара. Вот некоторые мои воспоминания о том времени. Я полюбила Индию. Я всегда надеялась вернуться туда, но боюсь, что в этой жизни уже не смогу. У меня много друзей в Индии и среди индийцев, живущих в других странах. Я кое-что знаю о проблеме Индии, её стремлении к независимости, её внутренних раздорах и конфликтах, многочисленных языках и расах, перенаселённости и множестве конфессий. Я не знаю её слишком близко, поскольку провела в ней всего несколько лет, но я полюбила её народ.

Здесь, в Соединённых Штатах, ничего не знают об этой проблеме и поэтому позволяют себе давать Великобритании советы о том, что надо делать. Зажигательные речи вспыльчивых индусов воспринимаются здесь более серьезно, чем спокойные заверения британских властей о том, что как только индусы и мусульмане уладят свои разногласия, Индия может получить статус доминиона или полную независимость. Время от времени делаются попытки составить такую конституцию, при которой мусульмане (могущественное, богатое и воинствующее меньшинство — меньшинство **71]** в семьдесят миллионов!) и индусы смогли бы жить мирно, конституцию, устраивающую обе группы, а также индийские княжества и миллионы людей, не признающих или не сочувствующих Партии Индийского Конгресса.

Несколько лет тому назад я спросила одного известного индуса, что, по его мнению, случится, если англичане выведут все свои войска из Индии и перестанут считать её сферой своих интересов. Я просила дать искренний, а не конъюнктурный ответ. Поколебавшись, он ответил: “Мятежи, гражданская война, убийства, разбой и избиение тысяч миролюбивых индусов мусульманами”. Я предположила, что в таком случае неторопливый метод воспитания был бы лучше. Он пожал плечами и вдруг спросил: “Алиса Бейли, что вы делаете в британском теле? Вы — перевоплотившийся индус и много жизней прожили в индусском теле”. “Я тоже так думаю”, — ответила я. Затем мы обсудили тот несомненный факт, что Индия

и Великобритания тесно связаны и у них много общей кармы, которую им придётся когда-нибудь отработать, ибо не вся эта карма — британская.

Интересно, что во время прошедшей войны система воинского призыва в Индии не применялась. Тем не менее несколько миллионов человек добровольно завербовались в армию, и лишь очень немногие — из общего количества населения Индии и Бирмы свыше пятисот пятидесяти миллионов человек — сотрудничали с японцами. Индия станет и должна стать свободной, но это должно произойти правильным образом. Реальная проблема заключается не в отношениях между британцами и населением Индии, а между мусульманами, когда-то завоевавшими Индию, и индийцами. Когда эта внутренняя проблема разрешится, Индия будет свободной.

Когда-нибудь мы все будем свободны. Расовая ненависть исчезнет; государственная принадлежность сохранит свою значимость, но человечество в целом будет значить гораздо больше. Границы и территории займут своё должное место в мышлении людей, но большее значение будут иметь добрая воля и международное взаимопонимание. Религиозные различия и межсектантская неприязнь **72]** должны, в конечном счёте, исчезнуть, и мы все будем признавать “одного Бога и Отца всех, Который над всеми и через всех и во всех нас”. Это не праздные визионерские грёзы. Это медленно выявляющиеся факты. Они будут обнаруживаться быстрее, когда новые поколения будут находиться под влиянием правильной системы образования, когда церкви осознают реальность Христа — вместо своих теологических толкований — и когда деньги и продукты земли будут рассматриваться как блага, которыми следует делиться. Тогда эти критические международные проблемы будут решаться правильно, и мир людей, спокойный и безопасный, будет прогрессировать к новой культуре и будущей цивилизации. Возможно, мои пророчества не интересуют вас, но эти вопросы интересуют меня и всех, кто любит своих собратьев.

Я не помню ничего особенного из первых моих недель в Мируте; фактически я стала набираться опыта только в Кветте. Работа в Солдатском доме в Кветте видится мне одним из самых интересных этапов работы. Я люблю Кветту. Она находится на высоте около пяти тысяч футов, там очень жарко и сухо летом и сорок пять градусов ниже нуля* зимой. Тем не менее даже в самый колючий мороз нам приходилось носить шлемы от солнца. Похоже, шлемы от солнца сейчас уже не в таком употреблении; две из моих дочерей, годами живших в Индии со своими мужьями, редко их носили и посмеиваются над моими

представлениями. Но в моё время они были обязательны.

Кветта — крупнейший город в Белуджистане, а Белуджистан — нечто вроде буферного государства между Индией и Афганистаном. Я провела там около двух лет, включая перерывы, когда несколько раз выезжала в Индию и пять раз пересекала пустыню Синд. В Белуджистане очень мало растительности, за исключением можжевельника, но при орошении растёт всё, что угодно. Розы **73]** в Белуджистане такие, какие я редко где видела, и в моё время они цвели в каждом саду. Весной в стране буйство цветов, затем наступает пора подсолнечников. С ними у меня связана одна история. Как-то после полудня я проводила беседу в моём воскресном классе по изучению Библии в Кветте, рассказывая солдатам, что для человека нормально и естественно обращаться к Богу. В качестве иллюстрации я использовала подсолнечник, указав, что он называется подсолнечником потому, что всегда поворачивается к солнцу в небе. На следующее утро к двери класса подошёл солдат и, с убитым видом, попросил меня выйти на минутку в сад. Я последовала за ним, и он, ни говоря ни слова, показал на подсолнечники. Сотни подсолнечников, все как один, стояли, отвернувшись от солнца.

Кветта была местом, где я впервые взяла на себя ответственность и поступала более или менее по-своему, хотя со мной была мисс Клара Шоу. Солдаты, расквартированные в Кветте, вели себя в Солдатском доме настолько вольно, что совершенно отбились от рук. Заведующая, как я полагаю, была изрядно напугана, хотя наверно не так сильно как я. Компания солдат вечер за вечером развлекалась как могла, стараясь разворотить всё кругом. Около двадцати их являлось из казарм. Они приходили в кофейную, требовали какао и яичницу и остальную часть вечера занимались тем, что швыряли кувшины с какао и яичницу по стенам. Результат легко себе представить. Вакханалия творилась невообразимая, а настрой у них был ещё хуже. Поэтому меня послали посмотреть, что можно сделать. Я пришла в ужас и просто не знала, что делать. Несколько вечеров я занималась тем, что ходила туда-сюда по кофейной и читальным залам, обнаружив, что моё присутствие делает их только хуже. Прошёл слух, что я очень решительная молодая особа **74]** и собираюсь донести на них властям. Поэтому они решили показать себя.

Когда я наконец точно установила, что они собой представляют и кто у них заводилы, я однажды утром послала вестового попросить тех из них, кто не на службе, подойти к Солдатскому дому к определённому часу. По какой-то причине никто не был занят, и из чистого любопытства они явились все.

Когда они прибыли, я посадила их в местные экипажи (гхарри), взяла всё необходимое для пикника, и мы поехали в место, которое тогда называлось Рощицей Вальдшнепов. Был восхитительный жаркий ясный день, и то обстоятельство, что это место кишело в ту пору змеями (маленькими и особо ядовитыми), по-видимому, не смутило нас. Мы устроили чаепитие и рассказывали дурацкие истории; мы ни разу не затронули религии, а я не упоминала об их бесчинствах. Вечером мы вернулись домой. Я не произнесла ни слова осуждения, критики, не требовала, не упрашивала. Они были явно сбиты с толку. За весь вечер я не сказала ничего назидательного, и они так и отправились в казарму в недоумении. На следующий день один из заведующих кофейной разыскал меня и попросил на минутку зайти. Там я увидела, как все эти люди моют и красят стены, скребут полы, делая это место гораздо красивее, чем раньше. И вот вопрос: боялась ли я довести это дело до сведения начальства или просто оказалась смышлёной? Эпизод случился сам собой — я его не планировала.

В тот раз я усвоила великий урок. Я доказала себе, к своему немалому удивлению, что понимание и любовь оказываются действенными тогда, когда осуждения и обвинения не дают результата. У меня больше никогда не было неприятностей с этой компанией. Один из них всё ещё остаётся моим другом, остальных я потеряла из виду за сорок истекших лет. Этот человек пришёл ко **75]** мне в Лондоне в 1934 году, и мы вспомнили те далёкие времена. С ним всё благополучно. Итак, я сделала открытие, которое меня смутило. Эти люди исправились не благодаря моей красноречивой проповеди или подчёркиванию теологической догмы о том, что кровь Иисуса может их спасти, а лишь благодаря любящему пониманию. Я не верила, что такое возможно. Мне всё ещё нужно было усвоить: любовь — ключевая нота учения Христа, спасают именно Его любовь и жизнь, а не яростные теологические угрозы и запугивания адом.

Я бы могла привести массу других мелких происшествий, относящихся ко времени моего пребывания в Индии, но они знаменательны скорее для меня, чем для кого-то другого. Я ездила из одного дома в другой, выслушивая отчёты, беседуя с управляющими, проводя бесконечные евангельские собрания, беседуя с солдатами об их душе или семье, посещая военные госпитали и утрясая многочисленные проблемы, естественно возникающие, когда сотни людей размещены вдали от дома и сталкиваются с проблемами жизни в жарком климате и в чужой цивилизации. Я была очень хорошо известна во множестве полков. Как-то я подсчитала количество полков, с которыми я

работала в Ирландии и Индии, — их оказалось сорок. Во многих из них меня называли по-своему. В знаменитом кавалерийском полку меня называли “Бабуся”. В другом, гвардейском, полку меня почему-то звали “Китаянкой”. В хорошо известном пехотном полку обо мне всегда говорили и писали как о Б.С.Л. — “Благожелательная Старая Леди”. Большинство ребят называли меня просто “Матушкой”, вероятно потому, что я была чересчур молода. Переписка моя очень разрослась, я отлично узнала психологию солдат и никогда не слышала, чтобы они разговаривали так, как изобразил Редьярд Киплинг. Вообще-то среднего Томми Аткинса возмущает такое описание солдат.

76] Я сыграла тысячи партий в шашки и хорошо набила руку в этой игре, не потому, что искусно играю, а потому, что неведомым образом угадываю будущий ход своего противника. Запах какао и яичницы навсегда остался у меня в ноздрях. Я обычно “барабанила” — как это называлось — популярные песни на пианино в читальном зале, пока мне до смерти не надоедало слушать, как мужчины горланят “Совсем как плющ прильну к тебе” или “Стая анютиных глазок глазки проказливо строят” — популярные тогда песни. У мужчин, однако, были собственные варианты слов этих песен, которые я изо всех сил пыталась не слышать, чтобы не пришлось вмешиваться. Я часами играла гимны на фисгармонии, выучив их чуть ли не наизусть. У меня в то время было отличное меццо сопрано, звучное и великолепно поставленное. Я потеряла его из-за пения в накуренных комнатах. Подозреваю, что я продавала больше пачек сигарет, чем табачный магазин. Я вдохновенно аккомпанировала пению гимнов на каждом собрании. Солдаты не утруждают себя учтивостью, и я вскорости уловила, что когда они требуют “цыплячий гимн”, они имеют в виду гимн “Грешный, я лечу к фонтану”, а “чадо во чреве” — это гимн со строчкой “Неиссякаема матери нежность к чаду, носимому ею во чреве”. Мы пользовались сборником гимнов Муди и Сэнки, достоинством которого являются действительно славные, живые мелодии, хотя в литературном, поэтическом отношении он просто ужасен.

Помню, как-то вечером в Чакрате я объявила гимн “Когда сойдёмся у реки”, где нас уверяют, что как только мы это сделаем, мы будем счастливы навеки. При этому я громко пошутила насчёт не слишком удачной рифмы слов “river” (река) и “forever” (навеки). Подняв глаза, я увидела в дальней части комнаты генерала с адъютантом и свитой, прибывших инспектировать дом и посмотреть, чем **77]** мы занимаемся. Они с недоумением разглядывали довольно легкомысленную в религиозном отношении молодую особу в белом платье с синим

шарфом, ничуть не напоминающую проповедника, которого они себе рисовали. Хочу отметить, что, общаясь со мной, офицеры различных полков всегда проявляли безграничную любезность, и в моей жизни были моменты (они уже далеко позади) действительно наполненные нелепым тщеславием, когда я выходила из церкви после службы и меня приветствовали офицеры и рядовые. Трепет, который я тогда испытывала, помнится до сих пор.

Жизнь моя за эти годы моего формирования протекала почти исключительно среди мужчин. Нередко я целыми неделями не общалась ни с одной женщиной, помимо своей сотрудницы и очередной компаньонки. Я по сей день искренне считаю, что не разбираюсь в женском уме. Это, конечно, обобщение, и оно, как всякое обобщение, не совсем верно. У меня есть подруги, я им предана, но, как правило, предпочитаю мужской ум. При общении с мужчиной могут время от времени случаться серьёзные осложнения, но женщина непрестанно доставляет вам массу пустячных, мелких осложнений, а мне не нравится, когда меня так беспокоят. Полагаю, я не феминистка, но знаю: если женщина по-настоящему умеет мыслить, она может добраться до вершины древа.

Утро я обычно посвящала штудированию Библии, поскольку проводила в среднем пятнадцать собраний в неделю, занималась текущей корреспонденцией, совещаниями с управляющими, а ещё ломала себе голову, корпя над отчётами, потому как никогда не разбиралась в цифрах. Мы обеспечивали питанием пять-шесть сотен мужчин в каждой кофейной ежевечерне, а это означало солидные объёмы закупок и продаж. Послеполуденное время проводилось в госпиталях, по большей части в палатах, где не хватало женщин-сиделок, в которых всегда была острая нужда. Я ходила по просторным военным госпиталям, от одного бунгало к другому, доверху нагруженная газетами, брошюрами и книгами. Сейчас припоминаю **78]** только две брошюры. Одна называлась “Отчего пчела ужалила маму” (я так этого и не выяснила), а другая — “Простые беседы с простыми людьми”, и я всегда удивлялась, а почему непростых людей не привлекли к беседам.

Я приобрела широкую известность в госпиталях, и капелланы всех конфессий постоянно посылали за мной, прося посидеть с умирающим юношей, и если я ничем не могла помочь, то просто позволяла держать себя за руку. Одно важное обстоятельство я усвоила, сидя с умирающими и наблюдая их уход на ту сторону, а именно: природа или Бог заботится в это время о человеке, и он обычно умирает совершенно бесстрашно, а зачастую и очень радуясь. Или ещё бывает, что он находится в коме и ничего

физически не сознаёт. Только двое из тех, при чьей смерти я присутствовала, вели себя иначе. Один, в Лукноу, умер, проклиная Бога и свою мать и браня жизнь, другой скончался от ужасной формы бешенства. Смерть не так страшна, когда вы встречаете её лицом к лицу. Она часто казалась мне добрым другом, и у меня никогда не было ни малейшего чувства, будто что-то реальное, или жизненное, приходит к концу. Я ничего не знала о психических изысканиях или о Законе Перевоплощения, тем не менее даже в те ортодоксальные времена была уверена, что это — вопрос перехода к другой работе. Подсознательно я никогда не верила в ад, в который многим людям, с точки зрения христианских ортодоксов, предстояло отправиться.

Я не собираюсь рассуждать о смерти, но хотела бы привести определения смерти, всегда казавшиеся мне подходящими. Смерть — это “касание Души, непереносимое для тела”; это зов божественности, которым нельзя пренебречь; это голос внутренней Духовной Индивидуальности, взывающий: возвратись на время в свой центр, или источник, и поразмышляй о пережитом и усвоенном, пока не придёт момент возвращения на землю для другого цикла обучения, продвижения и духовного обогащения.

79] Итак, ритм и интерес к работе захватили меня, и я любила каждую её минуту несмотря на то, что никогда не обладала хорошим здоровьем и страдала от невыносимых головных болей, которые покушались на целые дни уложить меня в постель. Но я всегда умудрялась подняться и делать, что надо. К возникающим проблемам (как уже упоминалось) я была совершенно не подготовлена, а некоторые из них были весьма трагичными. У меня было так мало реального жизненного опыта, что, принимая решение, я вовсе не была уверена, что оно лучшее или правильное. На меня сваливались дела, улаживать которые мне было бы тяжело даже сегодня. Однажды ко мне явился убийца, только что застреливший своего дружка, и мне пришлось передать его в руки правосудия, когда пришла полиция и попросила его выдать. В другой раз один из наших управляющих сбежал из дома со всеми деньгами, и я целую ночь гналась за ним по железной дороге. Притом прошу заметить, что это случилось не в мой рабочий день и поведение моё действительно было совершенно возмутительным в глазах таких особ, как г-жа Грунди.*

Однажды утром в Лукноу я проснулась с сильнейшим ощущением, что мне надо немедленно отправиться в Мирут. У меня был пропуск на бесплатный проезд в вагоне первого класса по железным дорогам Индийского полуострова, и я имела

возможность ездить по всей северной Индии. Моя сотрудница пыталась отговорить меня от поездки, но я чувствовала, что должна ехать. По прибытии в Мирут выяснилось, что одного из управляющих хватил солнечный удар, он стукнулся головой о балку и сошёл с ума. Его молодая жена и ребёнок были убиты горем. У него развилась мания самоубийства, и доктор предупредил, что дело может кончиться смертью. Мы с женой присматривали за ним десять дней, пока я не устроила ему переезд в Великобританию, где он в конце концов выздоровел.

Другой управляющий впал в депрессию и стал угрожать самоубийством. Я понаблюдала за ним и, пресытившись его нескончаемыми **80]** угрозами, принесла кухонный резак и попросила его прекратить болтовню и выполнить свою угрозу. Увидев резак, он испугался, и тогда я протянула ему билет в Англию. Эти мужчины не выдержали климата, одиночества и общей неустроенности быта в Индии в ту пору. Мы тогда плохо разбирались в психологии, и мало что делалось для того, чтобы помочь им уладить свои психологические проблемы. Это лишь некоторые из ситуаций, с которыми я сталкивалась и совладать с которыми была отнюдь не готова. Именно беспрерывный поток подобных инцидентов под конец сломил меня. Одновременно было и много хорошего. Я успешно привлекала мужчин в Солдатские дома, удерживая их от посещения злачных мест. Я обычно приписывала это своему большому духовному могуществу и красноречию на сцене. Сейчас думаю, это объяснялось тем, что я была молода, жизнерадостна и не имела конкурентов. Мужчинам больше не с кем было поговорить, за исключением леди в Солдатских домах. Полагаю также, что у меня хорошо получалось передавать свою симпатию к ним, — а она у меня была.

Я трижды возвращалась в Англию за время проживания в Индии, и всякий раз долгое трёхнедельное морское путешествие явно шло на пользу моему здоровью. Я прирождённая морячка и в море чувствую себя как дома. Как-то я провела в Великобритании три недели, из них одну в Ирландии, другую в Шотландии, а третью в Англии, после чего отплыла обратно в Индию. Даже не знаю, сколько дней и месяцев я провела в океане. Я потеряла счёт своим переездам через Атлантику.

Всё это время я неуклонно и усиленно проповедовала религию старого образца. Я оставалась ужасно ортодоксальной или — если использовать более современный термин — бездумной фундаменталисткой, потому как никакой фундаменталист не пользуется своим **81]** умом. У меня было много споров с либерально мыслящими солдатами и офицерами,

но я с догматическим упрямством цеплялась за доктринерское представление, что никто не спасётся и не попадёт на небеса, если не поверит, что Иисус умер за его грехи, дабы умиротворить рассерженного Бога, или не обратится, то есть не покается в своих грехах и не откажется от всего, что любит делать. И он уже не должен пить, играть в карты, ругаться и ходить в театр, ну и, разумеется, не должен иметь дела с женщинами. А если он не изменит таким образом свою жизнь, он после смерти неизбежно отправится в ад, где будет вечно гореть в озере огненном, горящем серою. Однако мало-помалу в ум мой стали закрадываться сомнения, и три эпизода из моей жизни стали всё лучше осмысливаться. Они не давали мне покоя и под конец вынудили меня изменить своё отношение к Богу и к проблеме вечного спасения. Позвольте их описать, и вы увидите, как нарастало во мне смятение.

Много лет назад, когда я была ещё в подростковом возрасте, у моей тёти в Шотландии была повариха по имени Джесси Дункан. Мы были закадычными друзьями ещё с тех пор, когда я маленькой девочкой прибегала к ней в кухню за припасённым для меня куском пирога. Днём она была просто старшей прислугой, вставала, когда я входила в кухню, никогда не сидела в моём присутствии, говорила только когда к ней обращались, и вела себя со мной совершенно безупречно, как и со всеми остальными. Однако по вечерам после работы, когда я ложилась в кровать, она обычно приходила ко мне, садилась на краешек кровати, и мы говорили до бесконечности. Она была примерной христианкой. Она любила меня и с большим интересом наблюдала за моим становлением. Она была моим близким другом, но обращалась со мной строго, когда считала, что обстоятельства требуют того. Если ей не нравилось, как я себя веду, она говорила мне об этом. Если до неё доходили сведения о моём дурном поведении вне дома, она тоже мне об этом **82]** говорила. И если она была мною довольна, она тоже говорила об этом. Не думаю, чтобы многие в Америке понимали или представляли себе тип дружбы и взаимоотношений, который может существовать между представителями так называемых высших классов и их старыми слугами. Это настоящая дружба и глубокая привязанность с обеих сторон.

Однажды вечером Джесси поднялась ко мне наверх. Я в тот день выступала на евангельском собрании в небольшом деревенском зале и считала, что вела себя просто великолепно. Я была страшно довольна собой. Джесси была там вместе с остальными слугами и, как оказалось, отнеслась к моему выступлению весьма критически, без всякого одобрения. Когда

мы обсуждали собрание, она вдруг наклонилась, взяла меня за плечи и, мягко встряхнув, чтобы подчеркнуть свои слова, произнесла: “Когда-нибудь вы узнаете, мисс Алиса, что в Священном Граде двенадцать врат и каждый человек в мире проходит через те или иные из них. Все встречаются на торжище, но не все входят через ваши врата”. Мне было тогда невдомёк, о чём она говорит, а она проявила довольно мудрости, не сказав больше ни слова. Я навсегда запомнила её слова. Она дала мне один из первых уроков расширения кругозора и постижения безграничности Божьей любви и готовности Бога встречать Свой народ. Она не знала, что её слова услышат тысячи людей на моих публичных лекциях.

Следующий урок был преподан мне в Индии. Я приехала в Умбаллу, чтобы открыть там Солдатский дом, и взяла с собой своего старого личного носильщика, местного уроженца по имени Бугалу. Возможно, я неточно передаю его имя, но это несущественно. Думаю, он по-настоящему любил меня. Он был престарелым джентльменом с длинной белой бородой, и никогда никому не позволял делать что-нибудь для меня, если сам был поблизости; он смотрел за мной самым тщательным образом, повсюду со мной ездил, убирал мою комнату и приносил завтрак.

83] Я стояла на веранде нашей квартиры в Умбалле, глядя на дорогу и на нескончаемые толпы, потоки индийцев — индусов, мусульман, афганцев, сикхов, гуркхов, раджпутов, бабу,* джайнов. Тут были мужчины, женщины и дети, непрерывно сновавшие по дороге. Они молча брели — откуда-то приходя, куда-то направляясь, о чём-то думая, — имя им было легион. Вдруг старый Бугалу подошёл, положил мне руку на плечо (чего индийский слуга никогда себе не позволит) и слегка меня встряхнул, чтобы привлечь моё внимание. Затем он сказал на своём забавном английском языке: “Мисси Баба, слушай. Миллионы людей здесь. Миллионы всегда, задолго до того, как пришли вы, англичане. Тот же Бог любит меня, что и тебя”. Я часто спрашивала себя, кто он такой, и не использовал ли его мой Учитель К.Х., чтобы разбить во мне скорлупу формализма. Старый носильщик выглядел и действовал как святой и вероятно был учеником. Снова я столкнулась с проблемой, перед которой меня поставила Джесси Дункан — с проблемой любви Бога. Что сделал Бог с миллионами людей во всём мире на протяжении веков до прихода Христа? Неужели все они после смерти не спаслись и попали в ад? Мне был известен тот избитый аргумент, что Христос три дня, пока тело Его лежало в гробу, “проповедовал духам в темнице”, то есть в аду, но это не казалось мне справедливым. Почему им выпал лишь один маленький

трёхдневный шанс после тысяч лет в аду, только потому, что им случилось жить до прихода Христа? Итак, вы видите, что постепенно подобные внутренние вопросы начинали тревожить мой духовный слух.

Еще один эпизод произошёл в Кветте. Я вбила себе в голову, что мне совершенно необходимо для моего спокойствия и блага солдат провести беседу об аде. За все годы работы проповедником **84]** я никогда не касалась этой темы. Я обходила эту проблему. Я уклонялась от неё. Я никогда не объявляла, что ад существует и что я в него верю. Я была совсем не уверена насчёт ада. Единственное, в чём я была уверена, так это в том, что я спасена и меня туда не отправят. Безусловно, если он существует, то о нём следует говорить, особенно потому, что Бог использует ад довольно часто, чтобы ввергать туда неугодных людей. Итак, я решила почитать об аде, вознамерясь узнать о нём как можно больше. Я изучала этот предмет целый месяц, в частности, прочла труды одного мрачного теолога — Джонатана Эдвардса. Известно ли вам, как отвратительны некоторые его проповеди? Они прямо-таки зверские и выявляют его садистский характер. Например, в одном месте, говоря о детях, умерших некрещёными, он называет их “гадёнышами”, поджаривающимися до хрустящего состояния в адском огне. Теперь это показалось мне явно несправедливым. Они ведь не просили, чтобы их родили; они по малолетству ничего не знали об Иисусе, — за что же им поджариваться до хрустящего состояния целую вечность? Итак, начинённая мыслями об аде, полыхая соответствующей информацией и забыв, что никто ещё не возвращался из ада, чтобы подтвердить или опровергнуть эту информацию, я в тот вечер поднялась на трибуну перед пятью сотнями мужчин, приготовившись ужаснуть их небесным судом.

Дело было в огромной комнате с высокими французскими окнами, выходящими в розовый сад, и розы были в полном цвету. Я разглагольствовала, громогласно увещевала, объясняла и подчёркивала собравшимся их суровую перспективу. Я была захвачена своим предметом; я забыла обо всём на свете, рассказывая об аде. Через полчаса я вдруг заметила, что моей публики нет. Один за другим солдаты ускользнули через французские окна. Видимо, они слушали, сколько могли выдержать, а потом удирали в розарий, смеясь **85]** над глупой дурочкой. Осталась лишь горстка религиозно настроенных солдат (товарищи непочтительно обзывали их “библейскими болтунами”). Они были завсегдатаями молитвенных собраний и сидели молча, флегматично и вежливо ожидая, когда я доберусь до конца. Когда всё закончилось и я кое-как доползла до финиша,

ко мне подошёл сержант и, с сочувствием глядя на меня, сказал: “Да, мисс, когда вы говорите правду, мы готовы сидеть и слушать всё, что вы скажете, — вы знаете это, но если вы начнёте рассказывать небылицы, большинство из нас поднимутся и уйдут. Что и произошло”. Это был суровый, беспощадный урок, хотя я его в то время не поняла. Я верила, что Библия учит существованию ада, и вдруг почувствовала, как все мои ценности померкли. Если учение об аде неверно, то что же ещё ошибочно?

Эти три эпизода ввергли мой ум в самые бурные сомнения и в конце способствовали нервному срыву. Заблуждаюсь ли я сейчас? Неужели мне надо учиться чему-то ещё? Есть ли иные точки зрения, могущие оказаться правильными? Я знала: есть множество прекрасных людей, думающих не так, как я, и до сих пор я только сожалела о них. Является ли Бог таким, каким я Его себе представляю, а если Он (ужасная мысль) такой, каким я Его себе представляю, и если я действительно понимаю Бога и знаю, чего Он хочет, может ли Он вообще быть Богом, — ведь (раз я Его понимаю) Ему должна быть присуща такая же ограниченность, как и мне самой? Существует ли ад, и если да, то почему Бог посылает туда кого бы то ни было, если это такое неприятное место, а Он — Бог любви? Я знала, что я не могла бы этого делать. Я знала, что сказала бы людям: “Ну, если вы не верите в Меня, это очень плохо, потому что Я действительно заслуживаю веры, но Я не могу и не буду наказывать вас лишь за это. Может статься, что вы не можете с собой ничего поделать, может, вы не слышали обо Мне, а может, слышали обо Мне много лжи”. Почему я должна быть добрее Бога? Разве я **86]** знаю о любви больше, чем Он? А если я действительно знаю о любви больше, как же тогда Бог может быть Богом, если даже я выше Его в некоторых отношениях? Знаю ли я, что делаю? Как я могу учить дальше? И так далее и тому подобное. Начала обнаруживаться перемена в моей точке зрения и в моей позиции. Меня всё больше мучили сомнения, приведшие в итоге к фундаментальным переменам в моей жизни. Я вся извелась и стала плохо спать. Я не могла ясно мыслить и не решалась ни к кому обратиться.

В 1906 году я стала физически сдавать. Мои всегдашние головные боли усилились, и я была вымотана до предела. Три обстоятельства были повинны в моей издёрганности. Во-первых, я взвалила на свои плечи ответственность, непомерную для своих лет; во-вторых, я перенесла острый психический срыв. Вину за все катастрофы и трудности в работе я брала на себя. Мне ещё предстояло усвоить урок: единственная настоящая неудача — это, оказавшись битым, потерять способность продолжать своё дело. А больше всего меня беспокоило то, что устои моей внутренней

жизни начали рушиться. Я сделала опорой всей своей жизни слова Св. Павла: “Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день”. Но я уже не была убеждена в судном дне; я совершенно не понимала, какой именно залог я вверила Христу; я впала в сомнения относительно всего, в чём была уверена. Единственное, в чём я никогда не сомневалась и в чём была изначально убеждена — это факт существования Самого Христа. Я поистине знаю Того, в Кого уверовала. Этот факт выдержал проверку временем и основан уже не на вере, а на знании. Христос ЕСТЬ. Он — “Учитель Учителей и Наставник ангелов и людей”.

Но если не считать этого единственного нерушимого факта, все **87]** ментальные устои моей жизни и моё отношение к шаблонной теологии моих сотрудниц были потрясены до самого основания. Потрясение длилось до 1915 года. К несчастью для себя, — вот третье объяснение моего физического срыва — я впервые в жизни влюбилась. Это был унтер-офицер, служивший в гусарском полку. Я много раз воображала себя влюблённой. Хорошо помню, как майор одного полка (ныне он известный генерал) хотел на мне жениться. Это было забавнейшее время. На одной индийской станции я заболела корью и была помещена среди амбулаторных больных в местном госпитале с английскими докторами. Мне поставили диагноз — корь, и изолировали в коттедже на территории госпиталя вместе с моим носильщиком, который спал ночью у двери. У меня не могло бы быть более безупречного компаньона. Три доктора и майор коротали вечера у меня, и я как сейчас вижу нас сидящими за столом с масляной лампой, потому что дело было зимой: доктор Х., вытянув ноги к камину, читает газету, другой доктор играет с майором в шахматы, а я, вся в пятнах, прилежно вышиваю. Майор был в конце концов похищен у меня маленькой гувернанткой, у которой не было особенных достоинств, а один из докторов несколько лет питал ко мне безнадёжную любовь. Он даже последовал за мной домой из Индии в Шотландию — к моему ужасу и смятению и к удивлению семьи, которая никак не могла взять в толк, отчего он так мною увлёкся. Были и другие заинтересованные мужчины, но я ни разу ещё не была увлечена, пока не встретила Уолтера Эванса.

Он был удивительно хорош собой, обладал блестящим умом, был высокообразован и стал усердным новообращённым благодаря моей душеспасительной деятельности. Не будь у меня той работы, какой я занималась, у нас не было бы никаких проблем, кроме финансовой, но возникшая трудность состояла в том, что леди, **88]** работавшие в Солдатских домах мисс Сэндс,

обычно имели аристократическое происхождение, так что возможность или вероятность брака между ними и солдатами была начисто исключена. Данному положению дел способствовала стройная кастовая система в Великобритании. Аристократы не должны были, не могли, да обычно и не имели любовных отношений с людьми не их круга. Поэтому проблема была не только моей личной — ведь Уолтер Эванс по своему социальному положению не был мне ровней, — но я также наносила ущерб работе, создавая почти неразрешимые трудности для своих сотрудниц. Я совсем потеряла голову. Я чувствовала себя изменницей. Сердце толкало меня в одном направлении, голова же заявляла самое решительное “нет”, и я была такой слабой и больной, что не могла собраться с мыслями.

Я терпеть не могу рассказывать об этом периоде моей жизни, и мне неприятно ворошить то, что произошло в течение нескольких следующих лет. Я была приучена к сдержанности, исполненной достоинства; работа в Солдатских домах мисс Сэндс научила меня не распространяться о себе. Так или иначе, я не люблю обсуждать себя, особенно такие эпизоды, как наши отношения с Уолтером Эвансом. Слишком много времени за прошедшие двадцать лет уходило у меня на выслушивание исповедей озабоченных и удручённых людей. Я изумлялась интимным подробностям, которые мне сообщали, по-видимому, с большим наслаждением. Я никогда не понимала такого послабления правил в отношении информации личного характера, — отсюда трудность, с которой я сталкиваюсь при написании автобиографии.

Как-то жаркой ночью в Лукноу я не могла уснуть. Я бродила по комнате, чувствуя себя совершенно одинокой. Вышла на широкую веранду, увитую цветущими бугенвиллеями, но не нашла там ничего, кроме москитов. Вернулась в комнату и остановилась у своего туалетного столика. Внезапно комнату озарил широкий луч яркого света, и со мной заговорил голос Учителя, посетившего меня, **89]** когда мне было пятнадцать лет. Я не видела Его на сей раз, просто стояла посреди комнаты и слушала Его. Он сказал, чтобы я не поддавалась недолжному беспокойству, что я нахожусь под наблюдением и делаю то, что Он от меня хочет. Сообщил, что всё распланировано и что работа моей жизни, о которой Он раньше говорил, начнётся, но так, что я этого не замечу. Он не предложил никаких решений моих проблем и не сказал, как действовать. Учителя никогда этого не делают. Они никогда не говорят ученику, что делать, куда отправиться, как совладать с ситуацией, какой бы вздор ни несли о Них благонравные, исполненные добрых намерений фанатики.

Учитель — занятой деятель, Его работа — управление миром. Он никогда не тратит времени на то, чтобы изрекать милые банальности людям совершенно заурядным, обладающим ничтожным влиянием и не развившим способность служить. Я отмечаю это потому, что бытующее представление сбивает с толку множество очень достойных людей и его необходимо развенчать. Мы учимся быть Учителями, устраняя собственные проблемы, исправляя свои ошибки, беря на себя часть бремени человечества и забывая о самих себе. Учитель не утешал меня той ночью, не делал никаких комплиментов, не изрекал приятных банальностей. Он только сказал: работа должна продолжаться. Не забывай об этом. Поддерживай свою готовность к работе. Не позволяй обстоятельствам вводить тебя в заблуждение.

Надо отдать должное Уолтеру Эвансу: он вел себя безупречно. Он оценил ситуацию и сделал всё возможное, чтобы держаться в тени и облегчить моё положение. С наступлением жары я отправилась в Раникет с мисс Шофилд, там-то всё между мной и Уолтер Эвансом и раскрылось. То лето оказалось нелёгким. Мы открыли новый Дом, а я всё время была выбита из колеи. Уолтер Эванс прибыл со своим полком, и (поскольку полк был кавалерийским) он со своими товарищами взялся усовершенствовать мои навыки **90]** верховой езды. Мисс Шофилд видела, что происходит. Мы с ней были очень близки, и я была счастлива иметь такую подругу. Она отлично меня знала и полностью мне доверяла. Однажды, когда сезон подходил к концу и муссоны стихли, она сказала мне, что дом надлежит через неделю закрыть и она оставляет меня одну, чтобы это сделать; между тем она знала, что здесь Уолтер Эванс и я буду в доме совсем одна. За день до отъезда из Раникета я послала за Уолтером Эвансом и сообщила ему, что наши отношения невозможны, что я никогда его больше не увижу, что это означает разлуку отныне и навсегда. Он принял моё решение к сведению, и я вернулась в долину.

Прибыв туда, я совсем упала духом. Я была вымотана чрезмерной работой, постоянными мучительнейшими головными болями и крайним напряжением этой любовной истории. У меня не было сил держаться как ни в чём не бывало. Я никогда не была способна на это несмотря на хорошее чувство юмора, часто спасавшее мне жизнь. Я всегда воспринимала жизнь и обстоятельства близко к сердцу и жила интенсивнейшей мыслительной жизнью. Подозреваю, что в одной из предыдущих жизней я очень подвела Учителей. Не помню, чем я тогда занималась, но у меня всегда было глубокое чувство, что в этой жизни я ни в коем случае не должна Их подвести и обязана

делать всё как следует. Как я потерпела неудачу в прошлом, не знаю, но сейчас мне нельзя допустить этого вновь.

Меня всегда раздражал весь этот вздор, который люди говорят о “знании своих прошлых воплощений”. К любым такого рода разговорам я всегда отношусь с глубоким скептицизмом. Считаю, что публикуемые книги с детальным описанием прошлых жизней выдающихся оккультистов являются плодом живого воображения, они **91]** ошибочны и вводят в заблуждение. В этом меня убедили дюжины бывших Марий Магдалин, Юлиев Цезарей и прочих важных персон, — они многозначительно мне в этом признавались, когда я с ними сталкивалась в ходе своей деятельности; между тем, в текущей жизни они были весьма ординарными, неинтересными персонами. Создавалось впечатление, что эти знаменитые люди со времени своего прошлого воплощения чудовищно деградировали, вызывая сомнения насчёт эволюции. Кроме того, не думаю, что в долгом цикле обретения опыта душа помнит или следит за тем, какую форму она занимала или что она делала две тысячи, восемь тысяч или сто лет тому назад, — так же как моя нынешняя личность совершенно не помнит о том, чем я занималась в 3 часа 45 минут пополудни 17 ноября 1903 года. Наверное одна единичная жизнь имеет для души не больше значения, чем 15 минут в 1903 году для меня. Безусловно, бывают отдельные жизни, оставляющие вехи в памяти души, так же как в текущей жизни есть незабываемые дни, но они немногочисленны и редки.

Знаю, что ныне я являюсь такой, какой меня сделали опыт и горькие уроки многих, многих жизней. Уверена: душа могла бы — если бы захотела потратить время — восстановить свои прошлые воплощения, ибо душа всезнающа; но какая от этого польза? Это лишь иная форма сосредоточенности на себе. Это была бы грустная история. Если я сегодня обладаю какой-то мудростью и если кому-то из нас удаётся избегать грубых ошибок в жизни, то это потому, что мы, в тяжелейших условиях набираясь опыта, научились не делать этих ошибок. Прошлые наши деяния — с нашей нынешней, духовной, точки зрения — являются скорее всего весьма постыдными. В прошлом мы убивали, крали, клеветали, были эгоистами; мы находились в извращённых отношениях с другими людьми; мы были похотливыми, обманывали и вероломствовали. Но мы за это заплатили по великому закону, сформулированному Св. Павлом: “Что посеет человек, то и пожнёт”; этот закон действует **92]** непреложно. Так что сегодня мы этого не делаем, потому что уплаченная цена оказалась нам не по вкусу, — а уплатить всё-таки пришлось. Я думаю, что глупцам, тратящим столько времени на попытки

восстановить свои прошлые воплощения, пора сообразить: если бы они только увидели себя такими, какими они были на самом деле, они бы никогда об этом не говорили. Что касается меня, то я знаю: кем бы я ни была и что бы ни делала в прошлой жизни, я потерпела неудачу. Детали несущественны, но страх неудачи глубоко укоренился, вошёл в мою жизнь. Отсюда резко выраженный комплекс неполноценности, от которого я страдаю, но который пытаюсь скрыть ради работы.

Итак, с большой решительностью и с чувством внутреннего героизма я обрекла себя на жизнь старой девы и попыталась продолжить работу.

Однако моих добрых намерений оказалось недостаточно. Я была слишком больна. Поэтому мисс Шофилд решила перевезти меня обратно в Ирландию и спросить совета у Элизы Сэндс. Я была слишком слаба, чтобы протестовать, и дошла до того, что мне стало безразлично — жить или умереть. Я закрыла Солдатский дом в Раникете; отчётность, насколько я знала, была в порядке. Попыталась довести обычные евангельские собрания до конца, но по-видимому потеряла свой запал. Всё, что помню — это исключительное дружелюбие полковника Лесли, обеспечившего мой переезд из Раникета вниз, на равнину. Ехать пришлось в экипаже; мужчина перенёс меня на спине через ревущий поток; много миль меня должны были нести в паланкине, после чего мне снова пришлось ехать в повозке, пока мы не добрались туда, где можно было сесть на поезд в Дели. Нового Дели тогда ещё не существовало. Полковник всё организовал: подушки, различные удобства, питание и прочее, что могло потребоваться. Мой личный дарзи (портной) поехал вместе **93]** со мной, сам оплатив свои расходы до Бомбея — только потому, что заботился обо мне. Они с носильщиком ухаживали за мной, и я никогда не забуду их доброты и деликатной помощи.

По прибытии в Дели ко мне подошёл начальник станции и сказал, что генеральный директор прислал для меня из Бомбея отдельный вагон. Как он узнал, что я больна, не представляю, — о нём в числе пяти мужчин я уже упоминала в связи со своим первым путешествием. Я его так и не поблагодарила, но очень ему признательна.

У меня не осталось воспоминаний о путешествии из Индии в Ирландию, за исключением двух. Одно — наше прибытие в Бомбей и приезд в гостиницу. Помню, я поднялась к себе в номер и легла на кровать, будучи такой утомлённой, что не могла распаковать вещи или даже помыться. Следующее, что помню: пробудившись после семнадцатичасового сна, я увидела мисс

Шофилд по одну сторону кровати и доктора — по другую. Я спала так долго раз или два в жизни, когда была слишком переутомлена. Второе — это посадка на почтовое судно, где я, к своему ужасу и стыду, от крайней слабости и нервного истощения расплакалась. Я проплакала всю дорогу от Бомбея до Ирландии — на судне, за едой, на палубе; я высадилась в Марселе с лицом, мокрым от слёз. Я плакала в поезде на пути в Париж, в парижской гостинице, в поезде, направлявшемся в Кале, и на судне, отплывшем в Англию. Я плакала безостановочно и безутешно, не в силах остановиться, как ни старалась. Смеялась, как помню, всего дважды, но уж по-настоящему. В Авиньоне мы сошли, чтобы поесть в ресторане. Вошёл очень нервный официант. Он бросил на меня взгляд и выронил из рук, одну за другой, три дюжины тарелок — положа руку на сердце, считаю, потому, что там сидела я, обливаясь слезами. Ещё один инцидент, заставивший меня рассмеяться, произошёл на небольшой промежуточной станции во Франции, где поезд остановился на десять минут. Леди из нашего **94]** купе сошла с поезда, чтобы пройти в дамскую комнату. Поезда не были тогда такими комфортабельными, как сейчас, — в них отсутствовали необходимые удобства. Мы окрестили комнаты для леди В.К. (W.C.). Вернувшись на поезд, она, давясь от хохота, сказала мне, когда перевела дыхание: “Дорогая, как вы знаете, я отправилась в Веслианскую капеллу* (В.К.). Там было не слишком чисто, прямо сказать, просто мерзко, но мы ведь всегда готовы к тому, что в Веслианских капеллах просто мерзко. Но расстроило меня то, что вон тот милый французский проводник нетерпеливо ожидал меня за дверью, чтобы вручить мне листки с гимнами”. Я на несколько минут перестала рыдать и зашлась смехом, так что мисс Шофилд подумала, что у меня истерика.

Наконец, мы добрались до Ирландии, и я оказалась вместе с моей любимой мисс Сэндс. Помню испытанное мною облегчение и ощущение, что теперь-то все беды позади. Она по крайней мере поймёт ситуацию и оценит мою деятельность. К полному своему удивлению я обнаружила, что она считает мою великую жертву совершенно никчёмным жестом. Она охарактеризовала меня, наверное правильно, как сбитого с толку ребёнка, нашедшего прибежище в драме. Разумеется, она была сильно разочарована во мне. Я сделала то, чего её девушки никогда не делали. Она рассчитывала на мою помощь в будущем и даже предприняла шаги, чтобы сделать меня, несмотря на мою юность, одним из членов правления своей организации. Она чувствовала, я справлюсь, потому что, как она заявила, ей нравилось моё чувство юмора, она подметила во мне врождённую целостность и

то, что она назвала “духовной уравновешенностью”; кроме того, она знала, что я глубоко правдива. Она как-то сказала, когда мы шли по деревенской улочке в Ирландии, что моя правдивость создаёт мне большие затруднения и что лучше бы мне усвоить: не всегда нужно отважно резать правду. Молчание иногда может быть полезнее.

Таким образом, с моей точки зрения, я нанесла ущерб всей **95]** работе в целом и самой мисс Сэндс. К тому времени я уже перестала плакать и радовалась, находясь вместе с ней. Помню гостиную в пансионе в небольшом приморском городке недалеко от Дублина, где она встретилась с Тео Шофилд и со мной. Она выслушала рассказ Тео, а Тео любила меня. Она послушала мой рассказ — рассказ сбитой с толку святой мученицы, — именно такой я себе тогда представлялась. Вечером она отправила меня спать, добавив, что увидится со мной утром. После завтрака она сказала мне, что если я хочу выйти замуж, она не видит оснований этого не делать, при условии, что всё должно улаживаться осмотрительно. Ситуация требовала того, что в древнендийском писании Бхагават-Гите называется “мастерством в действии”. Она отнеслась ко мне с любовью, обласкала меня и просила не волноваться. В любом случае я была слишком утомлена, чтобы вдуматься в сказанное, и, безусловно, крайне измотана, чтобы собраться с мыслями относительно мастерства в действии. Я была ошеломлена, осознав, что моя восхитительная, героическая, духовная жертва ради работы рассматривается как бесполезная. Я чувствовала себя разочарованной и находилась в полной прострации. За день я взвинтила себя до ужасного состояния и чувствовала себя дурой, идиоткой. Наконец я оставила этих любимых пожилых леди обсуждать меня с моими планами и вышла пройтись и подышать холодным ночным воздухом. Я была так сыта всем по горло, так упала духом, чувствовала себя такой несчастной, что помню только, как полисмен поднял меня с земли. Он поставил меня на ноги, встряхнул (люди почему-то всегда встряхивают меня) и, подозрительно и пристально глядя на меня, сказал: “Не бродите и не падайте в обморок в таких местах. Уже девять часов вечера, и вам повезло, что я вас увидел. А теперь ступайте домой”. Я дотащилась обратно, продрогшая и промокшая до нитки от дождя и брызг с моря, которые падали на пирс, на котором я лежала. Рыдая, я рассказала об этом Элизе и Тео, после чего была заботливо уложена в постель. Думаю, с тех пор я обрела определённое чувство пропорции и понимание того, насколько трагически **96]** воспринимаются жизненные ситуации молодыми и как естественны чрезмерные реакции в юности.

На следующий день я отправилась в Эдинбург к своей любимой тёте, Маргарет Максвелл. Там проблемы мои ещё больше осложнились, и не только из-за её участия, но и благодаря прибытию очень обходительного и любезного мужчины, следовавшего за мной всю дорогу из Индии, чтобы просить меня выйти за него замуж. Увенчала все тяготы ещё одна. Наутро я получила письмо от одного армейского офицера; он сообщал, что находится в Лондоне, и спрашивал, как бы я отнеслась к предложению немедленно сочетаться с ним браком. Вот в какую ситуацию я попала — с участливой тётей, двумя крайне озабоченными сотрудницами и тремя мужчинами, просящими моей руки. Я имела возможность поговорить с тётей об Уолтере Эвансе, и я это сделала, откровенно описав всё, как есть. О двух других я не осмелилась упомянуть, потому что при её консерватизме она посчитала бы, что со мной что-то неладное, если я обнадёжила трёх мужчин сразу — чего я не делала. Надо отдать мне должное, я никогда не занималась флиртом.

Я провела в Эдинбурге только неделю, затем пришлось выехать в Лондон, так как мне предстояло ещё по заказанному обратному билету вернуться в Бомбей, прежде чем навсегда покинуть Индию. Проблема заключалась в том, к кому обратиться за советом. Но она решалась легко. Я отправилась в Дом дьяконисс в Эдинбурге, чтобы повидать главу Церкви шотландских дьяконисс. Ею была золовка тёти, у которой я остановилась, сестра сэра Уильяма Максвелла из замка Кардонесс. Для меня она всегда была “тётушкой Алисой”, я обожала её за то, что в ней не было никакой узости мысли или тупости. Как сейчас вижу её, высокую и стройную, в коричневой униформе дьякониссы, встающую, чтобы поздороваться со мной в своей милой гостиной. Её одежда была сшита из тяжёлого коричневого шёлка, и она обычно носила кружевные воротнички и манжеты, изготовленные мной для неё. Я великолепно вышивала кружева. Я [97] научилась делать ирландские кружева ещё девочкой и делала их замечательно. Несколько лет я шила для неё воротнички и манжеты в благодарность за то, что она всегда понимает меня. Она никогда не была замужем, но знала жизнь и любила людей. Я рассказала ей об Уолтере Эвансе, о майоре из Лондона и о глупом богатом идиоте, который преследовал меня до самого дома и даже сейчас стоял снаружи. Помню, она подошла к окну, бросила на него взгляд через кружевную занавеску и засмеялась. Мы проговорили два часа, и она сказала мне, чтобы я предоставила это дело ей, она подумает и помолится о том, что мне делать. Она заверила, что сделает всё возможное, чтобы уладить мою проблему, поскольку я слишком

больна, чтобы принять решение или проявить здравый смысл. Благодаря её умелому обхождению я вздохнула с облегчением и вернулась к тёте, чувствуя себя лучше. Через несколько дней я выехала в Лондон и отправилась на корабле в Индию в сопровождении Гертруды Дэвис-Колли, — она решила побыть со мной и позаботиться обо мне, поскольку я была слишком слаба.

Итак, я вернулась к работе и выполняла её, не имея ни малейшего представления, как сложится моя дальнейшая жизнь; я настроилась жить текущим днём, не заглядывая вперёд, в будущее. Я вверилась Господу и своим друзьям и просто ждала.

Тем временем “тётушка Алиса” вступила в контакт с Уолтером Эвансом. Его служба в армии близилась к концу, и было условлено, что он покинет Индию. Она оплатила ему все расходы на то, чтобы он уехал в Соединённые Штаты, получил там богословское образование и стал священником Епископальной Церкви — американского эквивалента Англиканской Церкви. Она сделала это для того, чтобы он получил социальное положение и мне было легче выйти за него замуж. Всё делалось совершенно открыто, она информировала меня о каждом своем шаге, а также извещала обо всём **98]** мисс Сэндс. Относительно меня и моей работы в армии всё воспринималось совершенно спокойно, и когда в конце концов я покинула Индию, чтобы вступить в брак, было объявлено: я уезжаю, чтобы выйти замуж за священника.

Вернувшись в Умбаллу, я всю зиму была занята работой, а летом поехала в Чакрату, чтобы заведовать там Солдатским домом. Здоровье моё неуклонно ухудшалось, головные боли учащались. Работа была очень тяжёлой, и я с благодарностью вспоминаю любезность и доброту двух мужчин, на редкость много сделавших для меня, и часто спрашиваю себя, была бы я сегодня в живых, если бы не они. Одним был полковник Лесли, дочери его были моими подругами и ровесницами. Я часто бывала у них в доме, и он очень заботился обо мне. Другим был полковник Сван, главный военный врач округа и мой лечащий врач. Он делал для меня всё, что мог, иногда часами сидел рядом, присматривая за мной, но мне становилось всё хуже. Тогда они взяли дело в свои руки и телеграфировали моим родственникам и мисс Сэндс, что отправляют меня обратно в Англию на ближайшем корабле.

По возвращении в Лондон я пошла к сэру Альфреду Шофилду, брату Тео, одному из ведущих лондонских невропатологов и терапевтов того времени, и отдала себя в его руки. Он оказался прекрасным человеком и действительно понял меня. Я пошла к нему, измученная своими головными болями.

Мне казалось, что у меня в мозгу опухоль, или что я схожу с ума, или рисовалась ещё какая-то глупость в таком же роде. Физически же я была слишком слаба, чтобы справиться со страхом. Немного поговорив со мной, он встал из-за стола, подошёл к книжному шкафу и вынул из него толстый увесистый том. Открыв его, он показал один абзац и сказал: “Юная **99]** леди, прочтите вот эти строчки и отбросьте свои страхи”. Я прочла, что головная боль никогда не приводит к фатальному концу; она не оказывает никакого влияния на умственные способности субъекта, а жертвами её обычно являются люди с устойчивой психикой и сильным умом. Он был достаточно проницателен и разгадал мои невысказанные страхи, — отмечаю это для других страдальцев. Затем он предписал мне усиленный постельный режим на шесть месяцев и велел постоянно заниматься шитьём. Итак, я отправилась в Кастрамонт к тёте Маргарет, вернулась в знакомую спальню, которую занимала много лет, и занялась изготовлением полного комплекта нижнего белья для сестры — плиссированных нижних юбок симметричного рисунка и с подрубленной каймой, обшитой кружевами; гофрированных трусиков (мы о них в те времена даже не упоминали) и маечек, носимых поверх корсета, ныне не встречающихся и так же отошедших в область предания, как и додо.* Надо сказать, что я была прекрасной швеёй. Ежедневно я вставала и отправлялась на прогулку в вересковые пустоши, с каждой неделей чувствуя себя всё лучше. Каждые несколько дней приходили письма от Уолтера Эванса; я получала от него регулярные известия с тех пор, как он перебрался в Америку.

ГЛАВА III

100] Очень трудно писать о последующих нескольких годах и понять, как интерпретировать следующую фазу моей жизни. Оглядываясь назад, я отдаю себе отчёт в том, что чувство юмора на время мне изменило, а когда такое случается с тем, кто обычно умеет смеяться над жизнью и обстоятельствами, это довольно тягостно. Под юмором я имею в виду не чувство смешного, а способность смеяться над собой, над событиями и обстоятельствами, оценивая их с точки зрения своего положения и оснащённости. Не думаю, что у меня действительно есть чувство смешного; я просто не понимаю юморесок в воскресных газетах и никогда не могу припомнить ни одной остроты; но я имею чувство юмора, и мне не представляет никакого труда заставить хохотать аудиторию — большую или малую. Я всегда могу посмеяться и над собой. Но в следующих нескольких годах моей жизни я не нахожу ничего забавного и стою перед проблемой, как описать этот цикл, не навевая смертельной скуки и не представляя прискорбной картины женщины, оказавшейся в довольно жалком положении. А именно это со мной и произошло. Я просто буду двигаться вперёд и расскажу, как смогу, свою историю с её горестями, болью и страданиями, и прошу вас быть терпеливыми. Это был лишь промежуточный период между двадцатью восемью годами счастья и другими двадцатью восемью годами счастья — годами, счастливо продолжающимися до сих пор.

До 1907 года у меня были заботы и неприятности, но более или менее поверхностные. Я делала любимое дело, причём делала успешно. Я была окружена людьми, любившими и ценившими меня, и, насколько мне известно, абсолютно никаких проблем не возникало между мной и моими сотрудниками. Нужды в финансах я не испытывала. Могла ездить по Индии куда хотела и возвращаться в **101]** Великобританию при первом же желании. Фактически я не сталкивалась с трудностями личного характера.

Однако теперь мы подходим к семилетнему циклу в моей жизни, наполненному сплошными неприятностями и не оставившему незатронутой ни одной стороны моей природы. Я вступила в период длительных психических страданий; я вынужденно сталкивалась с ситуациями, эмоционально выжимающими меня до последней капли, и физически жизнь моя была чрезвычайно тяжелой. Полагаю, такие периоды необходимы

в жизни всех активных учеников. Переносятся они трудно, но я твердо убеждена: если привлекать совершенное знание и решимость души, обязательно приходят силы, чтобы справиться с обстоятельствами. В результате всегда (как было в случае моём и любого, кто пытается духовно работать) возрастает умение удовлетворять человеческую нужду и протягивать “крепкую руку во тьме” другим странникам. Я находилась рядом со своей дочерью, когда она проходила через один ужасный опыт, и наблюдала, как она — в результате пяти лет стойкого терпения — обрела работоспособность, на которую в противном случае была бы неспособна, а ведь она ещё молода, и перед ней лежит полезное и конструктивное будущее. Мне бы это не удалось, не пройди я сама через огонь.

Итак, спустя шесть месяцев были сделаны приготовления к моей свадьбе. Те небольшие деньги, что я имела, были официально положены на счёт, которым Уолтер Эванс не смог бы воспользоваться, если бы и возымел такое желание. “Тётушка Алиса” выслала ему денег на экипировку и проезд в Шотландию за мной. Я тогда жила у своей тёти Маргарет Максвелл в Кастрамонте. Нас обвенчал г-н Бойд-Карпентер в частной церкви в доме наших друзей. Старший брат моего отца Уильям Ла Троуб-Бейтман (тоже священник) был моим посажённым отцом.

После венчания мы сразу отправились погостить к родственникам Уолтера Эванса на севере Англии. Одна из свойственниц, **102]** присутствовавших при венчании и состоящая в родстве с половиной Англии, отвела меня в сторонку, когда я прощалась, и сказала: “Ну вот, Алиса, ты вышла замуж за этого человека и собираешься посетить его родственников. Ты увидишь: они не твои, и тебе придётся заставить их почувствовать, что ты считаешь их своими. Ради Бога, не будь снобом”. Этими словами она напутствовала меня, введя в тот период моей жизни, когда я оставила свои касту и социальное положение и внезапно открыла для себя человечество.

Я не отношусь к тем, кто считает, что только пролетарии добродетельны и правы, а средние классы — соль земли, тогда как аристократия абсолютно бесполезна и от неё следует избавиться. Не придерживаюсь я и позиции, что только интеллигенция спасёт мир, хотя она более здравая, потому как интеллигенция может происходить из всех классов. Я встречала страшных снобов среди так называемых низших классов. Столь же яростные снобы попадались и среди аристократии. Благоразумие и консерватизм средних классов является великой уравновешивающей силой всех наций. Напор и возмущение низших классов содействуют росту народа, традиции же,

культура и благородство аристократии — великое достояние нации, у которой она есть. Все эти факторы весомы и полезны, но могут с таким же успехом явить и свою обратную сторону. Консерватизм может быть опасно реакционным; справедливое возмущение может обратиться в фанатичную революцию, а чувство ответственности и превосходства, часто демонстрируемое “высшими классами”, может выродиться в отупляющий патернализм. Нет наций без классов. В Великобритании существует аристократия по рождению, но в Соединённых Штатах имеется денежная аристократия, такая же самодовлеющая, исключающая и живущая особняком. Кто рассудит, какая лучше, какая хуже? Я была воспитана в **103]** рамках очень жёсткой кастовой системы, ничто не побуждало меня быть на равной ноге с теми, кто не принадлежит к моей касте. Мне ещё предстояло открыть, что за всеми классовыми различиями Запада и всеми кастовыми системами Востока стоит великая сущность под названием Человечество.

Так или иначе я, со своими красивыми нарядами и драгоценностями, образцово поставленным голосом и светскими манерами, необдуманно, нисколько не оценив ситуации, ворвалась в семью Уолтера Эванса. Даже давним семейным слугам было не по себе. Старый кучер Поттер повёз нас с Уолтером Эвансом на станцию после венчания. Я как сейчас вижу его в ливрее и с кокардой на шляпе. Он знал меня ещё маленькой девчушкой; по прибытии на станцию он спустился вниз, взял меня за руку и сказал: “Мисс Алиса, он мне не нравится, и мне неприятно говорить это вам, но если он будет плохо обращаться с вами — возвращайтесь обратно. Черкните мне пару строк, и я встречу вас на станции”. После чего он отъехал, не произнеся больше ни слова. Начальник маленькой шотландской станции забронировал нам места в вагоне до Карлайла. Усаживая меня в вагон, он взглянул мне в глаза и сказал: “Он не тот, кого я выбрал бы для вас, мисс Алиса, но надеюсь, вы будете счастливы”. Ничего из этого тогда не произвело на меня ни малейшего впечатления. Сейчас мне думается, что мои родственники, друзья и слуги были очень огорчены. Тогда же я не обратила на это никакого внимания. Я сделала то, что считала правильным, сделала в виде жертвы и теперь пожинала плоды своего деяния. Прошлое осталось позади. Моя работа с солдатами окончилась. Впереди простирается прекрасное будущее с обожаемым, как я думала, человеком, в новой чудесной стране, потому что мы собирались поехать в Америку.

Перед отъездом в Ливерпуль мы остановились в семье мужа, и я никогда не проводила время более неприятным образом.

Люди **104]** были милые, любезные, добрые и достойные, но я никогда раньше не ела вместе с людьми такого сорта, не спала в таком доме, не принимала пищу в “гостиной”, не жила в доме без слуг. Я пришла в ужас от них, они пришли в ещё больший ужас от меня, хотя и гордились тем, что Уолтер Эванс составил такую замечательную партию. В оправдание Уолтеру Эвансу, думаю, следует сказать, что когда мы разошлись и он поступил в аспирантуру при одном из крупных университетов, я получила от президента университета письмо, где он умолял меня вернуться к Уолтеру. Он заклинал меня (на правах очень старого и умудрённого человек) вернуться обратно к мужу, поскольку, утверждал он никогда, в ходе своего долгого общения с тысячами молодых людей, не встречал человека столь одарённого — духовно, физически и умственно — как Уолтер Эванс. Поэтому неудивительно, что я влюбилась и вышла за него замуж. Все его данные были на высоте, если не считать низкого общественного положения и отсутствия денег, но поскольку я отправлялась жить в Америку и он вскоре должен был быть посвящён в духовный сан в Епископальной Церкви, это казалось несущественным. Мы могли бы прожить на его стипендию и мой небольшой доход.

Из Англии мы выехали прямо в Цинциннати, в штат Огайо, где муж учился в Богословской семинарии Лейна. Я немедленно подключилась к учёбе и принялась осваивать предметы вместе с ним; жили мы на мои деньги, оплачивая все расходы. Погрузившись в гущу супружеской жизни, я обнаружила, что у нас с мужем нет ничего общего, кроме религиозных убеждений. Он ничего не знал обо мне, а я ещё меньше знала о нём. Мы оба тщетно пытались в то время спасти наш брак, но всё пошло прахом. Полагаю, я умерла бы от горя и отчаяния, если бы не цветная женщина, содержательница пансиона при семинарии, где на верхнем этаже у нас была комната. Звали её г-жа Снайдер, и она приняла меня с первого взгляда. Она нянчилась со мной, баловала меня, заботилась обо мне; она **105]** бранила меня и сражалась за меня; Уолтера Эванса она почему-то не выносила, и ей доставляло удовольствие говорить ему об этом. Она старалась снабдить меня всем лучшим, чем могла. Я любила её, она была единственной, кому я доверяла.

Именно тогда впервые в жизни я столкнулась с расовой проблемой. У меня не было никаких настроений против негров, за исключением того, что я не верю в брак между цветными и белыми, потому что он, по-видимому, не приносит счастья ни одной из сторон. Я ужаснулась, обнаружив, что хотя американская конституция декларирует равенство для всех, мы (через посредство подушного налога и скудного образования) всё

делаем для того, чтобы негры не были нам равны. На Севере положение лучше, чем на Юге, но негритянская проблема — одна из тех, которые американскому народу придётся разрешить. Конституция уже решила её. Помню, в Богословскую семинарию Лейна пригласили негритянского профессора д-ра Франклина выступить перед выпускниками. Выйдя из часовни, я остановились с мужем и парой профессоров обсудить прекрасную речь, произнесённую д-м Франклином; тот как раз прошёл мимо. Один из профессоров остановил его и дал денег, чтобы он пошёл и купил себе ленч. Он не достоин был даже того, чтобы поесть вместе с нами, хотя и говорил с нами о духовных ценностях. Я так возмутилась, что со своей обычной импульсивностью бросилась к знакомому профессору и его жене и рассказала об инциденте. Они немедленно вернулись со мной обратно и пригласили д-ра Франклина к себе домой на ленч. Открытие расистских настроений было подобно обнаружению зияющей дыры в великом здании человечества. Ведь целому отряду моих собратьев отказывалось в правах, гарантированных конституцией, под сенью которой они родились.

С тех пор я много думала, читала и говорила о проблеме **106]** меньшинств. У меня множество друзей среди негров, и думаю, я вправе заявить, что мы понимаем друг друга. Я обнаружила, что негры так же культурны, разборчивы и здравомыслящи, как и многие из моих белых друзей. Я обсуждала с ними эту проблему и знаю: всё, чего они просят, — это равные возможности, образование, работа и условия жизни. Ни один не требовал социального равенства, хотя наступает время, когда они должны и будут им обладать. Я обнаружила, что культурные, образованные негры разумно и здраво относятся к неразвитым представителям своей расы; выдающийся негритянский юрист заявил мне однажды: “Большинство из нас словно дети, особенно на Юге, нас нужно любить и воспитывать как детей”.

Несколько лет тому назад в Лондоне я получила письмо от одного учёного, д-ра Джаста; он спрашивал, не соглашусь ли я побеседовать с ним, — он прочёл кое-что из мною написанного и хотел бы поговорить. Я пригласила его на ленч к себе в клуб, и когда он прибыл, выяснилось, что он негр, к тому же очень чёрный. Он был очаровательный интересный джентльмен, один из ведущих биологов мира, и возвращался в Вашингтон после чтения лекций в Берлинском университете. Мы с мужем пригласили его на пару дней к себе домой в Танбридж Уэллс и получили большое удовольствие от его визита. Одна из моих дочерей спросила его, женат ли он. Отлично помню, как он повернулся к ней и сказал: “Моя дорогая юная леди, я никогда не

мечтал о том, чтобы попросить девушку вашей расы выйти за меня замуж и страдать от неизбежного остракизма, и я ещё не встретил девушку моей расы, близкую мне в ментальном отношении, в чём я нуждаюсь. Нет, я никогда не был женат". Он уже умер, и я очень сожалею об этом; я надеялась на более тесную дружбу с этим прекрасным человеком.

За тридцать шесть лет пребывания в этой стране меня ввергало в **107]** шок, изумление и ужас отношение многих американцев к своим же собратьям-американцам — негритянскому меньшинству. Эта проблема должна быть решена, неграм должно быть предоставлено место в жизни нации. Их не удержать в узде, да и нельзя этого делать. Их задача — показать себя такими, какими они притязают быть, а задача всех нас — добиться, чтобы они это сделали, и загладить отвратительные высказывания и ядовитую ненависть таких людей, как сенатор Билбо, а их немало. Повторяю: я убеждена, что проблему не решить сегодня (на будущее я не делаю пророчеств) межрасовыми браками. Она должна решаться при условии бесстрашной справедливости, признания того факта, что все люди братья и что, если с негром неладно, то это наша вина. Если он необразован и необучен быть достойным гражданином, это опять же наша вина. Пора выдающимся белым людям и конгрессменам обеих палат и партий прекратить ратовать за демократию и свободные выборы на Балканах и в прочих местах и прилагать те же самые принципы к собственным южным штатам. Извините за эту тираду, но тема, как видите, сильно меня задевает.

Эта цветная женщина, г-жа Снайдер, месяцами по-матерински ухаживала за мной. Она заботилась обо мне, когда я рожала свою старшую дочь, и послала за своим доктором; он не был цветным, но доктором был неважным, поэтому я не получила квалифицированной помощи, в какой нуждалась. Это не её вина, она делала всё, что могла. Мне поразительно не везло, когда я рожала трёх дочерей; только раз при мне оказалась больничная сиделка. Во всяком случае, рождение моего первого ребёнка проходило без квалифицированной помощи. Уолтер Эванс постоянно впадал в истерику, больше всех требуя внимания доктора, но г-жа Снайдер была как непоколебимая скала, и я никогда не забуду её. Позднее доктор прислал сиделку, но она была такой неумелой, что её уход приносил **108]** мне глубокие страдания и я три месяца чувствовала себя крайне неловко и мучительно.

Затем мы переехали из семинарии в другой жилой квартал. Сняли небольшую квартиру, и там я впервые осталась одна с малышкой и всей домашней работой на руках. До тех пор я ни

разу не выстирала ни одного носового платка, не сварила ни одного яйца, не приготовила ни одной чашки чая, и вообще была совершенно неопытной молодой женщиной. Я научилась всему этому на горьком опыте и специально проследила потом, чтобы три мои девочки знали всё, что нужно знать о домашнем хозяйстве. Они вполне компетентны. Я совершенно уверена, что то было нелёгкое время для Уолтера Эванса, и именно тогда — когда мы жили уединённо и никто не мог нас подслушать — я стала обнаруживать, что его характер становится просто отвратительным.

Моим Ватерлоо была еженедельная стирка. Обычно я спускалась в подвал, уставленный большими лоханями, и занималась стиркой. Я привезла с собой всю свою собственную детскую одежду, очень красивые фланелевые костюмчики с кружевными оборками, почти бесценными — целую дюжину, и то, что я с ними делала, было просто стыд и ужас. После моей стирки они выглядели безобразно. Как-то утром в дверь постучали; открыв её, я увидела женщину, живущую этажом ниже. Она с состраданием посмотрела на меня и сказала: “Послушайте, г-жа Эванс, сегодня понедельник, и я больше не могу выдержать. Я английская служанка, вы английская леди, и я в этом разбираюсь. Есть вещи, которые я умею делать, а вы нет, так что будем-ка спускаться вниз вместе по понедельникам, пока я не скажу, что научила вас стирать бельё”. Она выпалила это так, будто заучила наизусть, и оказалась такой же замечательной, как и её слова. Сейчас в стирке и глаженье белья для меня нет ничего загадочного, и этим я обязана г-же Шуберт. Вот вам ещё пример человека, для которого я ничего не сделала, но который проявил **109]** незаурядную человечность и доброту, и благодаря которому я чуть глубже заглянула в здание человечества. Мы стали настоящими подругами, и она часто защищала меня, когда Уолтер Эванс был в ярости. Я нередко находила убежище в её маленькой квартире. Интересно, живы ли они ещё с г-жой Снайдер. Думаю, что нет; они были бы очень старыми.

Когда Дороти исполнилось шесть месяцев, я вернулась в Великобританию повидаться с родными, оставив мужа заканчивать своё богословское образование и ожидать посвящения в сан. То был мой последний визит в Англию; после этого я двадцать лет не была там, но у меня не осталось о нём отрадных воспоминаний. Я не могла признаться, что несчастна, что совершила ошибку. Гордость меня удерживала, но они безусловно догадались об этом, хотя и не задавали никаких вопросов. Когда я была там, сестра вышла замуж за моего кузена Лоренса Парсонса. Состоялись обычные семейные сборы в

дядином доме. Я провела в Англии только несколько месяцев, затем вернулась в Америку. Тем временем муж окончил семинарию, был посвящён в сан и получил приход в епархии Сан Хоакин, в Калифорнии. Это было для меня благом, так как епископ и его жена стали мне настоящими друзьями. Я до сих пор получаю от неё известия. Моя младшая дочь названа в её честь. Она относится к тем, кого я глубоко люблю; подробней я расскажу о ней ниже.

Я вернулась в Штаты на небольшом судёнышке, причалившем в Бостоне. Это было моё самое ужасное путешествие — маленькое грязное судёнышко, по четыре человека в каюте и еда за длинными столами, где мужчины не снимали шляп. Я вспоминаю это как кошмар. Но, как и всё плохое, плавание закончилось и мы прибыли в Бостон в проливной дождь, и я была в полном отчаянии. У меня была мучительная головная боль; мой несессер с массивными серебряными украшениями, принадлежавший моей матери, был украден, а годовалую Дороти было тяжело нести. Поездка проводилась по туристскому билету Кука, на борту был агент этой компании. **110]** Он отвёз меня на железнодорожную станцию, где мне пришлось ждать до полуночи, потом сообщил всё, что мне положено было знать, угостил меня чашкой крепкого кофе и исчез. Утомлённая, я весь день просидела на станции, пытаясь успокоить неугомонного ребёнка. Когда пришло время садиться на поезд и я спрашивала себя, как мне управиться, я вдруг увидела рядом с собой того агента, но уже без униформы. “Я беспокоился о вас целый день, — сказал он, — и решил, что мне лучше самому посадить вас на поезд”. Он взял ребёнка, позвал носильщика и как можно комфортабельнее устроил меня на поезде, идущем в Калифорнию. Спальные вагоны были в то время не столь удобными, как сейчас. Снова я испытала незаслуженную доброту от того, кому ничего не сделала. Пожалуйста, не подумайте, будто во мне было что-то подкупающее и отрадное, что побуждало мне помогать. Думаю, я отнюдь не была очаровательной. Я была скорее высокомерной и капризной, очень сдержанной, почти до немоты, и с явными британскими замашками. Нет, дело совсем не в этом, а в том, что обычные люди внутренне добры и любят помогать. Не забывайте, что доказательство этого факта является одной из целей моей книги. Я не придумываю примеров, а сообщаю о реальных событиях.

Мой муж был сначала приходским священником небольшой церкви в Р., — именно там я привыкла к обязанностям жены священника, к тому, что от неё постоянно что-то требуется. Я окунулась в сугубо женские проблемы прихода. Я должна была

посещать организацию женской помощи. Мне нужно было проводить собрания матерей, мне постоянно приходилось ходить в церковь и слушать бесконечные, нескончаемые проповеди Уолтера. Как и все священники с семьями в миссионерских округах, мы питались **111]** главным образом курятиной, и я поняла, почему курица считается священной птицей — потому что неимоверное их количество поглощается священнослужителями.

Описываемый период ознаменовал другую фазу в расширении моего сознания. Я ещё никогда в жизни не вращалась в таком обществе. В городке проживало всего полторы тысячи жителей, но на них приходилось одиннадцать церквей, в каждой собирался свой крошечный круг прихожан. Среди владельцев удалённых ранчо встречались культурные мужчины и женщины, много путешествовавшие, начитанные, и я иногда встречалась с ними. Но подавляющее большинство были мелкими торговцами, водопроводчиками, школьными учителями, работали на железной дороге, на виноградниках или во фруктовых садах. Дом священника был небольшим шестикомнатным бунгало между двумя более солидными домами, в одном из которых жили двенадцать детей с родителями, так что я постоянно слышала гомон детских голосов. Городок был типичный: лавки с фальшивым фасадом, столбы для привязки сурреев и бугги* (так как автомобили были ещё редкостью) и деревенская почта — источник всех сплетен и слухов. Климат там прекрасный, хотя лето очень жаркое и сухое. Однако я чувствовала себя в полной изоляции — культурной, умственной и духовной. Казалось, мне не с кем поговорить. Никто ничего не видел, не читал, а все разговоры, похоже, вращались вокруг детей, урожая, пищи и местных сплетен. Я месяцами высокомерно задирала свой нос, решив, что здесь нет достойных людей, с которыми стоит знаться. Конечно я исполняла свои обязанности жены священника и уверена, что была очень ласковой и доброй, но я всегда ощущала барьер. Мне не хотелось общаться с прихожанами, и я давала им это понять.

Между тем я начала вести класс по изучению Библии, и он имел огромный успех. Численно он превосходил воскресное собрание прихожан в церкви моего мужа, что добавляло масла в огонь. Класс **112]** посещали члены всех церквей, кроме католической, и это было единственное светлое пятно на неделе, наверное потому, что оно связывало меня с прошлым.

Дурной нрав моего мужа перешёл все границы, и я жила в постоянном страхе, что прихожане узнают об этом и он потеряет свой пост. Как священника его очень любили, он был

впечатляющей фигурой в своём стихаре и епитрахили. Он был отличным проповедником. Я честно считаю, что за мной не было особой вины. В жизни я всё ещё руководствовалась формулой “Чего хочет от меня Иисус?” Я не была раздражительной или вспыльчивой, но полагаю, что моё молчание и нарочитое терпение накаляли атмосферу. Что бы я ни делала, всё ему не нравилось, и после того, как он уничтожил все дорогие для меня — по его мнению — фотографии и книги, он принялся избивать меня, хотя никогда не трогал Дороти. Он всегда нежно относился к детям.

Моя дочь Милдред родилась в августе 1912 года, и именно тогда я по-настоящему осознала тот поразительный факт, что не правы не жители местечка, а я сама. Я была так занята проблемами Алисы Ла Троуб-Бейтман, вступившей, по всей видимости, в несчастливый брак, что забыла стать Алисой Эванс, человеческим существом. Когда родилась Милдред, я была очень больна, — тогда-то я и узнала жителей городка. Милдред уже десять дней, как должна была родиться; термометр на веранде показывал сто двенадцать градусов; от двенадцати сорванцов за дверью исходил нестерпимый галдёж; я хворала уже много дней; в довершение всего обвалилась выгребная яма. Я представляла себе, как Дороти, — ей было тогда два с половиной года, — крутится рядом и проваливается в неё. От Уолтера не было никакой помощи. Он просто-напросто испарился, погрузившись в свои приходские обязанности. У меня была хорошая сиделка-еврейка; она испугалась, видя моё состояние, и стала **113]** названивать доктору; но того всё не было. Внезапно открылась дверь, и без стука вошла жена владельца бара. Она бросила на меня взгляд, шагнула к телефону и стала обзванивать дома, куда доктор заходил, поймала его и приказала немедленно явиться. Затем она подхватила Дороти, кивнула мне, заверила, что с девочкой всё будет хорошо, и исчезла. Я три дня не видела Дороти. Да и не думала о ней, ибо состояние моё было из рук вон плохо. Роды потребовали хирургического вмешательства, и у меня произошло два серьёзных кровоизлияния. Благодаря хорошему уходу я выкарабкалась. Прошёл слух о том, что я попала в тяжёлое положение, и мне прислали столько полезных вещей и сделали столько хорошего, что я останусь им навек благодарной. Откуда ни возьмись, появились заварной крем, пироги, портвейн, свежие фрукты. Женщины заходили по утрам стирать, выбивать пыль, подметать, посидеть со мной, занимались шитьём и штопкой. Помогали сиделке ухаживать за мной. Приглашали моего мужа к себе, чтобы он не путался под ногами, и я внезапно осознала: мир полон любящих людей, а я

была слепа всю свою жизнь. Так я вошла ещё дальше в здание человечества.

Но именно тогда и начались настоящие неприятности. Люди стали понимать, что представляет собой Уолтер Эванс. Я была на ногах на девятый день рождения Милдред, уже без сиделки и без какой-либо помощи. В тот день жена церковного старосты к своему ужасу обнаружила, что я занимаюсь стиркой; зная, что я чуть не умерла за десять дней до этого, она разыскала Уолтера Эванса и дала ему нагоняй. Это не привело ни к чему хорошему, и у неё зародились подозрения; она стала больше за мной присматривать и относиться ко мне ещё более дружески. Дурной характер Уолтера стал принимать угрожающие размеры, но любопытно, что (кроме свирепого, неукротимого нрава) у него не было других недостатков. Он **114]** не пил, не сквернословил, не играл в азартные игры. Я была единственной женщиной, которой он когда-либо интересовался, единственной женщиной, которую он целовал; верю, что так оно и было до самой его смерти несколько лет назад. Несмотря на всё это, с ним было совершенно невозможно жить, и в конечном счёте находиться с ним под одной крышей стало опасно. Жена церковного старосты, войдя однажды, увидела, что всё моё лицо в синяках. Мне так нездоровилось и я так изнемогла, а она была такой доброй и милой, что я призналась: муж швырнул в меня фунтовым куском сыра и попал мне прямо в лицо. Она вернулась к себе, и вскоре прибыл епископ. Как бы мне хотелось передать на этих страницах дружеское участие, доброту и понимание епископа Сэнфорда. Мы с ним познакомились, когда он приехал на конфирмацию. Я устроила ужин, потом мыла на кухне тарелки. Услышав, как кто-то позади меня вытирает тарелки, я не обернулась, думая, что это одна из прихожанок. К своему изумлению я обнаружила, что это епископ, — подобный акт был вполне в его духе. Итак, последовали беседы, обсуждения, и в конечном счёте Уолтеру была предоставлена ещё одна возможность творить добро. Мы немедленно переехали в другой приход. Чему я очень обрадовалась, так как дом для священника был там намного приятней. Община была побольше, и я была ближе к Эллисон Сэнфорд, одной из милейших женщин и самых близких моих подруг.

Моё здоровье в целом улучшилось, и, несмотря на непрерывные взрывы ярости Уолтера, в моей жизни появился просвет. Здесь было ближе к городу, где жили епископ с женой, и я видела их чаще. В приходе оказалось больше людей, говоривших со мной на одном языке, но во многих отношениях это время было тяжёлое, и поздней осенью я снова слегла.

Младшая моя дочь Эллисон должна была появиться на свет в январе, но муж в одном из приступов раздражительности столкнул меня с лестницы, что скверно сказалось на **115]** ребёнке. Девочка родилась очень хрупкой, — о таких говорят: “синюшная”; сердечный клапан у неё работал с перебоями, и годами не верилось, что я поставлю её на ноги. Но я сделала это, и сейчас она самая крепкая из трёх моих дочерей.

После этого дела пошли хуже некуда. Все знали, что в доме священника дела обстоят неладно, и каждый помогал как мог. Одна очень славная девушка попросилась жить у нас в доме постоялицей, чтобы быть рядом со мной, но через некоторое время испугалась, хотя и осталась со мной до конца. Близлежащее поле регулярно, день за днём, перепахивалось, и когда я (из любопытства) спросила пахаря, почему это так упорно делается, он ответил, что группа мужчин решила: надо, чтобы мне было кого позвать в случае нужды, поэтому они поочерёдно пахали. Девушки на телефонной станции, узнав о ситуации, взяли за практику время от времени мне звонить, спрашивая, всё ли в порядке. Доктор, который ухаживал за мной во время рождения Эллисон, был серьёзно озабочен и взял с меня обещание прятать на ночь под матрас резак и топор. Распространилось мнение, что Уолтер Эванс не в своём уме. Помню, я ночью проснулась и услышала, как кто-то быстро вышел из моей комнаты и спустился по лестнице. Это был доктор, он зашёл взглянуть, всё ли со мной в порядке. Так что доброта окружала меня. Однако я испытывала глубокое унижение, гордость моя была нестерпимо уязвлена.

Однажды утром позвонила подруга и пригласила меня с тремя детьми в гости, сказав, что заедет за мной. Мы отправилась к ней и прекрасно провели время. Вернувшись, я обнаружила, что Уолтера Эванса отправили в Сан-Франциско и поместили под наблюдение врача и психиатра, чтобы выяснить, что у него с психикой. **116]** К счастью для меня, доктор пришёл к заключению, что человек он плохой, но не сумасшедший, что страдает он ни от чего иного, как от своего совершенно неуправляемого характера. Тем временем Эллисон серьёзно заболела “детской холерой”, и шанса на выздоровление не оставалось. Хорошо помню донельзя знойный летний день той кошмарной поры. Опасно больная Эллисон лежала на одеяле на полу, два других ребёнка играли в соседнем дворе. Подъехал доктор и вошёл в дом с ребёнком на руках, за ним высокая миловидная женщина, которой, судя по её виду, следовало бы лежать в больнице. Он сказал, что принёс мне ребёнка, чтобы я за ним присматривала, и не буду ли я так добра уложить мать в постель и позаботиться о ней тоже? Конечно, я согласилась и три

дня провела с двумя больными детьми и больной женщиной — слишком больной, истощенной и депрессивной, чтобы заботиться о своём ребёнке. Я делала всё, что могла, но её ребенок умер у меня на руках. Ничто не могло спасти девочку, а ведь она находилась под надзором опытного врача, да и я была неплохой сиделкой. Доктор был мудрым человеком; он знал, что у меня есть всё, чтобы справиться со своей домашней ситуацией, но мне нужно усвоить: не я одна попала в беду, у других такие же беды, а я способна отдавать гораздо больше энергии, чем думаю. Мудрость и глубокое знание психологии у практикующего врача в маленьком городке — явление совершенно для меня удивительное. Он знает людей; он живёт жертвенной жизнью; он мастер, обладающий огромным опытом; в чрезвычайных обстоятельствах он реагирует быстро и адекватно, поскольку ему не на кого положиться, кроме как на самого себя. Лично я глубоко признательна докторам — в городах и деревнях, — они были моими друзьями, помимо того, что лечили меня.

Мне посоветовали отвезти Эллисон в Сан-Франциско в детскую больницу и посмотреть — может быть, что-то из этого выйдет. Эллисон Сэнфорд забрала двух моих детей несмотря на то, что у **117]** неё было четверо своих, и я с малюткой отправилась на север. Доктора в больнице сказали, что она, скорее всего, не выживет, мне пришлось оставить её там и вернуться обратно присматривать за двумя другими. Не буду распространяться о трудностях этого периода. Те, у кого есть дети, поймут. Я не ожидала увидеть её снова, но она чудом выздоровела и была привезена обратно отцом, который потом с чистой совестью устранился от всяких забот. Во всём этом нет ничего забавного, не так ли, и мне совсем невесело об этом рассказывать.

Для нас наступил на редкость трудный год. Епископ не смог дать Уолтеру Эвансу приход. Скудные наши сбережения в основном исчерпались, а из-за мировой войны мой мизерный доход превратился в горстку денег. Когда Уолтер уехал в Сан-Франциско, я осталась с тремя детьми и кучей счетов. Он не умел обращаться с деньгами; те, что я давала, или часть своего жалования, предназначенную для оплаты текущих счетов, он обычно тратил на никчёмные излишества. Он мог выйти из дому, чтобы уплатить по месячному счёту в магазине, и вернуться с граммофоном.

Пока я жива, никогда не забуду исключительной доброты владельца продовольственного магазина в городке, где мы жили. Там у Уолтера Эванса был последний приход в епархии Сан Хоакин. Мы задолжали этому магазину пару сотен долларов по

счёту, хотя я совершенно не подозревала об этом. Конечно, слух о наших делах пронёсся по всей округе. Наутро после того, как мужа отправили в Сан-Франциско, зазвонил телефон — звонили из продовольственного магазина. Владельцем его был еврей, причём довольно заурядный на вид. Я никогда ничего не сделала для него помимо того, что проявляла обычную вежливость и, будучи англичанкой, дала понять, что не испытываю неприязни к евреям. В Великобритании никогда **118]** не было антисемитских настроений, особенно во времена моей юности. Некоторые наши выдающиеся деятели были евреями, например лорд Ридинг, вице-король Индии, и другие. Этот человек позвонил, чтобы записать мой заказ. Я спросила, сколько мы задолжали, он ответил: “Свыше двухсот долларов”, но прибавил, что это его не волнует, так как он знает: они будут уплачены, пусть и через пять лет. Затем он добавил: “Если вы не сделаете заказа, мне придётся прислать вам то, что я считаю необходимым, а это вам не понравится, не так ли?” Так что я сделала заказ. Когда продукты прибыли этим же утром, я обнаружила среди них конверт с десятью долларами “на мелкие расходы”, — он прислал их на случай, если я испытываю нужду в деньгах, приплюсовав к счёту, так как знал, что я не приняла бы милостыни. Ещё он попросил ключ от нашего почтового ящика, чтобы забирать для меня почту. Я чувствовала и поныне чувствую себя глубоко ему обязанной. Мне потребовалось больше двух лет, чтобы расплатиться по счёту, но он был оплачен, и всякий раз, посылая ему пять долларов на погашение долга, я получала в ответ благодарственное письмо, как будто совершала для него благодеяние.

Я воспитывалась в Англии, где не было антиеврейских настроений и где негритянскую проблему понимают лучше, чем в Соединённых Штатах, и заявляю: я многим обязана представителям обоих страдающих меньшинств. Негритянская проблема всегда казалась мне проще еврейской и гораздо легче разрешимой.

Еврейская проблема видится мне почти неразрешимой. В данное время я не знаю, что тут можно предложить, за исключением медленного эволюционного процесса и планомерной воспитательной кампании. У меня нет никаких антиеврейских настроений; некоторых своих самых любимых друзей-евреев, таких как д-р Ассаджиоли, Регина Келлер и Виктор Фокс, я люблю беззаветно, и они **119]** знают это. Мало с кем в мире я столь же близка, как с ними; я нуждаюсь в их советах и понимании, и они не подводят меня. Я официально фигурировала в “чёрном списке” Гитлера за то, что защищала евреев, когда

разъезжала с лекциями по Западной Европе. Однако, несмотря на всё это и отлично сознавая прекрасные качества евреев, их вклад в западную культуру и науку, их ценные наработки и дарования по части художественного творчества, я, тем не менее, не вижу никакого немедленного решения этой ключевой, устрашающей проблемы.

Вина лежит на обеих сторонах. Я говорю не об ошибках или, вернее, гнусных преступлениях, немцев и поляков по отношению к своим еврейским согражданам. Я говорю о всех тех, кто за евреев, а не против них. Мы, неевреи, всё ещё не выяснили, что сделать для того, чтобы избавить евреев от гонений — гонений, длящихся много-много столетий. Египтяне от начала библейских времён преследовали евреев, и гонения были их постоянным уделом. Не уверена, стоит ли высказывать свои заключения, но изложу их в надежде, что это может помочь. Приведу очень кратко лишь одно-два соображения, отнюдь не претендуя на полноту анализа.

Должна существовать какая-то фундаментальная причина их постоянных, бесконечных гонений, какая-то подоплёка того, почему их не любят. В чём она заключается? Эта фундаментальная причина, по-видимому, глубоко коренится в некоторых расовых характеристиках. Люди жалуются (подчас справедливо), что евреи портят атмосферу любого района, где они проживают. Развешивают постельное и прочее бельё между окнами. Проводят время на улице, собираясь кучками на тротуаре. Но евреи столетиями вели кочевую жизнь в шатрах и могут до сих пор проявлять наследственные качества. Говорят, что как только еврей проник в коллектив или **120]** организацию, его сёстры и племянники, дядюшки и тётушки тоже оказываются в ней. Но евреи вынуждены были держаться вместе в условиях многовековых гонений. Заявляют, что у евреев сугубо материальные интересы, что всемогущий доллар значит для них больше, чем этические ценности, что они быстро и ловко обходят неевреев. Но еврейская религия не делает акцента на бессмертии или на жизни после смерти, и это действительно так, — я обсуждала эту проблему с евреями, изучающими свою теологию. Так почему бы им не брать от жизни лучшее — в материальном отношении? Будем есть и пить, и приобретать земные блага, ибо завтра умрём. Всё это понятно, хотя и не вызывает симпатии.

По мере того, как я изучала, размышляла и задавала вопросы, в моём уме кое-что прояснилось и вылилось — для меня — в частичный ответ. Евреи цепляются за религию, в основе своей устаревшую. Я спрашивала себя несколько дней назад, какие части Ветхого Завета стоило бы сохранить? Ибо содержание его

по большей части отвратительное, изуверское и проходит почтовую цензуру лишь потому, что входит в Библию. И решила, что сохранить следует десять заповедей, одну-две библейских истории, например о любви Давида и Ионафана, 23-й и 91-й псалмы вместе с некоторыми другими, и примерно четыре главы из Книги Исайи. Всё остальное в значительной мере бесполезно или нежелательно, многое из него питало гордость и национализм этого народа. Что стоит между ортодоксальным евреем и массами неевреев, так это его религиозные табу, потому что еврейская вера — это религия запретов: “Не делай того-то и того-то”. Материализм евреев – вот что определяет отношение неевреев к молодым неортодоксальным евреям, олицетворением которых является Шейлок.

Я пишу эти строки, сознавая неточность и неполноту излагаемого, и всё же, как широкое обобщение, это абсолютная правда **121]** — хотя, с точки зрения отдельного еврея, они во многих, очень многих случаях несправедливы. У евреев и немцев много общего. Немец считает себя представителем “высшей расы”, ортодоксальный еврей полагает, что принадлежит к избранному народу. Немец подчёркивает “расовую чистоту”, то же веками делали и евреи. Евреи, по-видимому, нигде не ассимилируются. Я встречала евреев в Азии, Индии, Европе, а также здесь, в США, — они остаются евреями и, несмотря на своё гражданство, обособляются от нации, среди которой живут. А вот в Великобритании или Голландии я такого не видела.

Неевреи часто обращались с евреями отвратительно, и многие из нас горько сожалеют об этом и делают всё, чтобы это не повторилось. Но есть одно препятствие — и оно в самих евреях. Лично я ещё не встречала ни одного еврея, допускающего, что могут быть ошибки или провокации и с их стороны. Они всегда занимают позицию, что они — страдающая сторона и что вся проблема разрешилась бы, если бы христиане приняли надлежащие меры. Нас таких множество, нас тысячи — тех, кто пытается принять надлежащие меры, — но мы не встречаем сотрудничества со стороны евреев.

Извините за это отступление, но память о г-не Иакове Вейнберге, который так дружески относился ко мне, побудила меня высказаться на эту остро волнующую меня тему. Итак, проблема, вставшая перед нами с Уолтером, заключалась в следующем: что нам делать? Я понимала, что судьба Уолтера в значительной мере находится в моих руках. Убеди я его вести себя и обращаться со мной пристойно, епископ в конце концов постарался бы послать его в другой приход в иной епархии, где над ним не висело бы его прошлое, хотя, разумеется, епископа

той епархии пришлось бы ввести в курс дела. Хорошо помню тот вечер, когда я после длительной беседы с епископом смело, без обиняков изложила ситуацию Уолтеру. Я дала ему понять, что его судьба — только в моих руках и **122]** что ему выгодно перестать меня бить. Я сказала, что в любой момент могу получить развод на основании свидетельства доктора, присматривавшего за мной во время рождения Эллисон и видевшего у меня синяки по всему телу. Эта угроза была весомой с точки зрения Епископальной церкви. С его карьерой священнослужителя было бы покончено. Как гордый человек (внутренне страшась огласки), он с того дня и пальцем меня не тронул. Он злился, целыми днями не разговаривал со мной, загружал меня работой, но у меня уже не было причин его бояться.

Мы сняли трёхкомнатную лачугу в деревенской глуши неподалёку от Пасифик Гроув; я развела кур и стала зарабатывать немного денег, продавая яйца. Очень быстро выяснилось: если не держать много кур (а для этого требуется капитал), много денег не заработаешь. Куры — преглупые создания, бродящие с глупым видом, повадки у них совершенно бестолковые, они абсолютно лишены сообразительности; единственное, что привлекает в разведении этой живности — сбор яиц, а это грязная работа. Но мне удавалось таки прокормить семью; лачуга стоила всего восемь долларов за месяц, хотя и того не заслуживала.

Жизнь моя в то время тянулась очень монотонно — присмотр за тремя детьми, угрюмым мужем и несколькими сотнями глупых кур. В доме не было ни ванной, ни туалета. Проблематично было даже содержать детей и жилище в чистоте. Денег практически не было, и счёт за продукты частично оплачивался яйцами; бакалейщик их всегда принимал, дружески относясь ко мне. Я обычно обходила окрестные леса с тачкой, собирая хворост на топливо, а дети семенили за мной. Так что нельзя сказать, что это было приятное время. Оно не возбуждает во мне чувства юмора. Это было как совершенно новое воплощение, и контраст между тусклой жизнью **123]** домохозяйки и матери, птичницы и садовницы, и моей роскошной жизнью в молодости, да и насыщенной жизнью проповедника, в итоге совсем меня подкосил.

Я чувствовала, что никому не нужна, что я, должно быть, сбилась с пути, иначе не оказалась бы в таком положении. Мною завладел старый христианский комплекс “жалкого грешника”. Моё сознание, жёстко обусловленное фундаменталистской теологией, настойчиво твердило: это кара за сомнения; если бы я придерживалась своей юношеской веры в Бога и была бы непоколебима, я не попала бы в такую ситуацию. Церковь

обманула мои ожидания, поскольку Уолтер и другие знакомые служители церкви казались мне унылыми посредственностями, за исключением епископа. Он был святым, но — рассуждала я — он был бы святым в любом случае, даже будучи водопроводчиком или биржевым маклером. Я была достаточно знакома с теологией, чтобы потерять веру в теологические толкования; чувствовала, что у меня не осталось ничего, кроме смутной веры в Христа, казавшегося в то время таким далёким. Я ощущала себя покинутой Богом и людьми.

Разрешите заметить: я не сомневаюсь в том, что церковь ведёт проигрышную игру, и так будет продолжаться, пока она не изменит своих методов. Непонятно, почему деятели церкви не идут в ногу со временем. Ведь всё эволюционное развитие во всех сферах является выражением божественности, а застывшие теологические интерпретации противоречат великому закону вселенной — эволюции. Теология — это просто-напросто интерпретация и понимание человеком того, что, как ему думается, Бог имеет в виду. Именно ограниченный человеческий ум мыслит, да и мыслил так веками. Следовательно, могут начать работать и другие ограниченные человеческие умы, которые представят иные, более значительные или широкие интерпретации, и тем самым создадут основание для более прогрессивной теологии. Кто посмеет сказать, что они будут **124]** менее правы, чем церковники прошлого? Пока церкви не расширят свой горизонт, не прекратят споров по несущественным частностям и не будут проповедовать Христа воскресшего, живого и любящего, а не Христа мёртвого, страждущего и принесённого в жертву гневному Богу, они будут терять доверие будущих поколений — и поделом. Христос жив, вечно существует и торжествует. Мы спасаемся Его жизнью. Смертью, что Он претерпел, и мы можем умереть — причём с торжеством, как гласит Библия. А начать церквям придётся со своих богословских семинарий. Я получила богословскую подготовку и знаю, о чём говорю. Мыслящая молодёжь перестанет туда поступать, если её будут там пичкать архаическими объяснениями того, что она распознаёт как живые истины. Её не интересует непорочное зачатие — она заинтересована в Христе. Она слишком многое знает, чтобы уверовать в боговдохновенность Писаний, но она готова поверить в Слово Божье. Сегодняшняя жизнь так изобилует движением, героями, красотой, трагедиями и катаклизмами, реальностью и замечательными возможностями, что у этого поколения нет времени на теологическое ребячество. К счастью, в церкви есть люди, обладающие в*и*дением, — они в конце концов изменят реакционную позицию, но это потребует времени. А тем

временем разные культы и “измы” будут завладевать людьми. Все они отпадут за ненадобностью, если церковь проснётся и будет предоставлять ищущему, жаждущему человечеству то, в чём оно нуждается: не дурман, не авторитет, не слащавые банальности — а живого Христа.

Примерно после шести месяцев такой жизни я снова встретилась с епископом и сказала ему, что Уолтер ведёт себя прилично. Епископ очень любезно согласился подыскать место, где тот мог бы возобновить свою церковную деятельность. Наконец, он получил небольшой приход в шахтёрском посёлке в Монтане с условием, чтобы часть его жалования ежемесячно посылалась мне. А я тем временем переехала в небольшой трёхкомнатный коттедж в более **125]** населённом районе округа Пасифик Гроув. Это произошло в 1915 году, и Уолтера Эванса я видела тогда в последний раз. От жалования его мне ни разу ничего практически не перепало, а письма его становились всё оскорбительнее. Они были полны угроз и выпадов. И я поняла, что должна сама устраивать свою жизнь и заботиться о трёх девочках.

Война в Европе была в полном разгаре. Все мои родственники были в неё вовлечены. Мой скудный доход поступал с перебоями. Он облагался большим налогом, к тому же банковский чек иногда вообще не доходил, если корабль с почтой бывал потоплен. Положение моё было хуже некуда; здесь у меня не было ни родных, к которым можно было обратиться, ни друзей (кроме епископа и его жены), с кем можно было поговорить. Впрочем, я была окружена добрыми, сердечными друзьями, но все они были не в состоянии сделать что-нибудь для меня и, оглядываясь назад, я спрашиваю себя: а давала ли я им понять, каким серьёзным было моё положение? Епископ хотел написать моей родне, но я не разрешала. Я всегда верила в пословицу “Как постелишь, так и поспишь”, и помыслить не могла, чтобы плакаться, жаловаться, сетовать друзьям. Я знала, что “Бог помогает тем, кто помогает самому себе”, но признаю: мне в то время казалось, будто и Бог тоже оставил меня, и поэтому я даже Ему не могла пожаловаться.

Я металась повсюду, пытаясь заработать хоть сколько-то денег, и лишь обнаружила, какая на редкость бесполезная я особа. Я могла бы вышивать замечательные кружева, но кружева никому не нужны, да и нужного материала в Америке было не достать. Никаких особых навыков у меня не было; я не умела ни печатать на машинке, ни преподавать — я даже не представляла, что мне делать. Промышленность в округе была представлена только одной фабрикой — по переработке сардин, и, чтобы не

обрекать детей на **126]** голодную смерть, я решила поступить на фабрику рабочей.

Помню кризисный момент, когда я пришла к такому решению. Это был крупный духовный кризис. Как уже упоминалось, я прибыла в Америку, когда ум мой был полон серьёзных сомнений относительно духовных ценностей, в которые стоит верить. По приезде я прошла курс богословия, — он не дал вообще ничего. Любой богословский курс способен лишь подорвать веру человека, если этот человек достаточно пытлив и задает вопросы, а не относится к тем, кто слепо принимает всё, что говорят церковники. В богословской библиотеке я обращалась к комментариям, — они оказались пустыми, скверно составленными и банальными. Ни на один вопрос они не отвечали; они трактовали абстракции; они обходили реальность, даже когда претендовали на точное знание того, что Бог имеет в виду и намерен делать, — все проблемы разрешались цитатами из Св. Августина, Фомы Аквинского и средневековых святых. Похоже, богословы никогда не занимаются фундаментальными вопросами; они прибегают к избитой формуле: “Бог сказал...”. А может, Он сказал не так; может, перевод неправильный; может, эта фраза является вставкой — их много в Библии. Затем возник другой вопрос: почему Бог говорил только евреям? Я ничего не знала о других Писаниях мира, а если бы и знала, то не считала бы их Писаниями. В Ветхом Завете есть места, шокировавшие меня, а то и заставлявшие поражаться, как они вообще прошли цензуру. В обычной книге они рассматривались бы как непристойные, но в Библии считались в порядке вещей. Я стала спрашивать себя: может быть, мои толкования хуже других? Помню, я как-то размышляла над библейским стихом: “У вас же и волосы на голове все сочтены”. Похоже, Бог увлекается статистикой. Я проконсультировалась у богослова в семинарии, он дал такой ответ: это библейское утверждение **127]** доказывает, что Бог не ограничен временем. Затем выяснилось, что крест — не христианский символ, а использовался задолго до христианства, и это было последним ударом.

Таким образом, я напрочь лишилась иллюзий насчёт жизни, насчёт религии в её ортодоксальном изложении и насчёт людей, особенно своего мужа, идеализируемого мной. Я никому не была нужна, кроме трёх своих малышек, а я привыкла к тому, что нужна сотням, тысячам. Лишь горстку людей в текучке их быта интересовало, что со мной происходит, а ведь я всегда была нужна очень многим. Мне казалось, я дошла до того, что стала абсолютно бесполезной, увязла в домашней рутине и монотонных

обязанностях будней небольшого городка, обязанностях, которые сотни женщин, менее родовитых, образованных и интеллектуальных, по-видимому, делали лучше. Я устала от стирки пелёнок, резки хлеба и намазывания масла. Я впала в полное отчаяние. Единственным моим утешением были дети; они были так малы, что их целительное свойство заключалось в отсутствии у них способности понимать происходящее.

Вершиной всего был день, когда я, в совершенном отчаянии, оставив детей на попечение соседки, отправилась одна в лес. Несколько часов я пролежала ничком, погруженная в свои проблемы, затем, встав под большим деревом (я бы его снова нашла, если бы этот участок не застроили), сказала Богу, что нахожусь в полном отчаянии, что готова на что угодно, лишь бы освободиться для жизни более полезной. Я сообщила Ему, что истощила свои ресурсы, делая всё “ради Иисуса”, что делала для Него всё, что могла, подметая, вытирая пыль, готовя, стирая и ухаживая за детьми не покладая рук, и вот что из этого вышло.

Отчётливо помню бездну своего отчаяния, когда никакого ответа не последовало. Я была уверена, что такого безысходного состояния достаточно, чтобы удостоиться ответа; что у меня снова **128]** будет какое-нибудь видение, или что я услышу голос, — я ведь иногда слышала голос, который говорил, что мне делать. Но у меня не было никакого видения, я не услышала никакого голоса и просто поспешила домой, чтобы приготовить ужин. Между тем меня всё время слышали, хоть мне это было неизвестно. Всё время составлялись планы моего избавления, пусть я ничего о том не ведала. Незримо для меня открывалась дверь, хотя я об этом и не подозревала. Я находилась в преддверии самой счастливой, самой плодотворной поры своей жизни. Как я говорила дочери много лет спустя: “Мы никогда не знаем, с чем столкнёмся за углом”.

Наутро я отправилась на один из больших заводов по переработке сардин и попросилась на работу. И получила её, потому что был горячий сезон и требовались рабочие руки. С соседкой я договорилась, что она будет присматривать за детьми, получая половину моего заработка, сколько бы он ни составлял. Работа была сдельной; я знала, что смогу работать быстро, и надеялась зарабатывать неплохие деньги; так и вышло. Я уходила из дому в семь утра и возвращалась около четырёх. В первые три дня грохот, запахи, непривычная обстановка и длительная ходьба на завод и обратно так меня выматывали, что по возвращении домой я падала без сил.

Но я привыкла, так как Природа обладает большой приспособляемостью, и считаю этот опыт одним из наиболее

интересных в своей жизни. Я оказалась в гуще народа и стала никем, хотя всегда полагала: я что-то собой представляю. Я делала то, что мог делать кто угодно. Это был неквалифицированный труд. Сначала я работала в цехе готовой продукции, наклеивая этикетки на большие овальные банки сардин Дель Монте, но на этом нельзя было заработать достаточно денег. В этом цехе ко мне проявляли большое **129]** участие. Думаю, все видели, что я напугана, потому что однажды мужчина, выгружавший банки сардин на мой стол для наклеивания на них этикеток, грубовато пихнул меня в бок и сказал: “А я узнал, кто вы такая. Сестра моей жены родом из Р., — она-то и рассказала о вас. Если вам потребуется мужчина, чтобы стоял за вас горой, защищая от грубостей, вспомните обо мне”. Он больше не навязывался, но сочувственно присматривал за мной. У меня всегда были консервные банки для работы, и я очень признательна ему.

Потом мне посоветовали перейти в фасовочный цех, где сардины раскладывали по банкам, и я туда перешла. Рабочие там были гораздо грубее — довольно неотесанные женщины, мексиканцы, вообще такие, с какими я никогда не имела дела, даже в ходе общественной работы. Как только я появилась в цехе, они принялись донимать меня колкостями. Я им явно не подходила. Очевидно, я была слишком хорошей, чересчур приличной особой для них, и они просто не знали, как вести себя со мной. Обычно они гурьбой собирались у ворот и при моём появлении затягивали: “Ближе, мой Бог, к Тебе”. Сначала это действовало на нервы, меня передёргивало при мысли, что надо пройти через ворота, но я как-никак имела большой опыт обращения с людьми и мало-помалу преодолела их настрой, так что в конце концов наши отношения наладились. У меня никогда не было недостатка в рыбе для фасовки, на моём стуле всегда загадочным образом оказывалась чистая газета. Они всячески заботились обо мне, и я снова хотела бы подчеркнуть, что я тут совершенно ни при чём. Я не знала этих мужчин и женщин по именам. Я ни разу в жизни не оказала им услуги, они же относились ко мне прекрасно, и я этого никогда не забуду. Я очень их полюбила, мы стали добрыми друзьями. Что до сардин, то я к ним так и не привыкла. Я настроилась на то, что если уж быть фасовщицей, то такой, которая дорого стоит. Мне нужны были деньги для детей, поэтому я решила вникнуть в технологию фасовки. Я наблюдала за **130]** другими фасовщиками. Изучила каждое движение, чтобы избегать напрасной траты сил, и три недели спустя стала образцовой фасовщицей на заводе. Через мои руки проходило в день тысяч десять сардин, я фасовала сотни

банок. Посмотреть на меня приводили посетителей, и в награду за свою работоспособность мне приходилось выслушивать замечания типа: “Что эта женщина делает на заводе? Она на вид слишком хороша для такой работы, но, судя по всему, это только на вид. Знать, она что-то натворила, раз взялась за такое дело. Не обманывайтесь её внешностью, видно, она непутёвая”. Я цитирую буквально. Помню, мастер как-то стоял рядом, слушая подобные реплики группы посетителей и наблюдая моё негодование. Замечания были особенно грубыми, и руки мои буквально тряслись от ярости. Когда они ушли, он подошёл ко мне и сказал с самым сердечным видом: “Не берите в голову, г-жа Эванс, мы здесь кличем вас “алмазом, затерявшимся в грязи””. Его слова показались мне полной компенсацией за всё, сказанное в мой адрес. Так разве удивительна моя неизменная, нерушимая вера в красоту и божественность человека? Если бы эти люди были передо мной в долгу, тогда другое дело, но всё свидетельствовало о спонтанной сердечности человеческой души по отношению к тем, кто находится в таких же трудных обстоятельствах. Бедняк обычно сочувствует бедняку.

Позвольте рассказать эпизод, ещё лучше отражающий человеческую доброту. Однажды, когда зазвонил звонок на ленч, ко мне подошёл громадный, неуклюжий, грязный пожилой мужчина — на вид страшилище, а пахло от него ужасно, — и сказал: “Отойдёмте в угол. Хочу поговорить с вами”. Я никогда не боялась мужчин и отошла с ним в угол. Он засунул руку в карман джинсов и вынул **131]** половину чистого белого фартука. Сказал: “Вот, мисс, стащил это нынче утром у жены и собираюсь повесить здесь на гвоздь. Мне не нравится смотреть, как вы вытираете руки грязными тряпками в женской комнате. У меня есть и другая половина, я её повешу, когда эта замарается”. Он развернулся раньше, чем я успела поблагодарить его, и больше никогда не заговаривал со мной, но теперь у меня всегда был чистый лоскут для вытирания рук.

Я совершенно уверена: мы получаем в жизни то, что даём. Я научилась не быть высокомерной; я не поучала других, а просто пыталась быть вежливой и доброй, поэтому и другие, общаясь со мной, были вежливы и добры; любой может поступать так же — вот мораль моего рассказа. Помню, несколько лет назад ко мне в нью-йоркский офис приходила на консультацию женщина. Её угнетала отвратительная обстановка вокруг неё: все-то о ней сплетничали, она уж не знала, как с этим покончить. Она выплакала все глаза, жалуясь на жестокий мир и моля ей помочь. Никогда не видев её раньше и не зная фактов, я сделала что могла. Любопытно, что несколько дней спустя мы с мужем,

Фостером Бейли, пошли в ресторан и заняли отдельную кабину. А в соседней кабине я увидела эту женщину, она же меня не заметила. Она сидела со своим приятелем и говорила громким отчётливым голосом, так что я слышала каждое слово. Чего она только не говорила о своих друзьях — уму непостижимо! С губ её не слетело ни одного доброго слова. Она, что называется, поливала грязью всех своих знакомых. Слушая её, я нашла решение её проблемы, и когда она пришла ко мне в следующий раз, я сказала ей об этом, по-видимому, опрометчиво, потому что с тех пор никогда её больше не видела. Наверно я ей не понравилась, и, уж конечно, она не любила правду.

Работа на заводе продолжалась несколько месяцев. Уолтер **132]** Эванс тем временем покинул Монтану и поступил в университетскую аспирантуру на востоке страны. Я о нём почти не слышала. Никаких денег от него не поступало, и в 1916 году я проконсультировалась с юристом по поводу развода. Я не могла себе представить перспективу возвращения к нему, чтобы дети на себе испытывали его отвратительный нрав и вспышки гнева. Он не проявил никаких признаков того, что чему-то научился, никакого чувства ответственности по отношению ко мне и детям. В 1917 году, когда Соединённые Штаты вступили в войну, он выехал во Францию вместе с ХАМЛ* **,** где и остался на время войны. Там он очень отличился и получил военный крест. Поэтому я прекратила бракоразводный процесс, поскольку тогда были сильны предубеждения против женщин, просивших развода с мужьями, находящимися на фронте. Это всегда казалось мне нелогичным, ведь мужчина на фронте и мужчина дома — это один и тот же человек. И я никогда не понимала, почему каждый солдат в армии считается героем. Он, скорее всего, попал туда по призыву, у него не было выбора. Я прекрасно знаю солдат, знаю, как им претит газетная и публичная болтовня о “героизме”.

Я перестала ему писать и испытывала сильное облегчение оттого, что он далеко. С детьми всё было хорошо, они доставляли мне большую радость; я тоже была в порядке, хотя весила всего девяносто девять фунтов. Мне удавалось достаточно заботиться о детях, по-видимому, штормовой период моей жизни постепенно проходил. Но духовно я ещё брела во тьме, будучи слишком занятой зарабатыванием денег и уходом за тремя маленькими девочками, чтобы беспокоиться о своей душе.

ГЛАВА IV

133] Уолтер Эванс оставил меня, когда мне было тридцать пять лет. Многие мои наблюдения указывают на то, что тридцатипятилетний возраст у многих является поворотной точкой. Если человеку вообще удаётся нащупать свою жизненную задачу, достичь в текущей жизни меры уверенности и полезности, то это случается в указанном возрасте. Нумерологи подтверждают: дело в том, что 7x5 = 35; семёрка указывает на завершённый цикл, полноту и открытую дверь для перехода к новому опыту; пятёрка является числом ума, а также числом интеллектуального создания, называемого человеком. Впрочем, не знаю. Я уверена: в нумерологии что-то есть, ибо Бог, как нам говорят, работает через посредство чисел и форм, хотя меня никогда особо не впечатляли нумерологические выводы.

Однако факт остаётся фактом, что в 1915 году я вступила в совершенно новый цикл и впервые открыла, что у меня есть ум; я начала им пользоваться, обнаружила его гибкость и мощь и стала употреблять его как "прожектор", освещающий мои собственные дела и идеи, окружающий мир и сферу открытий, которую можно назвать духовной, — мир, который древнеиндийский наставник Патанджали именует "облаком познаваемого".

Именно в это трудное время, работая на заводе, я познакомилась с теософией. Мне это слово не нравится, несмотря на его впечатляющее содержание и смысл. Для публики оно означает многое из того, чем теософия, по существу, не является. Я попытаюсь показать, что она в действительности собой представляет. Ибо она открыла новую духовную эру в моей жизни.

В то время в Пасифик Гроув жили две англичанки того же, что и я, социального происхождения. Я ещё не познакомилась с ними, **134]** но хотела этого, главным образом, из-за своего одиночества. Тянуло пообщаться с кем-нибудь со своей родины, а я уже видела их на улицах городка. До меня дошли слухи, что они устраивают встречу на какую-то своеобразную тему, и наш общий друг смог достать для меня приглашение. Таким образом, я отправилась на встречу не из самых высоких побуждений. Я не ожидала услышать что-то новое, интересное или получить помощь. Я пошла потому, что хотела познакомиться с этими женщинами.

Я нашла лекцию очень скучной, а лектора прескверным. Худшего лектора нельзя было себе представить. Он начал беседу с

безапелляционного утверждения: “Девятнадцать миллионов лет тому назад Владыки Пламени явились с Венеры и внедрили в человека семя ума”. Думаю, за исключением теософов никто в комнате не понимал, о чём он рассуждает. Ничто из того, что он говорил, не имело для меня никакого смысла. Во-первых, потому, что в вопросе о датировке начала эволюционного цикла я верила Библии, а по Библии сотворение мира произошло в 4004 году до Р. Х. Мои будни были заполнены трудом и материнскими обязанностями, и у меня не оставалось времени читать последние книги об эволюции. Да я и не уверена, что тогда вообще верила в эволюцию; помню, я читала Дарвина и Герберта Спенсера с ощущением вины и измены Богу. Поэтому представление о мире, имеющем возраст девятнадцать миллионов лет, было просто богохульством.

Лектор прошёлся по всему миру мысли. Он сообщил слушателям, что у каждого из нас есть каузальное тело, и в этом каузальном теле, по-видимому, обитает Агнишватта. Для меня это звучало как совершенная абракадабра, и я сомневаюсь, полезны ли вообще лекции такого рода. Я решила тогда, что если и буду когда-нибудь читать лекции, то постараюсь делать это не так, как лектор-теософ, **135]** а как раз наоборот. Но одно я приобрела — дружбу этих двух женщин. Они немедленно взялись за меня и снабдили литературой для чтения. Я стала часто бывать у них, беседовала, задавала вопросы.

Дни мои стали очень длинными. Я поднималась в четыре утра. Наводила порядок в доме, готовила ленч для трёх детей, в 6 часов умывала их, одевала и кормила завтраком. В 6:30 отводила их к соседке и шла на завод фасовать проклятые сардины. В полдень в хорошую погоду съедала свой ленч на пляже. Обычно в 4 или в 4:30 я была уже дома. Зимой играла с детьми дома или читала им. Летом водила их на пляж. К 7 часам мы возвращались домой ужинать, затем я укладывала всех трёх спать. А сама, замочив бельё или замесив тесто, забиралась в постель и неотрывно до полуночи читала.

Я по своему темпераменту отношусь к тем, кому не требуется долго спать. Когда я была маленькой, доктор (знавший меня очень хорошо) сказал, что четырёх часов сна мне вполне достаточно, и был совершенно прав. По сей день я обычно встаю в 4:30 и (после завтрака) пишу и работаю до семи. Таков мой жизненный ритм, — в нём, видимо, одно из объяснений того, почему я смогла сделать так много.

Ещё моя способность к напряженному труду объясняется чрезвычайно жёсткой дисциплиной моей жизни в детстве. Я просто не умею ничего не делать. Мне никогда не позволяли

бездельничать, поэтому мне это невмоготу. Третье объяснение могло бы, по моему мнению, оказаться очень полезным примером для многих людей. Мне хотелось знать так много, но для этого приходилось изыскивать время, не пренебрегая детьми. О детях я никогда не забывала, **136]** и это требовало планирования, изворотливости, дисциплины. Я научилась гладить, держа перед собой книгу, и по сей день умею читать и гладить одновременно, не портя белья. Я привыкла чистить картофель, читая и не раня пальцев, способна лущить фасоль и бобы с книгой перед глазами. Я всегда читаю, когда шью или штопаю. Это мне удаётся просто потому, что я так хочу, и многие женщины могут научиться делать то же самое, если постараются. Беда в том, что многие из нас недостаточно стараются. Кроме того, я читаю очень быстро, схватывая целые абзацы и страницы, пока другие успевают прочесть предложение. Я забыла техническое наименование этой способности. Многие люди умеют так делать, и ещё больше людей могли бы этому научиться, если бы приложили усилия.

Я достигла согласия со своей совестью в отношении обязанностей матери и домохозяйки. У моей знакомой было пять детей. По-видимому, она услышала зов Господа пойти и учить, и она пошла и стала учить — за счёт детей, оставленных дома на попечение старшей, всего лишь пятнадцатилетней, дочери. Девочка делала всё, что могла, но присмотр за четырьмя другими детьми — не шутка. Нам всем приходилось помогать их кормить, купать, а когда нужно — и воспитывать. Это был урок для меня и ужасный пример того, как нельзя поступать. Поэтому я решила, что пока все мои девочки не достигнут подросткового возраста, я буду уделять им и дому всё своё время. Когда же они подрастут и станут в состоянии сами о себе позаботиться, я перейду на метод пятьдесят на пятьдесят.

Около 1930 года, когда дети практически выросли, я сказала, что я им советчик и мать, но, отдав им фактически двадцать лет жизни, ставлю отныне свою общественную работу на первое место, а их — на второе. Я просила их помнить, что я всегда рядом, и **137]** думаю, они это помнят или вспомнят, когда я уйду.

Итак, я читала, изучала и размышляла. Мой ум пробуждался по мере того, как я сопротивлялась представляемым идеям, пытаясь совместить свои верования с новыми концепциями. Затем я познакомилась с двумя леди весьма преклонных лет; они жили рядом друг с другом в соседних коттеджах, были неразлучны и постоянно спорили. Обе были личными ученицами Е.П. Блаватской. Вместе с ней они и проходили тренинг, и обучались.

Я как раз познакомилась с её великой книгой “Тайная Доктрина”. Она меня заинтриговала, но привела в полное

замешательство. Я не могла уловить ни начала, ни конца. Это трудная книга для начинающих, потому что она плохо составлена и в ней отсутствует последовательность. Е.П.Б. начинает с одной темы, перескакивает на другую, берётся за третью, и — в конце концов, через шестьдесят-семьдесят страниц — вы обнаруживаете, что она возвращается к своей первоначальной теме.

Клод Фоллс Райт, бывший личным секретарём Е.П.Б., рассказывал мне, что при написании этой монументальной работы (ибо таковой она и является) Е.П.Б. обычно исписывала страницу за страницей, никогда не нумеруя их, а просто бросая рядом с собой на пол. По окончании рабочего дня г-н Райт и другие помощники собирали листы и пытались привести их в какое-то подобие порядка; он сказал: это чудо, что книга получилась более-менее понятной. Опубликование её было крупным мировым событием, содержащиеся в ней учения революционизировали человеческое мышление, как бы мало люди это ни сознавали.

Я считаю затраченные на её изучение часы самыми ценными часами в своей жизни; вся моя работа в оккультизме стала возможной благодаря заложенным ею фундаменту и знаниям. Ночами я **138]** читала в кровати “Тайную Доктрину”, пренебрегая чтением Библии, вошедшим уже в привычку. Я полюбила эту книгу и в то же время сильно на неё негодовала. Я полагала, что она весьма скверно написана, необстоятельна и бессвязна, но в то же время не могла от неё оторваться.

К тому же за меня взялись обе старые леди. День за днём, неделя за неделей они меня наставляли. Я переехала в небольшой коттедж, чтобы быть к ним поближе. Место было безопасным для детей, они могли лазить по деревьям, возиться в саду, я за них не тревожилась. Пока они играли, я, сидя на веранде того или другого коттеджа, беседовала и слушала. Многие личные ученики Е.П.Б. мне помогали, ревностно добиваясь от меня понимания того, что значило для человеческого мышления опубликование “Тайной Доктрины”. Меня часто забавляют ортодоксальные теософы, не одобряющие моего изложения теософских истин. Немногие из тех, кто выражает неодобрение, если такие вообще есть, удостоились привилегии учиться неделями и месяцами у личных учеников Е.П.Б., и я совершенно уверена, что благодаря этим старым ученикам я лучше, чем ортодоксы, уяснила, что предназначалось передать через “Тайную Доктрину”. Почему бы и нет? Меня хорошо учили, и я за это благодарна.

Я вступила в теософскую ложу в Пасифик Гроув и начала преподавать и вести классы. Помню, как принялась излагать первую книгу. Это была толстая книга г-жи Безант “Изучение

сознания". Я ничего не знала о сознании, наверное, не смогла бы дать ему определения, но читала на шесть страниц впереди класса и как-то умудрилась справиться с ней. Они так и не догадались, как мало я знаю. Уверена: что бы ни усвоил класс, я усвоила при этом достаточно.

Так что же из постигнутого стало удовлетворять мой вопрошающий ум и моё встревоженное сердце? Я была предоставлена **139]** самой себе в самый острый период своей неудовлетворённости. Уверена я была тогда лишь в двух фактах: в существовании Христа и в определённых внутренних контактах, которые я, по-видимому, не могла отрицать, не лукавя сама с собой, хотя и не могла их объяснить. Теперь, к моему удивлению, забрезжил свет. Мне открылись три новые (для меня) базовые идеи, в итоге ставшие основой общей программы моей духовной жизни и давшие мне ключ к мировым событиям. Не забывайте: начался первый этап мировой войны (1914-1918 гг.), а пишу я сейчас на исходе второго этапа (1939-1945 гг.).

Прежде всего выяснилось, что существует великий божественный План. Я обнаружила, что вселенная наша — не итог "случайного совпадения атомов", а осуществление великого замысла, или образа, который явит славу Божью. Оказалось, что человеческие существа, раса за расой, появлялись и исчезали на нашей планете и что каждая цивилизация и культура продвигали человечество на шаг вперёд по пути возвращения к Богу. Во-вторых, выяснилось, что существуют Те, Кто ответственен за исполнение Плана и Кто, шаг за шагом, этап за этапом, столетиями ведёт род человеческий. Я сделала удивительное открытие (удивительное для меня, знающей так мало): учение об этом Пути или этом Плане — одно и то же, излагается ли оно на Востоке или на Западе, распространялось ли оно до прихода Христа или после него. Открылось, что главой Иерархии духовных Водителей является Христос, и когда меня это озарило, я ощутила, что Он вернулся ко мне ещё более близким и сокровенным. Я узнала, что Он "Учитель Учителей и Наставник ангелов и людей". Обнаружила, что Учителя Мудрости — Его ученики, подобно тому как люди вроде меня — ученики какого-либо Учителя. Стало понятно, что когда я в дни своей ортодоксальности **140]** рассуждала о Христе и Его Церкви, я в действительности говорила о Христе и планетарной Иерархии. Я обнаружила, что эзотерическое представление истины ни в коей мере не умаляет Христа. Он воистину Сын Божий, Первородный между многими братиями, как сказал Св. Павел, и гарантия нашей собственной божественности.

Третье учение, с которым я столкнулась, и которое долгое

время вызывало у меня резкий отпор, было двойным верованием — в Закон Перевоплощения и в Закон Причины и Следствия, называемыми теософами, которые так любят учёные слова, Реинкарнацией и Кармой. Лично я считаю, что это очень нужное учение гораздо быстрее пробило бы себе дорогу, если бы теософы не попали бы под столь сильное влияние санскритских терминов. Если бы они учили Закону Перевоплощения вместо доктрины реинкарнации и разъясняли Закон Причины и Следствия вместо Закона Кармы, то истина, возможно, получила бы более широкое признание. Я говорю это не с целью критики, потому что сама поддалась тому же наваждению. Вспоминая теперь свои начальные занятия и лекции, я улыбаюсь, припоминая свои курьёзные громоздкие технические фразы, насыщенные санскритскими словами и детальными разъяснениями Вневременной Мудрости. Я нахожу, что с возрастом становлюсь проще и может быть немножко мудрее.

Когда я узнала о Законе Перевоплощения, я поняла, что многие мои проблемы, личные и индивидуальные, могут быть решены. Многим из тех, кто приступает к изучению Вневременной Мудрости, сначала трудно принять Закон Перевоплощения. Он кажется слишком революционным; он зачастую пробуждает чувство слабости и духовного утомления. И одна-то жизнь кажется довольно трудной, а тут выясняется, что их множество, как прошлых, так и будущих. Однако, когда изучаешь альтернативные теории, доктрина перевоплощения кажется наилучшей, самой логичной. Есть **141]** ещё лишь две теории, действительно заслуживающие внимания. Одна — “механическая” альтернатива, согласно которой человек — существо чисто материальное, лишённое души и преходящее, а потому (когда он умирает) снова разлагается в прах, из которого он вышел; мысль, по этой теории, есть просто секреция мозга, плод его деятельности, аналогичный специфическим секрециям, которые выделяются другими органами; следовательно, человеческое существование не имеет вообще никакой цели или смысла. Я не могла этого принять, да и сама эта теория не получила широкого распространения.

Кроме того, бытует теория “одного творения” ортодоксальных христиан, которую я исповедовала, не задаваясь вопросом о её истинности. В её основе лежит представление о непостижимом Боге, Который посылает человеческие души в воплощение на одну жизнь, причём от их действий и мыслей в этой одной жизни зависит их вечное будущее. Она отказывает человеку в прошлом, наделяет его судьбоносным настоящим и бесконечным будущим — будущим, определяющимся решениями,

принимаемыми в одной жизни. Чем Бог руководствуется, выбирая для человека место рождения, задатки и оснащённость — остаётся неизвестным. Похоже, нет никакого смысла в том, что Он делает, выполняя план “одного творения”. Я долго ломала голову над очевидной несправедливостью Бога. Почему мне довелось родиться в таких благоприятных условиях, обеспеченной деньгами, приятной внешностью, любыми возможностями и обилием интересных переживаний, которые принесла мне жизнь? И почему многие люди, подобные тому никудышному солдатику, от которого г-жа Сэндз меня избавила, рождаются без какой бы то ни было оснащённости, явно без всяких задатков, не имея денег, да и никаких способностей для успеха в этой жизни? Теперь я знала, почему могла предоставить этого солдатика Богу; я знала: и он, и я — каждый на своём месте — восходим по лестнице эволюции, жизнь за жизнью, пока к каждому из нас не будут применимы слова: “Поступаем в мире сем, как Он”.

Мне всегда казалось разумным высказывание “Что посеет человек, то и пожнёт”, и я испытала радость, обнаружив, что могу **142]** привести в подтверждение этих новых для меня учений слова Св. Павла и Самого Христа. Яркий свет пролился на старую теологию. Я стала понимать: единственное, в чём ошибка, так это в человеческом толковании истины; меня озарило, как это глупо, когда какой-нибудь учёный проповедник или умник утверждает, что Бог имеет в виду то-то и то-то, а мы соглашаемся. Может, он и прав, в таком случае интуиция это подтверждает; но интуиция не работает, пока ум не развит — в этом-то всё и дело. Людская масса не мыслит, и ортодоксальный теолог, что бы он ни говорил, всегда найдёт последователей. С самыми лучшими в мире намерениями он эксплуатирует тех, кто не мыслит. Ещё меня осенило, что нет никакого резона соглашаться с шестисотлетней давности интерпретациями Библии какого-нибудь священника или наставника (по-видимому, пригодными для его времени и века) сейчас, в иное время и в ином веке, в другой цивилизации и при наличии совершенно других проблем. Если истина Бога – это действительно истина, то она расширяющаяся и включающая, а не реакционная и исключающая. Если Бог – это Бог, то Его выражение божественности сообразуется с проступающей божественностью сынов Божьих, а выражение божественности сегодняшнего сына Божьего может быть весьма отличным от такового пять тысячелетий тому назад.

Итак, вы видите, как раскрывался весь мой духовный кругозор. В небесах появился свет, и я больше не была одиноким, покинутым, борющимся учеником, ни в чём не уверенным и не

знающим, что делать. До меня постепенно доходило, что я один из членов большого содружества братьев. Мне становилось ясным, что я могу сотрудничать с Планом, если захочу, могу выйти на тех, кто в прежних жизнях работал вместе со мной, увидеть, что из посеянного мною дало добрые всходы, и найти своё место в работе Христа. Я **143]** могла попытаться приблизиться к духовной Иерархии, о существовании которой я всегда подсознательно знала и которая, по-видимому, нуждалась в работниках.

Всё это постепенно раскрывалось в моём сознании в 1916 и 1917 гг.. Это были не стройные, сформулированные идеи, а истины, которые я медленно распознавала, к которым постепенно приспосабливалась, и которым должна была найти применение. Я наблюдала собственную жизнь и в этой связи изучала трёх своих девочек, что действовало на меня самым просветляющим образом. Я пришла к выводу, что моя карма в отношении моей младшей дочери Эллисон является в основном физической. Я спасала ей жизнь с самой усердной заботой, год за годом. Восемь лет она по предписанию доктора спала вместе со мной, чтобы напитываться моей жизненностью. День за днём, неусыпно присматривая за ней, не позволяя ей допускать резких нагрузок, взбираться на холмы или подниматься по лестнице, я побеждала болезнь сердца, и сегодня она – самый здоровый член семьи. Сейчас Эллисон не проявляет никаких признаков того, что нуждается во мне. Она удачно вышла замуж, живёт в Индии и имеет двоих детей. Я уверена, что она гордится мною, но наши отношения остались в прошлом. Наша связь со старшей дочерью очень прочная, наверно поэтому между нами нередки столь неугодные Богу раздоры. Налицо сильнейшая внутренняя привязанность, и хотя я её редко сейчас вижу, я уверена в ней, а она во мне. Карма моей второй дочери, Милдред, очень тесно связана с моей. Мы своеобразно привязаны друг к другу, тем не менее я знаю: она чувствует себя совершенно свободной. Несмотря на то, что она дважды была замужем, мы всегда были вместе в самых неординарных обстоятельствах, и я благодарна ей за любовь, а больше всего за дружбу. Как было бы прекрасно, если бы матери и дочери, отцы и сыновья ценили дружбу в своих отношениях больше, чем они это делают. Уверена: если бы я могла проследить наши прошлые отношения в свете Закона Перевоплощения, нынешняя, действительно счастливая ситуация в отношениях между тремя моими девочками и мной, получила бы исчерпывающее объяснение. **144]** Не заключайте из этого, что мы всегда ладили. Были бурные сцены и недоразумения. Они не всегда понимали меня, я часто мучилась с ними, хотела изменить

положение вещей, надеялась, что они будут вести себя иначе, и так далее, и тому подобное.

Как раз в конце 1917 года Уолтер Эванс выехал во Францию в составе ХАМЛ, и мой друг епископ устроил так, чтобы мне переводили сто долларов ежемесячно из его жалования. Эти деньги посылались мне непосредственно из ХАМЛ, пока Уолтер не прекратил там работать. Эти деньги, вместе с моим собственным небольшим доходом (уже более регулярным), позволили мне оставить работу фасовщицы сардин и наметить другие планы. Моя работа в Теософской Ложе в Пасифик Гроув принесла плоды, я стала приобретать некоторую известность как учащаяся.

Мне предложили – ввиду того, что мои финансы отчасти наладились, – перебраться в Голливуд, где в Кротоне находилась штаб-квартира Теософского Общества. Я решилась на этот переезд, и в конце 1917 года мы туда выехали. Я присмотрела небольшой домик около штаб-квартиры Т.О. и устроилась там вместе с детьми — в коттедже на Бичвуд Драйв.

Голливуд в те дни был относительно неиспорчен. Основную роль играла, конечно, кинопромышленность, но городок оставался вполне простым. Главные улицы были сплошь засажены перечным кустарником, в городке ещё не было спешки, сумасшедшей гонки, хрупкого великолепия и блеска современного, сегодняшнего Голливуда. Он был более привлекательным, славным местом. Я хотела бы засвидетельствовать, какое сильное впечатление — при отъезде из этого городка — осталось у меня от здравомыслия, сердечности, открытости и понимания ведущих киноработников. Я знала многих из них — это замечательный, человечный народ. Конечно, **145]** среди деятелей кино есть и негодные люди, но я хотела бы знать: а в каком слое человеческого общества вы не найдёте таких? Дурные люди есть в любой группе, общине, круге и организации. Есть люди выдающиеся, образцовые, а есть абсолютно посредственные и недостаточно развитые, чтобы быть очень хорошими или очень плохими.

Несколько лет тому назад, когда я ехала в такси вниз по Пятой авеню, водитель повернулся ко мне и сказал: “Скажите, мадам, вы когда-нибудь были знакомы с приятным евреем?” Я ответила: безусловно, некоторые из моих самых близких друзей – евреи. Тогда он спросил, знавала ли я плохого еврея, и я ответила, что знаю множество. Тогда он продолжал, знаю ли я приятного нееврея, и я, естественно, ответила: “Конечно. Думаю, я одна из таких”. Затем он спросил, знаю ли я плохих неевреев, и я ответила так же. “Что же тогда получается, мадам? Выходит, все

мы — просто люди". И таким был мой опыт повсюду. Не имеет значения, из какой мы расы или нации — в основе мы все схожи. У нас одни и те же ошибки и недочёты, одни и те же побуждения и устремления, одни и те же цели и желания, и я считаю, что нам необходимо осознать этот факт более отчётливо и практически.

Нам необходимо также освободиться от исторического наследия кристаллизующего национализма. Прошлая история любой нации достойна сожаления, и, между тем, она обусловливает наше мышление. Сильные национальные мыслеформы управляют деятельностью всех наций, и именно от них нам необходимо избавиться. Это легко увидеть, если взглянуть на некоторые ведущие нации с их характерными чертами. Возьмём Соединённые Штаты. На эту страну наложили свой отпечаток, или печать, Отцы-Пилигримы;* но я склонна согласиться с одним своим другом, который заметил, что подлинными основателями Америки были храбрые матери-Пилигримы, умудрившиеся жить с Отцами-Пилигримами, ибо **146]** Соединённые Штаты являются женской цивилизацией. Отцы-Пилигримы, должно быть, были крайне узколобыми, упрямыми и высокомерными мужчинами, с которыми очень трудно было иметь дело, потому что они были всегда правы.

Излишние осторожность и сдержанность, а также чувство превосходства — это то, от чего надо избавиться британцам; французам же следует преодолеть убеждённость, что слава Франции, сделавшая её лидером в средние века, должна быть восстановлена ради блага Европы. У каждой нации есть свои вопиющие недостатки, которые другие нации замечают скорее, чем достоинства. Из-за раздражения, вызываемого нашим самодовольным хвастовством, забывают о жизненной силе Америки. Врождённую справедливость британца не учитывают, когда он отказывается объяснить своё поведение. Блеск французского интеллекта меркнет в глазах тех, кто замечает полное отсутствие интернационального сознания во Франции. И США сегодня с их юношеской щедростью, многообещающей уверенностью и задорной способностью улаживать все проблемы, свои собственные и остального мира, преодолевает это наследие, продвигаясь навстречу удивительному, полезному и прекрасному будущему.

Можно так же критиковать любую нацию и так же признавать за ней достоинства, как и в случае любого человека. У всех у нас есть крупные недостатки, которые так громко вопиют, что наши столь же крупные достоинства упускаются из виду. Одним из моментов, тревоживших меня, когда я начала писать эту автобиографию, была боязнь, что я, по-видимому, бессознательно

и без обдуманного намерения представлю себя в выгодном свете. Я обладаю хорошими чертами; меня нельзя отклонить от цели; я по-настоящему люблю людей; я ничуть не гордая. Меня принимают за гордого человека, но я думаю, что это главным образом из-за осанки. Я хожу очень прямо и высоко держу голову, но вы бы делали так же, если **147]** бы (девочкой в классной комнате) вам приходилось делать уроки, удерживая три книги на голове и с веткой падуба под подбородком. Я не считаю себя эгоистичной, не слишком склонна беспокоиться о своём здоровье и, думаю, могу искренне сказать, что не исполнена жалости к самой себе. Я по своему складу консервативна и была очень критичной, но уже таковой не являюсь, потому что научилась видеть, почему люди такие, какие они есть; какие бы ошибки они ни делали, это не меняет моего отношения к ним. Я не помню обиды, вероятно потому, что слишком занята, чтобы отвлекаться, и потому, что не хочу носить крупицу яда в своём уме. Я, безусловно, раздражительна, и знаю, что со мной трудно ужиться, потому что я завожу себя и всех, кто со мной связан; однако моим вопиющим недостатком, приносившим мне больше всего неприятностей на протяжении всей жизни, является страх.

Я упоминаю о нём вполне намеренно, так как обнаружила, что когда мои друзья и учащиеся узнают, что я всю жизнь была жертвой страха, они чувствуют большое облегчение и поддержку. Я боялась неудач, боялась недостатков, боялась того, что люди подумают обо мне, боялась темноты и боялась, что другие будут смотреть на меня снизу вверх. Я всегда считала, что если ты поставлен на пьедестал и на тебя взирают снизу вверх, это не приносит ничего, кроме вреда. Я согласна с китайской пословицей, которая гласит: “Тому, кто стоит на пьедестале, некуда ступить, только вниз”. По моему мнению, позиция среднего руководителя группы или оккультного наставника, а также многих священников и представителей духовенства, очень раздражает. Они ведут себя так, как будто действительно являются помазанниками Божьими, как будто они отличаются от других людей, а не являются всего лишь человеческими существами, пытающимися просто помочь своим собратьям. В результате своего происхождения и воспитания я очень боялась того, что говорят люди. Теперь меня это не беспокоит, так как я обнаружила, что, независимо от своей правоты или неправоты, ты всегда оказываешься не прав в глазах определённой части публики. **148]** По большей части мои страхи связаны с другими людьми — с моим мужем и моими детьми, — но у меня есть один личный страх, которому я никогда не даю воли, но который всегда со мной: я боюсь ночной темноты, когда я одна в доме или

в квартире. Я никогда не испытывала этого страха, пока не стала работать в Солдатском Доме в Кветте. Я воспитывала трёх своих девочек так, чтобы они не боялись темноты, но тогда, в Кветте, со мной что-то произошло из-за одного переживания, и, хотя я никогда не позволяла ему влиять на свои действия, мне приходится с тех пор всё время с ним бороться.

Моя сотрудница сильно заболела тифом. Я ухаживала за ней вплоть до кризиса, затем её перевезли в больницу, так что я осталась одна в огромном Солдатском Доме и, будучи очень молодой и щепетильной, не позволила двум англичанам, управляющим домом (бывшим солдатам), ночевать в здании вместе со мной, потому что думала, что это может вызвать разговоры и сплетни. Итак, каждую ночь, когда солдаты уходили, один из них провожал меня до моей комнаты около 11:30 вечера, осматривал мою ванную и шкаф, заглядывал под кровать и запирал все двери в мою спальню. Затем я слышала, как он проходил через остальные комнаты. В моей комнате было четыре двери: одна на веранду, другая в гостиную, ещё одна в спальню моей сотрудницы, а также в мою ванную. Я никогда не была нервозной, и осмотр моих помещений был чистой предосторожностью со стороны мужчин; кровать стояла точно в центре комнаты на глубоких поддонах с водой для защиты от насекомых. В то время в Индии мы всегда спали с зажжённой лампой в комнате.

Я проснулась около двух часов ночи, услышав какой-то шум в гостиной, и увидела, как ручку двери поворачивают и трясут. К счастью, дверь была заперта. Я знала, что это не мог быть один из управляющих, и я не видела и не слышала сторожа, поэтому сообразила, что это какой-то горец или вор, пытающийся пробраться к **149]** сейфу в гостиной. В сейфе каждую ночь хранилось много сотен рупий. В это время года горцам дозволялось спускаться в военный городок. Стража была удвоена, и были приняты все меры, чтобы держать их под надзором, поскольку на границе было тогда неспокойно. Я знала, что если им удастся пробраться в комнату, мне придёт конец, потому что у них считалось очень доблестным убить белую женщину. Мне грозил нож в сердце. В течение сорока пяти минут я сидела на постели, наблюдая, как они пытаются сломать очень прочные двери. Они не осмелились пойти к двери на веранде, чтобы их не увидели, а для того, чтобы добраться до меня через ванную или другую спальню, нужно было сломать две двери в каждом случае, так что шума было бы слишком много. Я обнаружила тогда, что страх может привести к такому отчаянию, что вы можете совершить самый нелепый поступок. Я прошла через комнату,

открыла дверь и увидела за ней всего лишь обоих управляющих, гадавших, жива я или мертва, и совещавшихся, стоит ли им постучаться в дверь и разбудить меня. Они спали в саду в палатках и поймали двух горцев, но не догадались громко постучать в мою дверь и позвать меня, чтобы я не испугалась. С того времени мой носильщик, старый Бугалу, спал снаружи на веранде, и мне было нетрудно позвать его.

Два-три месяца спустя я вернулась в свою страну и провела несколько недель в старом шотландском доме, в котором останавливалась, когда была ребёнком. Большая компания, около восемнадцати человек, остановилась здесь в это время, и однажды ночью по ошибке (поскольку его комната была рядом с моей) самый благовоспитанный человек в доме зашёл ко мне в комнату. Он допоздна читал внизу, и когда он поднимался, сквозняк задул его **150]** свечу и одновременно распахнул мою дверь. Он рассчитывал легко найти свою дверь, проведя рукой по стене, потому что его дверь была рядом с моей. Нащупав открытую дверь, он, естественно, подумал, что это его гардеробная. В это время я проснулась от сквозняка и выскочила из постели, чтобы захлопнуть окно, и — наткнулась на него. Этот инцидент, довершив моё переживание несколькими месяцами ранее, не мог не породить состояния страха, которого я никогда уже не могла преодолеть.

У меня было в жизни ещё два очень пугающих происшествия, когда я оставалась одна в доме, и я не вправе считать себя мужественной, если не считать того, что я никогда не позволяла страху влиять на свои действия; если нужно, я остаюсь одна. Меня ужасает то, что может произойти с девушками, и поскольку моё воображение всегда бурно работает, я знаю, что провела изрядную часть жизни, тревожась о том, чего никогда не было.

Страх является основной чертой человечества. Каждый человек боится, у каждого есть свой привычный страх. Если люди говорят мне, что они ничего не боятся, я знаю, что они лгут. В них сидит страх чего-то. Страха нечего стыдиться, и очень часто чем выше вы развиты и чем более чувствительны, тем больше страхов, которым вы можете поддаваться. Помимо своих привычных фобий и страхов, чувствительные люди склонны настраиваться на страхи других людей, на их депрессию и ужас. Следовательно, они воспринимают страхи, которые им не принадлежат, но которые они не способны отличить от своих, присущих им, страхов. Это особенно верно в наше время. Страх и ужас правят миром, и люди легко поддаются страху. Война питает страх, и Германия, со своей тактикой террора, сыграла на этом и сделала всё возможное, чтобы усилить ужас в мире. Нам потребуется

много времени, чтобы искоренить страх, но мы делаем шаг в этом направлении, когда говорим или работаем ради безопасности мира.

151] Есть школы мысли, которые учат, что страх, если ему потакать, материализует то, чего вы боитесь. Лично я ни капли не верю в это, потому что всю свою жизнь боялась множества вещей, которые так никогда и не произошли, а ведь, будучи довольно сильным мыслителем, я, несомненно, материализовала бы что-нибудь, если бы это было возможно. Можно спросить: как побороть страх? Ну что же, могу лишь рассказать о том, что сама считаю эффективным. Я никогда не пытаюсь побороть страх. Я занимаю ту положительную позицию, что буду жить со своими страхами, если нужно, и просто не обращаю на них никакого внимания. Я не борюсь с ними; я не уговариваю себя; я просто признаю присутствие своих страхов и занимаюсь своим делом. Думаю, люди должны научиться гораздо более терпеливому принятию того, что есть, а не тратить так много времени, улаживая свои индивидуальные проблемы. Проблемы других людей более ценны с точки зрения полезности обществу. Концентрация на служении может заставить и заставляет забыть о себе.

Кроме того, я спрашиваю себя: а почему бы мне не бояться? Весь мир боится, и кто я такая, чтобы избежать общей участи? Тот же самый довод можно приложить ко многому. Те школы мысли, которые утверждают, что ввиду своей божественности люди должны быть избавлены от горя, плохого здоровья и бедности, вводят в заблуждение. В большинстве своём они, конечно, вполне искренни, но делают неправильный акцент. Они заставляют думать, что материальное благополучие и процветание имеет первостепенную значимость, что оно суждено им, и они его достигнут, если утвердят свою божественность — божественность, которая есть, но которую они пока недостаточно развили, чтобы выразить её. Почему я должна быть исключением, раз всё человечество страдает от страхов? Кто я такая, чтобы мне быть богатой, ведь ни бедность, ни **152]** богатство не в счёт? Кто я такая, чтобы обладать идеальным здоровьем, в то время как судьба человечества, похоже, указывает в настоящее время на что-то другое? Я твёрдо верю, что когда в процессе эволюции смогу полностью выразить скрытую во мне божественность, у меня будет идеальное здоровье. Меня не заботит, богата я или бедна, а популярность среди других личностей вообще не имеет для меня никакого значения.

Я излагаю это столь категорично потому, что подобные вводящие в заблуждение доктрины властвуют над общественным

сознанием и, в конечном счёте, заставят в себе разочароваться. Настанет время, когда мы избавимся от всех болезней плоти, но когда оно придёт, у нас наступит переоценка всех ценностей, и мы не будем использовать свои божественные способности для того, чтобы стяжать себе материальные блага. Всё хорошее приходит к тем, кто живёт, не причиняя вреда, кто добр и тактичен. Именно непричинение вреда является ключевым качеством, и я предоставляю вам самим выяснить, насколько трудно не причинять вреда ни словом, ни делом, ни мыслью.

Жизнь в Голливуде стала теперь для меня более свободной. Дети подросли и ходили в школу и в детский сад. У меня было много друзей, а местность в Кротоне, штаб-квартире Теософского Общества, была восхитительна. Кротона представляла собой общину из примерно пятисот человек; одни жили в садах, другие где-нибудь в Голливуде или Лос-Анджелесе. Здесь были лекционные залы, классные комнаты, священная комната, где встречались члены Эзотерической Секции, а также кафетерий, где можно было поесть. Местность была прекрасной, и когда я впервые туда попала, она показалось мне земным раем. Все там казались мне людьми очень духовными. Я думала, что лидеры и наставники были, по меньшей мере, посвящёнными высокой степени. Я посещала собрания и классы, многому научилась и очень за это признательна.

Вскоре меня попросили заведовать кафетерием и я — неведение блаженно! — радостно взяла на себя эту обязанность. Кафетерий, разумеется, был строго вегетарианским, а я была вегетарианкой с тех пор, **153]** как познакомилась с теософским учением. Мои дети никогда не пробовали ни мяса, ни птицы, ни рыбы, и я страдала обычным комплексом превосходства, который часто является выдающейся чертой вегетарианцев.

Я убеждена, что в жизни всех учеников наступает фаза, во время которой они должны быть вегетарианцами. Аналогично должна наступить жизнь, в которой мужчине или женщине лучше быть целомудренными. Они должны ими быть, чтобы доказать, что научились контролировать физическую природу. Как только они научились этому контролю и на них больше не влияют наклонности плоти, они могут жениться или не жениться, могут есть или не есть мясо — как им кажется лучше и как указывает карма или диктуют обстоятельства. Как только это продемонстрировано, ситуация изменяется. Физические дисциплины являются фазой тренинга, и когда урок усвоен, в них уже нет нужды.

Тот аргумент в пользу вегетарианства, что есть животных жестоко, возможно, не такой здравый, каким он кажется людям

эмоциональным и сентиментальным. Я много о нём размышляла, потому что люблю животных. Хотелось бы высказать здесь два суждения, которые считаю полезными. Существует Закон Жертвенности, руководящий всем эволюционным процессом. Растительное царство питается минеральным царством, ибо его корни уходят в минеральное царство. Животное царство, если брать его в целом, питается растительным царством и живёт за счёт жизни этого царства. Некоторые из высших животных являются плотоядными и, согласно закону эволюции, охотятся друг на друга, но их отнюдь не толкают на это человеческие мысли, как заявляют некоторые фанатики. Далее, можно считать, что человеческое царство питается за счёт животного царства, и поскольку человек является макрокосмом для всех трёх низших царств, можно предположить, **154]** что он заимствует свою жизнь из всех трёх, — так он и делает. В древних писаниях Востока указывается, что человеческое царство является “пищей богов”, и этим утверждением завершается описание великой “цепи жертвенности”. Моё второе рассуждение опирается на Закон Причины и Следствия, или Кармы, как его называют теософы. Первобытные люди зачастую были жертвами животного царства из-за своей полной беззащитности. Дикие животные охотились на человеческих существ. Во всех царствах действует Закон Воздаяния. Возможно, именно этот закон является одним из факторов, склоняющих человечество к мясоедению. К этим аргументам я сама пришла в своём сознании с течением времени, хотя и не быстро.

Я работала в кафетерии и училась быть хорошим вегетарианским поваром. Первой моей обязанностью в Кротоне был вынос вёдер с отходами, так что я начала с самого низа и наблюдала за людьми — по большей части мне незнакомыми — с большим интересом. Очень многие из них мне чрезвычайно нравились. К некоторым я испытывала неприязнь. Я пришла к двум выводам: что, несмотря на все разговоры о сбалансированной диете, все они не были особенно здоровыми, а ещё я обнаружила, что чем более строгий и сектантский у человека подход к вегетарианству, тем большие критицизм и превосходство он демонстрирует. В Кротоне были вегетарианцы, которые не потребляли ни сыра, ни молока, ни яиц, потому что это животные продукты, и считали себя очень и очень добродетельными, продвинувшимися по пути к духовному просветлению. Но они могли злословить по любому поводу. Меня это удивляло, и я пришла к заключению, что лучше есть бифштексы и не иметь злого языка, чем быть строгим вегетарианцем и взирать на мир с пьедестала превосходства.

Опять-таки, я хотела бы подчеркнуть, что обобщения не помогают. Я знала многих вегетарианцев, которые были приятными, мягкими, добрыми и приветливыми.

155] Именно в этом, 1918 году я впервые открыла, кто именно приходил ко мне в Шотландии, когда я была пятнадцатилетней девочкой. Я была допущена в Эзотерическую Секцию (Э.С.) Теософского Общества и посещала собрания. Впервые войдя в Священную Комнату, я увидела обычные портреты Христа и Учителей Мудрости, как называют Их теософы. К моему удивлению, там висел портрет моего посетителя, который смотрел прямо на меня. Здесь не было ошибки. Это был тот человек, который вошёл в гостиную моей тётушки, и Он не был Учителем Иисусом. Я была тогда неопытной и, бросившись к одному из старших членов персонала в Кротоне, спросила имя этого Учителя. Он сказал мне, что это Учитель К.Х., и тогда я совершила одну коренную ошибку, за которую расплачиваюсь до сих пор. Считая, что ему будет приятно, и нисколько не собираясь хвастаться, я наивно воскликнула: “О, тогда Он, должно быть, мой Учитель, потому что я беседовала с Ним и всегда была под Его руководством”. Эта особа смерила меня взглядом и процедила уничтожающим тоном: “Надо ли понимать так, что вы считаете себя учеником?” Впервые в жизни я столкнулась с духом соперничества в Теософском Обществе. Однако урок был для меня благотворным, я извлекла из него пользу. Научиться держать язык за зубами важно для групповой работы, это один из первых уроков, который придётся усвоить любому, кто связан с Иерархией.

Всё это время дети подрастали, учились и доставляли мне большую радость. В кратких случайных письмах Уолтера Эванса не было ничего, что указывало бы на изменение его характера, и я снова стала обдумывать необходимость развода. Поскольку война приближалась к концу, я проконсультировалась с юристом; по его мнению, я не встретила бы препятствий.

В январе 1919 года я познакомилась с Фостером Бейли и позднее, **156]** когда мне удалось получить развод, мы поженились. Бракоразводный процесс начался ещё до встречи с ним. Процедура развода ужасно пугала меня, но оказалось, что нет ничего проще. Аргументы были весомыми, свидетели — весьма уважаемыми. Моя давняя подруга г-жа Джон Везерхед пошла со мной на слушание дела. Меня привели к присяге; судья задал мне один-два вопроса о местопребывании и возрасте детей, затем сказал: “Я ознакомился с показаниями ваших свидетелей, г-жа Эванс, возьмите постановление суда и примите опеку над детьми. До свиданья. Следующий”. Так окончился тот период. Я

была свободна и знала, что для детей так лучше всего. Калифорния — один из тех штатов, где труднее всего получить развод, и быстрота моего бракоразводного процесса подтверждает справедливость моего дела и правильность моих аргументов. Уолтер Эванс не оспаривал решения суда.

В течение 1919 года Фостер Бейли и я всё больше погружались в теософскую работу; с нами тесно сблизился д-р Вудруф Шеферд. Я жила тогда на Бичвуд Драйв с тремя детьми, а Фостер Бейли жил в палатке в Кротоне. Он демобилизовался после заключения перемирия, но ему был предоставлен многомесячный отпуск по болезни, так как он попал в аварию во время пилотирования самолёта, тренируя армейских наблюдателей. Меня познакомил с ним Дот Везерхед после моей лекции в Кротоне; он не только нас познакомил, но и помог мне осознать некоторые оккультные истины, а также освоиться в Кротоне. Фостер резюмировал свои воспоминания о нашем знакомстве в следующих словах: “Всё, что я увидел, была копна волос на костлявой женщине!” У меня всегда были густые волосы. Это семейное наследие, и у трёх моих девочек восхитительные густые волосы. Я никогда не забуду замечания своей старшей дочери Дороти (которая славится своими двусмысленными замечаниями). Однажды в Англии я, вымыв голову, сидела в саду **157]** в Оспринг Плейс, Фавершам, и сушила волосы. Дороти выглянула из окна и воскликнула: “Ах, мама, если бы ты всё время держалась к людям спиной и они видели только твои замечательные волосы, они бы не догадывались, сколько тебе лет!”

В конце 1919 года г-на Бейли назначили национальным секретарём Теософского Общества. Д-р Шеферд был назначен директором по рекламе, а я стала редактором журнала нашей секции “Мессенджер” (“Вестник”) и председателем комитета, управляющего Кротоной. Таким образом, нам были открыты все фазы работы, все политические соображения и принципы, которыми руководствовалось правление. Генеральный секретарь, г-н А.П.Уоррингтон, был нашим близким другом, друзьями были и все старшие сотрудники. Казалось, что царят истинная гармония и подлинный дух сотрудничества. Но постепенно мы обнаружили, какой поверхностной была эта гармония. Понемногу мы вступали в самую тяжёлую и мучительную пору. Наша привязанность и личная преданность были на стороне наших друзей и соратников, но чувство справедливости и приверженность руководящим принципам постоянно подвергались суровому испытанию. Правда заключалась в том, что руководство Теософского Общества в Соединённых Штатах и

ещё больше в Адьяре (международном центре) было в то время реакционным и придерживалось устаревших взглядов, тогда как новый подход к жизни и истине, свобода интерпретаций и безличность должны были направлять политику и методы Т.О., но это было не так. Общество было основано для установления всеобщего братства, а вырождалось в сектантскую группу, заинтересованную, скорее, в основании и сохранении лож и увеличении числа членов, чем в доведении до широкой публики истин Вневременной Мудрости. Доказательством является политика недопущения в Э.С. для духовного обучения никого, кто два года не состоял членом Т.О. Почему **158]** не допускать к духовному обучению того, кто в течение двух лет не продемонстрирует своей лояльности организации? Зачем требовать от людей прерывать связи с другими группами и организациями и клясться в верности так называемому "Внешнему Главе" Э.С., когда единственная верность, которая требуется, — это верность служению духовной Иерархии, своим ближним и, прежде всего, собственной душе? Ни одна личность не имеет права требовать духовных обетов от других личностей. Единственный обет, который должен давать человек, — это обет, сначала, собственной внутренней божественности, Душе, а позднее Учителю, под водительством Которого он может более действенно служить своим ближним.

Помнится, на одном из первых собраний Э.С., которое я посетила, мисс Поутц, которая была секретарём Э.С., сделала удивительное заявление, что никто в мире не может быть учеником Учителей Мудрости, пока не будет объявлен таковым г-жой Безант. Это замечание разрушило во мне определённое наваждение, хотя тогда я не сказала об этом никому, кроме Фостера Бейли. Я знала, что, сколько себя помню, была учеником Учителя К.Х. Г-жа Безант, очевидно, проглядела меня. Я не могла понять, почему Учителя, Которые считались обладателями универсального сознания, ищут Себе учеников только в рядах Т.О. Я знала, что такого не может быть. Я знала, что Они не могут быть настолько ограничены по Своему сознанию, и впоследствии встречала многих людей, которые были учениками Учителей, хотя никогда не находились в контакте с Т.О. и даже не слышали о нём. Я думала, что нашла центр духовного света и понимания, а оказалось, что просто забрела в очередную секту.

Мы обнаружили тогда, что Э.С. полностью доминирует над Т.О. Люди считались хорошими членами тогда, и только тогда, когда они **159]** признавали авторитет Э.С., выражали согласие со всеми заявлениями Внешнего Главы и были преданы тем, кого поддерживали в той или иной стране главы Э.С. Некоторые из

заявлений руководства казались просто смешными. Многие из поддерживаемых людей были заурядными до крайней степени. Кое-кто, на кого взирали как на посвящённых, были не слишком умными или любящими, а ведь любовь и интеллект, выражаемые в полной мере, являются признаками посвящённого. Среди продвинутых членов наблюдались конкуренция и взаимные претензии; как следствие, шла постоянная борьба между личностями — борьба, которая не ограничивалась устными баталиями, но и находила своё выражение в журнальных статьях. Никогда не забуду своего ужаса, когда один человек в Лос-Анджелесе сказал мне как-то: “Если вы хотите узнать, каким не должно быть братство, поезжайте жить в Кротону”. Он не знал, что я жила там.

Ситуация в целом была настолько серьёзной, и таким глубоким был раскол в секции между теми, кто стоял за братство, за безличность, за то, чтобы не выдвигать претензий, а отдавать себя служению человечеству, и остальными членами секции, что Фостер телеграфировал г-же Безант, сказав, что если Э.С. не прекратит доминировать над Т.О., то Э.С. подвергнется вскоре очень серьёзным нападкам. Примерно тогда же г-жа Безант послала Б.П.Вадию в Штаты изучить ситуацию и разобраться в том, что происходит, и официальные встречи проводились под арбитражем Вадии. Фостер, д-р Шеферд и я, наряду со многими другими, представляли демократическую сторону; г-н Уоррингтон, мисс Поутц и те, кто группировался вокруг них, защищали авторитет и господство Э.С. Я никогда раньше в своей жизни не была замешана в организационных склоках, и мне совсем не нравится этот период. Я очень любила некоторых людей, находящихся на другой стороне, и это чрезвычайно мучило меня. Брожение со временем распространилось на всю Секцию, и некоторые её члены ушли в отставку.

160] Тем временем мы упорно работали в своих офисах в Т.О.; с детьми всё было в порядке; мы планировали пожениться, как только положение дел немного прояснится. Наш доход весьма серьёзно сократился. Оклады в Кротоне составляли десять долларов в неделю. Деньги от Уолтера Эванса перестали поступать вследствие развода. У Фостера в то время ничего не было. Он оставил свою юридическую практику во время войны, но намеревался возобновить её. Это была старая семейная практика, и когда ему было всего двадцать восемь лет, он заработал за год большую сумму. Он совсем забросил её, чтобы помогать мне в работе, которая постепенно начала приобретать для нас очертания — это одно из многих, чем он пожертвовал, когда предпочёл связать свою судьбу с моей. Дети обожали его, и

продолжают любить по сей день, и взаимоотношения между ними всегда основывались на сильной привязанности, а с его стороны — и на большой жертвенности.

Они приняли его с самого начала. Он познакомился с Дороти, самой старшей, когда ей было около девяти лет. Поднимаясь вверх по Бичвуд Драйв, чтобы нанести мне визит, он услышал пронзительный визг на дереве чуть впереди. Подбежав к дереву, он увидел девочку, висящую, уцепившись ногами за ветку. Он поднял на неё глаза и просто сказал: “Падай”, и она упала к нему на руки и, как он часто символически выражался, там навсегда и осталась. Милдред была тяжело больна, когда он впервые увидел её. У неё была корь в скрытой форме и температура сто шесть градусов. Она по своей сути ярко выраженный интроверт, и можно было не сомневаться в том, что у неё “скрытая” корь. Мы пытались найти специалиста, а тем временем моя подруга, г-жа Копли Энос, и я целыми днями обёртывали её мокрыми простынями, чтобы сбить температуру. Пришёл Фостер и принялся помогать. Милдред он понравился с первого взгляда, и с тех пор они были очень близки. Его **161]** знакомство с Эллисон выразилось в установлении дружбы с толстой замарашкой, лепившей пирожки из грязи на заднем дворе.

Таким образом, наша с Фостером жизнь протекала в совместной общественной работе; мы составляли планы и проекты на будущее. Ситуация в Т.О. складывалась всё хуже и хуже; уже готовился съезд, состоявшийся в 1920 году, на котором и произошел разрыв. Если говорить о своём внутреннем опыте, то я разочаровалась в Т.О. так же, как и в ортодоксальном христианстве, хотя ситуация была и не такой острой, так как великие основные истины уже обрели для меня смысл и я была не одна, — мы с Фостером планировали пожениться.

Теперь я подхожу к тому событию моей жизни, в необходимости рассказывать о котором я не уверена. Оно касается работы, которую я выполняла на протяжении последних двадцати семи лет. Эта работа получила всемирное признание и вызвала интерес во всём мире. Не обошлось без насмешек и недоверия (хотя их было поразительно мало), и я вполне это понимаю, поскольку и у меня вначале были большие сомнения в себе. Я спрашиваю себя: почему я вообще затронула этот вопрос, а не следую своему до сих пор незыблемому правилу, предоставлять моей работе и книгам говорить самим за себя и быть своей наилучшей защитой? Думаю, этому есть два объяснения.

Прежде всего я хочу указать на тесную связь, которую внутренняя Иерархия Учителей устанавливает с людьми, и хочу

облегчить другим выполнение работы такого же типа — при условии, что это *действительно будет* работа такого же типа. Ведь есть очень много разновидностей так называемых психических писаний. Люди не склонны отличать то, что является выдачей желаемого за действительное; проявлением очень милого, приятного, исходящего из лучших побуждений христианского подсознания; автоматическим **162]** письмом, улавливающим мыслительные потоки (чем постоянно занимается каждый); откровенным обманом, — от тех писаний, которые являются результатом сильной субъективной телепатической сопряжённости и откликом на впечатления, исходящие из некоторых высоких Духовных Источников. В Библии снова и снова повторяются слова “И сказал Господь”; после них мы читаем то, что записали пророки и провидцы. Многие подобные записи прекрасны и имеют духовное значение. А многие несут отпечаток бренного, человеческого, отражают представление людей о Боге, Его завистливости, Его мстительности и изрядной кровожадности. Нам говорят, что великие музыканты слышат свои симфонии и хоралы внутренним слухом и затем переносят их на нотную бумагу. Откуда наши величайшие поэты и художники черпали на протяжении веков своё вдохновение? Из какого-то внутреннего источника красоты.

Весь этот предмет был запутан многочисленными метафизическими и спиритуалистическими писаниями — столь низкого интеллектуального уровня, столь заурядными и посредственными по своему содержанию, что образованные люди смеются над ними и не удосуживаются их читать. Я же хочу показать, что бывают иного рода впечатления и вдохновения, могущие претворяться в писания, которые намного превышают средние и сообщают учения, необходимые для будущих поколений. Я говорю это со всем смирением, потому что я всего лишь ручка или карандаш, стенограф или передатчик учения от Того, Кого боготворю, почитаю и Кому счастлива служить.

Именно в ноябре 1919 года я установила свой первый контакт с Тибетцем. Я отправила детей в школу и, подумав, что могу выкроить несколько минут для себя, вышла на холм рядом с домом. Я присела и задумалась, затем вдруг вздрогнула и прислушалась. Я услышала то, что приняла за чистую музыкальную ноту, которая звучала с неба, вокруг холма и во мне. Потом услышала голос, **163]** который произнёс: “Есть некоторые книги, которые желательно написать для широкой публики. Вы можете их написать. Вы сделаете это?” Я без колебаний ответила: “Разумеется, нет. Я не какой-нибудь психик и не хочу быть втянутой во что-то вроде этого”. Я сильно

встревожилась, когда услышала, что громко разговариваю. Голос продолжал говорить, что мудрые люди не выносят поспешных суждений, что у меня особый дар к высшей телепатии и что то, что меня просят делать, не имеет ничего общего с низшим психизмом. Я ответила, что меня это не заботит, что я вообще не интересуюсь никакой работой психического характера. Невидимый человек, который так отчётливо и непосредственно разговаривал со мной, сказал, что даёт мне время на размышление, что он не принимает моего отказа и вернётся ровно через три недели, чтобы узнать, что я намереваюсь делать.

Затем я встряхнулась, словно пробуждаясь ото сна, пошла домой и полностью забыла обо всём. Я больше ни разу не вспомнила об этом событии и даже не рассказала о нём Фостеру. В течение этого периода я ни о чём не вспоминала, но по истечении трёх недель со мной снова заговорили вечером, когда я сидела в своей гостиной, уложив детей спать. Снова я отказалась, но говоривший просил меня, по крайней мере, ещё пару недель поразмыслить о том, что я в состоянии сделать. На этот раз мне стало любопытно, хотя я совершенно не была ни в чём убеждена. Я решила попробовать пару недель или месяц, а затем посмотреть, что из этого выйдет. Как раз в течение этих недель я и получила первые главы книги *“Посвящение Человеческое и Солнечное”*.

Я хотела бы со всей ясностью подчеркнуть, что выполняемая мной работа не имеет никакой связи с автоматическим письмом. Автоматическое письмо очень опасно, за исключением редчайших случаев (а большинство людей, к сожалению, считают свой случай редким исключением). От стремящегося или ученика никогда не требуется быть автоматом. От него никогда не требуют выпустить **164]** часть своего оснащения из-под своего сознательного контроля. Делая это, он входит в состояние опасной негативности. Тогда получаемый материал обычно бывает посредственным. В нём не содержится ничего нового, а со временем он часто ухудшается. Нередко негативность субъекта открывает доступ второй силе, которая по какой-то особой причине никогда не дотягивает до уровня первой. И появляется опасность одержимости. Нам приходилось иметь дело со множеством случаев одержимости в результате автоматического письма.

В выполняемой мною работе нет негативности; напротив, я занимаю позицию интенсивного, позитивного внимания. Я сохраняю полный контроль над всеми своими чувствами восприятия, и в том, что я делаю, нет никакого автоматизма. Я просто слушаю и записываю слова, которые слышу, регистрирую

мысли, которые одна за другой попадают ко мне в мозг. В том, что я выдаю публике, нет никаких изменений по сравнению с тем, что даётся мне, если не считать того, что я приглаживаю лексику или заменяю какое-нибудь необычное слово более понятным, всегда заботясь о том, чтобы сохранить передаваемый смысл. Я никогда не меняла того, что давал мне Тибетец. Если бы я хоть раз это сделала, Он не стал бы диктовать мне снова. Я хочу, чтобы это было совершенно ясным. Я не всегда понимаю то, что даётся. Я не всегда соглашаюсь. Но я честно всё записываю и затем обнаруживаю, что это имеет смысл и пробуждает интуитивный отклик.

Эта работа Тибетца сильно заинтриговала людей и психологов во всём мире. Они спорят относительно причины этого феномена и доказывают, что записываемое мною, вероятно, исходит из моего подсознания. Говорят, Юнг считает, что Тибетец — это моё персонифицированное высшее “Я”, а Алиса Бейли — низшее “я”. Как-нибудь (если буду иметь удовольствие познакомиться с ним) я спрошу у него, как моё персонифицированное высшее “Я” может посылать мне посылки из Индии, поскольку именно это Он и делал.

165] Несколько лет тому назад один наш очень близкий друг, тесно связанный со мною и Фостером с самого начала работы, — г-н Генри Карпентер — уехал в Индию, чтобы попытаться найти Учителей в Шигадзе, маленьком городке в Гималаях, сразу за тибетской границей. Он трижды совершал эту попытку, несмотря на мои заверения, что он сможет найти Учителя прямо здесь, в Нью-Йорке, если предпримет надлежащие шаги и если придёт время. К моему немалому изумлению, он считал, что должен сказать Учителям, что у меня очень трудные условия жизни и что Им следует что-то сделать в этой связи. Поскольку он был личным другом лорда Ридинга, бывшего вице-короля Индии, ему были предоставлены все возможности, чтобы добраться до места назначения, но Далай-Лама отказал ему в разрешении пересечь границу. Во время своей второй поездки в Индию, будучи в Гьянцзы (самом дальнем приграничном пункте, которого ему удалось достичь), он услышал сильный шум со стороны придорожной гостиницы. Он вышел посмотреть, в чём дело, и увидел ламу верхом на осле, который как раз въезжал в поселение. Его сопровождали ещё четыре ламы, и все жители окружили их и кланялись им. Через своего переводчика г-н Карпентер навёл справки: ему сказали, что лама — настоятель монастыря по ту сторону тибетской границы — спустился специально для того, чтобы поговорить с г-м Карпентером.

Настоятель сказал ему, что интересуется выполняемой нами

работой, и спросил обо мне. Он расспросил о Школе Арканов и передал два больших пакета благовоний для меня. Позднее г-н Карпентер виделся с генералом Ладен Лха в Дарджилинге. Этот генерал — тибетец, который получил образование в школе и университете в Великобритании и возглавлял секретную службу на тибетской границе; сейчас он уже умер. Это был хороший, добрый человек. Г-н Карпентер рассказал ему о разговоре с ламой, упомянув, что тот **166]** был настоятелем монастыря. Генерал начисто отверг такую возможность. Он сказал, что настоятель – это великий и святой человек и что не было случая, чтобы он пересекал границу или встречался с жителем Запада. Однако когда г-н Карпентер вернулся в следующем году, генерал Ладен Лха признал, что допустил ошибку, — настоятель действительно спускался, чтобы увидеться с г-ном Карпентером.

После месяца работы с Тибетцем я испугалась окончательно и наотрез отказалась продолжать эту работу. Я сказала Тибетцу, что за тремя моими девочками некому присматривать, кроме меня, что если я заболею или свихнусь (что, по-видимому, произошло со многими психиками), они останутся одни, и что я не хочу рисковать. Он принял к сведению моё решение, но сказал, чтобы я попыталась вступить в контакт со своим Учителем К.Х. и обсудить этот вопрос с Ним. Подумав с неделю или около того, я решилась вступить в контакт с К.Х. и сделала это, следуя очень конкретной технике, которой Он обучил меня. Когда я получила возможность для беседы с К.Х., мы всё обсудили. Он заверил меня, что мне не грозит никакая опасность, ни физическая, ни ментальная, и что у меня есть возможность сделать действительно ценную часть работы. Он сказал, что это Он Сам предложил, чтобы я помогала Тибетцу; что Он не переводит меня в ашрам (или духовную группу) Тибетца, а хочет, чтобы я по-прежнему работала в Его ашраме. В итоге я согласилась с желанием К.Х. и сказала Тибетцу, что буду работать с Ним. Я исключительно Его стенограф и секретарь, а не член Его группы. Он никогда не вмешивался в мою личную работу или тренинг. Весной 1920 года я вступила в очень счастливую пору сотрудничества с Ним, одновременно работая, как старший ученик, в ашраме своего собственного Учителя.

С тех пор я написала много книг для Тибетца. Вскоре после окончания первых нескольких глав *“Посвящения Человеческого и* **167]** *Солнечного”* я показала рукопись Б.П.Вадии. Он пришёл в сильное возбуждение и объявил, что опубликует всё, “исходящее из этого источника”, и напечатал первые главы в журнале “Теософист”, издающемся в Адьяре. После чего проявились обычная теософская зависть и реакционность, и больше ничего не

печаталось.

Стиль Тибетца с годами улучшался. Вначале он диктовал на тяжеловесном скудном английском языке, но совместно мы сумели выработать стиль и манеру изложения, пригодные для великих истин, открыть которые является Его задачей, тогда как задачей моей и моего мужа является доводить их до сведения общества.

В начале работы для Тибетца мне приходилось писать в строго определённые часы, и Его диктовка была чёткой, точной и конкретной. Текст давался слово за словом; таким образом, я могла бы поклясться, что слышу голос. Следовательно, можно утверждать, что я начала с техники яснослышания, но очень скоро — по мере того, как наши умы становились созвучны — обнаружила, что в ней нет необходимости и что, если я достаточно сконцентрирована и моё внимание адекватно сфокусировано, я могу регистрировать и записывать мысли Тибетца (Его тщательно формулируемые и выражаемые идеи) по мере того, как Он направляет их в мой ум. Это требует достижения и сохранения интенсивного, фокусированного внимания и напоминает способность удерживать достигнутую степень духовного внимания на наивысшем уровне, которую может демонстрировать продвинутый человек, занимающийся медитацией. Это может утомлять на ранних стадиях, когда, по-видимому, чересчур усердно стараешься, но позднее это не требует усилий и в результате появляется ясность мысли и стимуляция, которая оказывает несомненно хороший физический эффект.

Сегодня, в результате двадцатисемилетней работы с Тибетцем, я могу вступать в телепатическую связь с Ним без малейшего труда. Я могу постоянно сохранять и сохраняю собственную **168]** ментальную целостность и всегда могу спорить с Ним, если мне иногда кажется, что — как житель Запада — я могу лучше видеть, под каким углом зрения изложить материал. Когда у нас возникает спор по какому-либо поводу, я неизменно записываю так, как хочет Он, хотя Он обычно соглашается скорректировать Своё изложение после обсуждения со мной. Если же Он не меняет Своей формулировки и точки зрения, я никак не изменяю того, что Он сказал.

В конце концов, эти книги Его, а не мои, и ответственность несёт в основном Он. Он не позволяет мне делать ошибок и очень тщательно проверяет чистовик. Это не означает, что я просто пишу под Его диктовку, а после перепечатки предъявляю Ему готовый текст. Это означает, что Он тщательно проверяет чистовик. Я вполне сознательно об этом упоминаю, поскольку

немало людей, встречаясь в книгах Тибетца с тем, с чем они лично не согласны, склонны объявлять спорное место моей интерпретацией. Последней никогда не бывает, — даже если я не всегда согласна или что-то не понимаю. Поэтому хочу ещё раз повторить: я публикую точно то, что сказал Тибетец. Это обстоятельство я особенно подчёркиваю.

Некоторые учащиеся, если они лично не понимают, что Тибетец имеет в виду, говорят, что Его так называемые двусмысленности объясняются тем, что я неверно передала сказанное Им. Когда в Его книгах встречаются двусмысленности — а их хватает, — они обусловлены тем, что Он совершенно неспособен выражаться яснее из-за ограниченности своих читателей и трудности нахождения слов, могущих выразить те новые истины и интуитивные восприятия, которые пока только неясно вырисовываются на горизонте развивающегося сознания человека.

Учителя, ответственные за выдачу новых истин, которые нужны **169]** человечеству, считают важными книги, написанные Тибетцем. Новое учение было дано в русле духовного тренинга и подготовки стремящихся к ученичеству. Производятся большие изменения в методах и техниках, вот почему Тибетец особенно внимательно следит за тем, чтобы я не делала ошибок.

Во второй фазе Мировой Войны, начавшейся в 1939 году, многие пацифисты и исполненные благих намерений, но легкомысленные люди среди учащихся Школы Арканов и широкой публики, которым мы помогли войти в учение, стали утверждать, будто это я пишу брошюры и статьи в поддержку Объединённых Наций и о необходимости поражения Держав Оси, тогда как Тибетец не несёт ответственности за антинацистскую направленность этих статей. Это, опять таки, не так. Пацифисты приняли ортодоксальную идеалистическую точку зрения: если Бог есть любовь, то Он не может быть настроен против Германии или против Японии. Но именно потому, что Бог есть любовь, у Него, как и у Иерархии, работающей под руководством Христа, нет иной альтернативы, кроме как твёрдо стоять на стороне тех, кто стремится освободить человечество от порабощения, зла, агрессии и разложения. Никогда ещё не были так справедливы слова Христа: “Кто не со Мною, тот против Меня”. Тибетец в Своих писаниях занял в то время твёрдую, непоколебимую позицию, и сегодня (в 1945 году) после чудовищных зверств, жестокости и порабощающей политики стран Оси очевидно, что Его позиция была совершенно оправданна.

Всё это время ситуация в Кротоне становилась всё более острой. Вадиа прибыл в Кротону (как представитель г-жи Безант)

для улаживания разногласий, и мы самым полным образом сотрудничали с ним, чтобы вернуть Теософское Общество к его исходному импульсу всеобщего братства. Мы сотрудничали с ним потому, что в то время Вадиа казался здравомыслящим, искренним и принимал **170]** интересы Общества близко к сердцу. Раскол в Обществе неуклонно расширялся, и быстро углублялась демаркационная линия между теми, кто стоял за демократическую точку зрения, и теми, кто стоял за духовный авторитет и полный контроль Эзотерической Секции над Теософским Обществом.

Первоначальная платформа Т.О. основывалась на автономии лож в составе различных национальных секций, но к тому времени, когда мы с Фостером Бейли включились в работу, вся ситуация кардинально изменилась. На должности в каждой ложе были поставлены люди, которые являлись членами Э.С., и через них г-жа Безант и адьярские лидеры контролировали каждую секцию и каждую ложу. Если кто-то не признавал диктата членов Э.С., он попадал в немилость, и ему было почти невозможно работать в ложе. Секционные журналы и международный журнал "Теософист" были полны личностной полемикой. Статьи посвящались резкой критике или защите какого-либо индивидуума. Общество было пронизано психизмом вследствие обусловленных психизмом заявлений г-на Ледбитера и его необычайного контроля над г-жой Безант. Последствия скандала с Ледбитером всё ещё вызывали много толков. Заявления г-жи Безант о Кришнамурти раскалывали Общество. Из Адьяра приходили приказы — основанные, якобы, на приказах одного из Учителей Внешнему Главе — о том, что каждый член Т.О. должен направить все свои усилия в одно или во все три направления работы: Парамасонский Орден, Орден Служения или просветительское движение. Если вы этого не делали, вы рассматривались как нелояльный, невнимательный к требованиям Учителей, и считались плохим теософом.

В Адьяре г-ном Ледбитером публиковались книги, психические **171]** по своему содержанию и не поддающиеся проверке, поскольку несли на себе сильный отпечаток астральности. Одна из его главных книг, "Человек: откуда, как и куда", доказала мне общую неправдоподобность того, что он пишет. В этой книге описываются будущее и работа Иерархии в будущем; забавным и примечательным в ней мне показалось то, что большинство людей, которые, якобы занимают высокие посты в Иерархии и будут занимать их в грядущей цивилизации, были личными друзьями г-на Ледбитера. Я знала некоторых из них, — это были почтенные, добрые, но посредственные люди, отнюдь не

интеллектуальные гиганты и в большинстве своём совершенно незначительные. Я немало путешествовала и встречала много людей, которые, насколько мне известно, более эффективны в мировом служении, лучше служат Христу и вернее представляют братство. Это открыло мне глаза на тщетность и бесполезность такого рода литературы.

Благодаря всем этим разнообразным причинам многие люди покидали Теософское Общество, будучи раздражены и сбиты с толку. Я часто спрашивала себя, какой была бы судьба Т.О., если бы этим людям хватило твёрдости характера оставаться в нём, если бы они не позволяли себя вытеснять и боролись за духовный фундамент движения. Но они этого не делали, и множество достойных людей уходили, чувствуя свою тщетность, скованность и невозможность работать. Лично я никогда не выходила из общества и только в последние годы прекратила вносить свои ежегодные взносы. Я пишу об этом довольно подробно, потому что именно эта ситуация, или подоплёка, вызвала необходимость перемен и определила нашу работу на следующие двадцать лет.

Ученики всех Учителей разбросаны по всему миру, работая по многим различным направлениям, чтобы вести человечество к свету **172]** и материализовать царство Божье на Земле; потеря престижа Теософским Обществом обусловлены его позицией, заключающейся в том, что оно считает себя единственным каналом, и отказом признавать другие группы и организации составными, столь же важными частями Теософского Движения (не Теософского Общества). Теперь Т.О., похоже, довольно поздно исправляться, чтобы выйти из изоляции и обособленности и стать частью большого Теософского Движения, которое сегодня охватывает весь мир. Это движение выражает себя не только через различные оккультные и эзотерические образования, но и через профсоюзы; оно выражает себя в виде планов мирового объединения и послевоенной реабилитации, посредством нового видения в политической сфере и благодаря признанию нужд человечества повсюду. Вырождение этого исходного прекрасного импульса разрывает сердце тем из нас, кто любит принципы и истины, за которые первоначально выступала теософия.

Пусть здесь не будет недоразумения, — движение, основанное Еленой Петровной Блаватской, было составной частью Иерархического плана. На протяжении веков всегда существовали теософские общества — название этого движения не ново, — но Е.П.Б. вывела его на свет и придала ему известность, что установило новый звук, вывело на открытую сцену забытую к настоящему времени и в какой-то мере тайную группу и позволило общественности повсеместно откликаться на

её очень древнее учение. Мир находится в неоплатном долгу перед г-жой Безант за работу, которую она выполнила, сделав основные положения учения Т.О. доступными массам людей во всех странах. Абсолютно незачем игнорировать колоссальную работу, которую она провела для Учителей и человечества. Те, кто за последние пять лет яростно нападали на неё, кажутся мне такими же незначительными, как блохи, нападающие на слона.

173] В 1920 году вся ситуация достигла своей кульминации. Раскол между авторитаристами Э.С. и более демократическими умами Т.О. неуклонно углублялся. В Америке г-н Уоррингтон, директора и главы Э.С. повсюду представляли одну группу, другой же группой в то время руководили Фостер Бейли и Б.П.Вадиа. Такова была ситуация, принявшая угрожающие масштабы, когда летом 1920 года в Чикаго состоялся знаменитый съезд. Я никогда в жизни не участвовала ни в каких съездах и сказать, что я была разочарована, полна отвращения и возмущена, значит выразиться слишком мягко. Со всех уголков Соединённых Штатов собрались вместе мужчины и женщины, которые, как предполагалось, занимались обучением принципам братства и их распространением. Однако ненависть и озлобление, личностная враждебность и политические манипуляции были столь ярыми и шокирующими, что я поклялась больше никогда в жизни не присутствовать на теософских съездах. Мы были должностными лицами Т.О. рангом чуть ниже г-на Уоррингтона, но нас было ничтожное меньшинство. С самого начала съезда было очевидно, что Э.С. удерживает контроль и что тех, кто стоит за братство и демократию, безнадёжно мало, и они потерпят поражение.

На авторитарной стороне были и такие теософы, которым всё это было очень не по душе. Они находились под контролем Э.С., но чувствовали, что используемые методы являются отвратительными. Многие из них делали всё возможное, чтобы выказать дружеское отношение к нам просто как к людям. Некоторые к концу съезда убедились в правоте нашей позиции и сказали нам об этом. Другие, которые приехали на съезд с открытым умом, взвесили свои интересы и стали на нашу сторону. Однако, несмотря на всё, мы потерпели полное поражение, а Э.С. агрессивно торжествовала. Нам ничего не оставалось, кроме как вернуться в Кротону. И ситуация **174]** дошла до того, что в конце концов г-н Уоррингтон был вынужден оставить свой пост главы Т.О. в Америке, хотя и сохранил свои позиции в Э.С. Его преемником стал г-н Роджерс, который находился в ожесточённой и гораздо более личной оппозиции к нам, чем г-н Уоррингтон. Последний осознавал нашу

искренность; кроме того, невзирая на организационные расхождения, между г-ном Уоррингтоном, Фостером и мною существовала сильная привязанность. Г-н Роджерс был человеком гораздо менее достойным и уволил нас с наших должностей, как только получил власть. Так завершились наше пребывание в Кротоне и наше искренняя попытка послужить Теософскому Обществу.

ГЛАВА V

175] Эта глава проводит резкую грань между миром, в котором я жила, и миром, в котором живу теперь (1947 год). Начался совершенно новый цикл. До сих пор я была просто Алисой Бейли, женщиной, занимающей видное положение в обществе, матерью и работником церкви; моё время принадлежало мне; никто ничего обо мне не знал; я могла планировать свою жизнь, как мне заблагорассудится, если не считать заботы о детях; никто не добивался встреч со мной; не надо было править никаких корректур, читать публичных лекций; помимо всего прочего, бесконечная корреспонденция и написание писем не поглощали моего внимания. Я иногда спрашиваю себя, имеет ли публика хотя бы отдалённое представление о том поистине страшном количестве писем, которые я диктую и получаю. Я не преувеличиваю, когда говорю, что в отдельные годы диктовала свыше 10000 писем, а однажды я подсчитала время, которое у меня уходит на ежедневную корреспонденцию, и получилось, что я трачу сорок восемь минут в день только на распечатывание конвертов. Учитывая всё это, а ещё тысячи циркуляров за моей подписью, плюс письма, которые я писала целым национальным группам (они не скреплялись моей личной подписью), вы поймёте, почему я сказала однажды своему мужу, что на моём надгробном камне хорошо было бы высечь: “Она умерла, заваленная бумагами”. Сегодня мой максимум составляет шесть тысяч писем в год, потому что я перепоручаю значительную часть корреспонденции мужчинам и женщинам, которые могут уделить больше внимания, времени и заботы ответам на письма. Иногда я подписываю эти письма, иногда нет, и хотела бы в этой связи выразить свою признательность **176]** г-ну Виктору Фоксу и ещё одному-двум сотрудникам, писавшим за меня поистине чудесные письма (за которые люди благодарили), хотя сами они не удостаивались никакой похвалы. Именно это я называю бескорыстным служением — писать письма, которые вы не подписываете и за которые получает благодарность кто-то другой.

Весь этот период моей жизни (1921-1931 годы) был сравнительно скучным. Мне трудно вспомнить что-нибудь яркое, оживляющее ту монотонную рутину, в которую я окунулась в эти годы. Ни Фостер Бейли, ни я не планировали такой жизни, и мы часто говорили, что если бы знали, что готовит нам будущее, мы никогда бы за это не взялись. Вот выдающийся пример

истинности поговорки: “Неведение блаженно”.

После того совершенно возмутительного съезда Т.О. в Чикаго Фостер и я вернулись в Кротону крайне разочарованными, глубоко убеждёнными в том, что Т.О. управляется исключительно на личностных началах, в нём делается упор на личностном статусе, личностной преданности, личностной симпатии и антипатии, и навязываются личностные решения массе личностных последователей. Мы просто не знали, что делать и в каком направлении действовать. Г-н Уоррингтон уже не был президентом Т.О.; его место занял г-н Л.У.Роджерс. Мой муж пока ещё оставался национальным секретарём, а я — редактором национального журнала и председателем кротонского комитета.

Никогда не забуду, как однажды утром, после того как г-н Роджерс занял свой пост, мы поднялись к нему в офис, чтобы изложить наше желание продолжать служить Т.О. Г-н Роджерс посмотрел на нас и задал вопрос: “Как вы думаете, есть ли способ, которым вы можете мне служить?” Итак, мы остались без работы, без денег, без **177]** будущего, с тремя детьми и в полной неопределённости относительно того, что бы нам следовало делать. Была предпринята попытка выселить нас из Кротоны, но Фостер телеграфировал г-же Безант, и она немедленно пресекла эту попытку. Это было бы уже слишком.

Это было самое трудное время. Мы ещё не поженились, и Фостер жил в палатке на территории Кротоны. Будучи очень осмотрительной англичанкой, я жила вместе с одной леди, которая была моей компаньонкой, чтобы предотвращать грязные сплетни. Одна из задач, которые я пыталась решить и, думаю, успешно решила, заключалась в том, чтобы спасти оккультизм от клеветы. Я старалась сделать призвание оккультиста уважаемой профессией, — и это мне на удивление удалось. Пока я была не замужем, а дети были маленькими, я всегда жила вместе с какой-нибудь пожилой подругой. А после женитьбы муж и дети сами по себе служили достаточной защитой. Кстати, я никогда не интересовалась ни одним мужчиной, кроме своего мужа Фостера Бейли; да и ни одна порядочная и уважающая себя женщина не стала бы вести себя так, чтобы её дети, повзрослев, осуждали её. Это было полезным для оккультного движения, и сегодня слово “оккультизм” пользуется уважением и множество достойных людей хотели бы, чтобы остальной мир знал, что они изучают оккультизм. Чувствую, это одна из тех задач, осуществить которые было моим предназначением, и думаю, что никогда уже оккультная область мышления не будет пользоваться такой дурной репутацией, какую ей приписывали с 1850 года до недавнего времени.

Всё ещё пишутся книги, клевещущие на Е.П.Б. и г-жу Безант, и удивляешься, чего добиваются их авторы. Насколько я понимаю, нынешнее поколение исследователей-учащихся не питает ни малейшего интереса к их положительным или отрицательным чертам. Для них не имеет никакого значения, показывают ли какие-то поступки этих двух женщин их хорошую или дурную сторону. **178]** Что их интересует — так это учение и истина. Это полезно и правильно. Хотелось бы, чтобы эти современные писатели, месяцами копающиеся в грязи в попытке доказать чью-то низость, поняли всю неразумность своей деятельности. Они не затрагивают истины, не ослабляют преданности тех, кто знает, не уменьшают стремления к оккультной реализации и не вредят никому, кроме самих себя.

Жизнь в нашем послевоенном мире слишком серьёзна, чтобы мужчинам или женщинам заниматься ещё клеветой и очернением людей, умерших десятки лет тому назад. Есть работа, которую надо делать в сегодняшнем мире; есть истина, которую надо распознавать и провозглашать, и нет места тем, кто занимается публичным разоблачением и личными нападками, чтобы получить несколько сотен долларов от врагов учения. Вот одна из причин, по которым я пишу эту автобиографию. Я излагаю факты.

В те прежние времена, о которых я пишу, никто бы не поверил, что наступит время, когда учение, которое я начала выдавать, и работа, которой мы с Фостером себя посвятили, примет такие масштабы, что различные её ответвления получат ныне международное признание, и что учение поможет многим сотням тысяч людей. Мы одни, ну, может, ещё горстка неизвестных последователей, противостояли одной из наиболее могущественных, так называемых оккультных, организаций в мире. У нас не было денег, и мы не видели перспектив в будущем. Наши общие финансы в тот день, когда мы взвесили ситуацию и наметили планы на будущее, составляли ровно один доллар восемьдесят пять центов. Был конец месяца, мы задолжали за квартиру, счёт бакалейщика за прошлый месяц не был оплачен, так же как и квартира, газ, свет и счёт молочника. Поскольку мы не были женаты, Фостер был тут совсем ни при чём, но даже в те дни он всё делил со мной. Мы не получали никакого **179]** жалования от Т.О., поэтому мой очень маленький доход был потерян. Казалось, я находилась в безвыходном положении.

Хотя я признана во всём мире как наставник в медитации, я никогда не оставляла своей привычки молиться. Полагаю, что настоящий оккультист использует и молитву, и медитацию, чередуя их по мере надобности, и что оба метода одинаково важны в духовной жизни. Трудность с молитвой состоит в том,

что средний человек превращает её в исключительно эгоистический фактор и средство приобретения вещей для своего отдельного “я”. Истинная молитва ничего не подразумевает для своего отдельного “я”, а всегда используется теми, кто стремится помочь другим. Некоторые люди слишком высокомерны, чтобы молиться, и считают медитацию гораздо более возвышенной и пригодной для своего высокого уровня развития. Для меня всегда было достаточным то, что Христос не только молился, но и научил нас Молитве Господней. Кроме того, для меня медитация является ментальным процессом, посредством которого человек может обрести ясное знание божества и осведомлённость о царстве душ, или царстве Божьем. Это действие головы и ума, в котором очень нуждаются немыслящие люди мира. Молитва же — от эмоциональной природы и сердца и повсеместно используется для удовлетворения желаний. Оба метода полезно использовать стремящимся и ученикам мира. Ниже я коснусь Призыва, который является синтезом обеих.

Как бы то ни было, в то время материальной нужды я — снова, как обычно — прибегла к молитве и той ночью молилась. На следующее утро, выйдя на крыльцо, я обнаружила там достаточную сумму денег, а через день-два Фостер Бейли получил письмо от г-на Эрнеста Суфферна, в котором тот предлагал ему должность в Нью-Йорке в связи с Т.О. этого города за жалование в триста долларов в месяц. Он предложил также приобрести для нас дом в маленьком пригороде по ту сторону Гудзона. Фостер принял это предложение и уехал в Нью-Йорк, а я осталась, чтобы наблюдать **180]** за развитием событий и присматривать за детьми.

Со мной в то время жила Августа Крейг, которую все мы, знавшие и любившие её, обычно называли “Крейги”. Она жила с нами много лет; я и дети очень её любили. Она была уникальным человеком, очень остроумным и находчивым. Она никогда не подходила к проблемам обычным образом и не рассматривала их с обывательской точки зрения. По-видимому, это объяснялось тем, что она четырежды была замужем и имела огромный опыт в житейских делах. Она была одной из немногих, к кому я могла обратиться за советом, потому что мы вполне понимали друг друга. У неё был язвительный язык, и тем не менее она была так преисполнена “этим”, что, где бы мы ни жили, почтальон, молочник, мороженщик, если они были не женаты, все как один пытались увести её от меня. Но она не хотела слышать ни о ком. Она решила, что жизнь со мной достаточно интересна, и оставалась со мной, пока за несколько лет до смерти не уехала в дом для престарелых женщин в Калифорнию, главным образом

потому, что, как она выразилась, ей нет никакого дела до старых женщин. Когда она уехала от меня в дом престарелых, ей было за семьдесят, и она считала, что там могут извлечь хоть какую-нибудь пользу из её опыта. Не думаю, чтобы она получала удовольствие от общения с другими женщинами, но она чувствовала, что приносит им очень много хорошего, и я гарантирую, что так оно и было. Она всегда приносила мне много добра.

В конце 1920 года Фостер написал мне, предлагая присоединиться к нему в Нью-Йорке, и я оставила детей на попечение Крейги, зная, что они будут в безопасности и что о них позаботятся и будут любить. Я поехала в Нью-Йорк; там Фостер встретил меня и отвёз на квартиру в Йонкерс, недалеко от места, где он остановился. Вскоре после этого мы поженились — однажды утром поехали в мэрию, оформили разрешение на брак, попросили чиновника в бюро рекомендовать священника для брачной церемонии, и тут же **181]** сочетались браком. Сразу после этого мы вернулись к себе для работы, и с того момента работаем вместе в течение двадцати шести лет.

Следующим нашим шагом было обустройство дома, который г-н Суфферн приобрёл для нас в Риджфилд Парк, Нью-Джерси, затем Фостеру нужно было съездить на Запад за детьми. Я осталась, чтобы всё приготовить, повесить занавески, оборудовать дом всем необходимым — большую часть которого предоставил г-н Суфферн, — и стала с нетерпением ожидать возвращения мужа с тремя девочками. Крейги не поехала с ними; она приехала позже.

Никогда не забуду их прибытия на Центральный вокзал. Я в жизни не видела такого усталого, измученного человека, как Фостер Бейли в тот момент. Все четверо показались в дверях вагона: Фостер с Элли на руках, Дороти и Милдред, держащиеся за него, — и как радостно было нам всем устраиваться в новом доме. Дети тогда впервые были на Востоке. Они никогда не видели снега и редко обували ботинки, они словно попали в новую цивилизацию. Как он справился с ними, я не знаю, и думаю, здесь уместно отметить, каким чудесным отчимом он был для детей. Пока они были детьми, он ни разу не дал им понять, что они не его дети, и они очень многим ему обязаны. Думаю, они преданы ему, и это вполне естественно.

Нынешний совершенно новый цикл жизни означал для всех нас необходимость приспосабливаться к множеству перемен. В первое время не только сильно давила работа, которую нужно было выполнять для людей и Учителей, её требовалось сочетать с семейными заботами, с ведением домашнего хозяйства, с

воспитанием детей и — что для меня оказалось самым трудным — с растущей публичной известностью. Я никогда не любила публичной известности. Мне **182]** никогда не нравилось назойливое любопытство широкой публики или её мнение, что раз вы пишете книги и выступаете с публичными лекциями, у вас не должно быть частной жизни. По-видимому, люди считают, что им есть дело до всего, что вы обязаны говорить им то, что они хотят услышать, и изображать себя такой, какой вы должны быть, по их мнению.

Хорошо помню, как я однажды в Нью-Йорке выступала перед аудиторией в восемьсот человек и рассказывала, что все могут достичь определённой духовной реализации, если постараются приложить достаточные усилия, но что это потребует жертв, как это произошло в моей собственной жизни. Я рассказала, как научилась гладить детскую одежду и пр., одновременно читая книги на духовную и оккультную тему, причём не прожигая одежды. Я сказала, что можно регулировать своё мышление и учиться ментальной концентрации и духовной ориентации во время чистки картофеля или лущения гороха, ведь именно это мне приходилось делать, поскольку я не сторонница принесения своей семьи и её благополучия в жертву своим духовным потребностям. Когда лекция окончилась, в аудитории встала женщина и публично обвинила меня в том, что я злоупотребляю вниманием публики, рассказывая о таких тривиальных вещах. Я ответила, что не считаю благополучие семьи тривиальной вещью, потому что постоянно помню об одной женщине — хорошо известном лекторе и наставнике, — чья семья, состоящая из шести детей, никогда не видит её, и ответственность за заботу о них ложится на любого, кто выказывает своё сочувствие.

Лично я вообще не понимаю того, кто осуществляет своё духовное продвижение за счёт своей семьи или друзей. Этим сильно грешат в различных оккультных группах. Когда люди приходят ко мне и говорят, что их семья не сочувствует их духовному устремлению, я задаю им следующие вопросы: “Не досаждаете ли вы всем окружающим своей оккультной литературой? Не требуете ли вы **183]** полной тишины в доме, когда выполняете свою утреннюю медитацию? Приготовили ли вы им ужин, прежде чем отправиться на собрание?” Именно из-за этого изучающие оккультизм выставляют себя в таком плохом виде, компрометируя весь предмет оккультизма. Духовную жизнь не ведут за счёт других, и если люди страдают от того, что вы хотите попасть на небеса, то это просто отвратительно.

Если и есть в мире люди, из-за которых я чувствую себя утомлённой, усталой и больной — так это академические,

технические оккультисты. Вторая группа, которая утомляет меня — это простофили, думающие, что они обладают контактом с Учителями, и таинственно рассказывающие о сообщениях, которые они получают от Учителей. Моё отношение ко всем этим сообщениям следующее: “Я верю, что так говорит Учитель; я верю, что это учение; но воспользуйтесь своей интуицией — может, это и не так”. Некоторые могут посчитать меня уклончивой и скользкой как угорь, но я просто предоставляю людям свободу.

Именно этот контакт с широкой публикой, который стал постепенно устанавливаться в 1921 году, положил начало очень трудному периоду в моей жизни. Я всегда чувствовала, что, астрологически, моим восходящим знаком должен быть Рак, потому что я люблю скрываться, быть не на виду; и мне всегда казался очень важным стих в Библии о “тени от высокой скалы на земле жаждущей”.

Многие ведущие астрологи забавляются тем, что пытаются составить мой гороскоп. Большинство из них наделяют меня восходящим Львом, потому что считают меня большой индивидуалисткой. Лишь один из них посчитал Рак моим восходящим знаком, — он заметил мою нелюбовь к известности, посочувствовал мне, и думаю, именно поэтому наделил меня восходящим Раком. И всё же я думаю, что моим восходящим знаком являются Рыбы. У меня муж и дочь Рыбы; Рыбы — это знак медиума, или посредника. Я **184]** не медиум, но являюсь чем-то вроде “человека, стоящего посередине” между Иерархией и широкой публикой. Заметьте: я говорю о широкой публике, а не об оккультных группах. Я знаю и убеждена, что широкая публика более готова к здравой информации об Учителях, лучше подготовлена к нормальному и здравому толкованию оккультной истины, чем члены средней оккультной группы.

Дети в это время уже достигали возраста, когда нормальная физическая забота, поглощающая внимание матери, сменяется удовлетворением эмоциональных потребностей. Этот цикл, который длится до достижения юношества, чрезвычайно труден — труден для детей и пугающе труден для матерей. Я вовсе не уверена, что реагировала правильно и действовала мудро, и, видимо, мне просто повезло, что мои дочери, похоже, любят меня. Все они воспитывались в гораздо более нормальных условиях, чем я, предоставленная чужим людям – гувернанткам и учителям, и, видимо, поэтому мне было трудно понять их. У меня было очень возвышенное представление о том, какими должны быть отношения между матерью и детьми. А у них не было подобного возвышенного представления. Я просто была той, от

кого можно было ожидать заботы о себе, но и можно было ожидать запрета делать то, что хочется. Я многому научилась за эти немногие годы, и этот цикл оказался очень ценным, когда мне приходилось помогать другим матерям улаживать свои проблемы. Оглядываясь назад, я думаю, что у моих детей не было серьёзных поводов для разногласий со мной, потому что я искренне пыталась понять и сочувствовать, однако — в общем и целом — я недовольна средним уровнем родителей в этой стране и в Великобритании.

Здесь в Соединённых Штатах мы так мягки и снисходительны к своим детям, что у них слабо вырабатывается чувство ответственности и самодисциплина, тогда как в Великобритании **185]** дисциплина, родительские требования, надзор и контроль таковы, что заставляют ребёнка бунтовать. В обеих странах результат один и тот же — бунт. Сегодня молодое поколение британцев, насколько я могу судить, находится в состоянии полного недоумения относительно того, чем ему заниматься и что оно должно отстаивать в этом мире, тогда как поведение солдат американской армии в Европе и повсюду является таким шокирующим, что они серьёзно уронили престиж США в мире. Я не виню американских мальчиков — я виню их матерей, их отцов, их школьных учителей и их армейских офицеров, которые не осуществили никакого сознательного руководства, не привили никакого чувства ответственности и истинных норм жизни. Безусловно, в разболтанности многих юношей во время войны и на заморских территориях виноваты не только они.

Будучи в Европе и Великобритании летом 1946 года, я получала информацию из первых рук от жителей многих стран о поведении американцев, о десятках тысяч незаконнорожденных детей, которые остались беспризорными и непризнанными, и о сотнях девушек, на которых солдаты женились и которых потом бросили. Одним из самых интересных фактов, которые я открыла, было большое уважение, которым пользовались солдаты-негры за своё деликатное и щепетильное отношение к девушкам, — они не пытались за ними ухаживать, если те сами этого не хотели. Когда я так критикую американских юношей — а это в некоторой степени справедливо и в отношении более дисциплинированных британских солдат — я признаю, как я неоднократно говорила в Англии людям, критиковавшим при мне американских солдат: “Всё это совершенно справедливо, и я вполне готова поверить, что американские парни такие, как вы описываете, но что вы скажете о бесчестных английских, французских и голландских девицах — ведь для этой игры требуются двое”. Хотя у наших парней было чересчур много денег, и офицеры рекомендовали им

“распечатывать милашек”, пока они **186]** на действительной, но и девушки других наций тоже должны нести ответственность. В какой-то мере можно понять, почему истощённые и голодающие девушки решали сойтись с нашими американскими солдатами, ведь это означало цыплёнка и хлеб для их семей. Это их не извиняет, но мне приходится это сказать, поскольку это тоже факт.

Вся проблема секса и взаимоотношения полов относится, по-видимому, к числу мировых проблем, которые придётся решить в следующем столетии. Как она будет решена — не мне говорить. Полагаю, это главным образом вопрос правильного воспитания и внушения подросткам, что расплатой за грех является смерть. Один из самых чистых людей, которых я знала — он никогда в жизни не вёл себя дурно, как выражаются пуритане, — рассказал мне, что объясняется это только тем, что в девятнадцать лет отец повёл его в медицинский музей и показал некоторые последствия дурного поведения. Я не верю, что страх — достойное средство для исправления поведения и недостатков, но, возможно, материальное свидетельство последствий этого материального греха имеет свою ценность.

Я не собираюсь подробно рассуждать об этом предмете, но он имеет отношение к проблеме, с которой я столкнулась, когда мы поселились в доме в Риджфилд Парк. Мне пришлось послать детей в среднюю школу в Нью-Джерси. Я была знакома с идеей совместного обучения мальчиков и девочек, но только из числа специально отобранных детей до десяти лет. Сама я не была продуктом системы совместного обучения и вообще не была уверена в том, что она годится для детей, приближающихся к подростковому возрасту, но у меня не было выбора, и мне пришлось столкнуться с результатом.

Если влияние домашних и родителей благотворно, тогда нет лучшей системы, чем совместное обучение. Было забавно наблюдать удивление моих собственных девочек, когда они впервые **187]** приехали в Англию и увидели, как английские девочки смотрят на английских мальчиков. Они обнаружили, что в Англии девочки переоценивают мальчиков, секс там окутан покровом тайны, и они совершенно не умеют общаться с мальчиками. Тогда как у американских девочек, которые воспитываются вместе с мальчиками, сидят с ними в классе, вместе завтракают, вместе ходят в школу и обратно, вместе играют, отношение к ним гораздо более здоровое и естественное. Надеюсь, вскоре мы увидим введение системы совместного обучения во всех странах. Но за этой системой должен стоять дом, обеспечивая то, чего не хватает школьной системе, и

исправляя её. Очень важно учить мальчиков и девочек правильным взаимоотношениям и ответственности друг за друга, предоставлять им больше свободы в определённых, взаимно приемлемых пределах — свободы, основанной на доверии.

Три мои девочки поступили в среднюю школу. Не могу сказать, чтобы они чем-то выделялись. Каждый год они переходили в следующий класс, однако я не помню, чтобы они оказывались на первом месте в классе или удостаивались почестей. Я не считаю, что это бросает какую-то тень на них. У них у всех был тонкий ум, и все стали высокоинтеллектуальными членами общества; но они не выказывали особого интереса к учёбе. Помню, Дороти принесла мне редакционную статью в "Нью-Йорк Таймс", когда ходила в среднюю школу. В статье обсуждалась современная образовательная система и подчёркивалась её польза для масс. Далее в ней указывалось, что эта система терпит неудачу в случае высокоинтеллектуальных, творческих или одарённых детей. "Это, — сказала дочь, — о нас, вот почему мы не получаем лучших отметок в школе". Вероятно, она была права, но я не дала ей понять, что придерживаюсь того же мнения. Недостаток массового совместного обучения состоит в том, что у учителей чересчур большие классы и дети не получают надлежащего внимания. Помнится, я однажды спросила у Милдред, почему она не выполняет домашние задания. "Ну, мама, — **188]** сказала она, — я подсчитала, что, поскольку у нас в классе шестьдесят детей, учитель дойдёт до меня не раньше, чем через три недели, поэтому сейчас мне не нужно ничего делать". Во всяком случае, они аккуратно ходили в школу, переходили в следующий класс и нормально закончили школу. И при этом много читали. Они постоянно знакомились с интересными людьми, слушали интересные разговоры, и благодаря Фостеру и мне соприкасались с людьми со всего мира, так что их образование в действительности было очень широким.

Всё это время Фостер работал секретарём Теософской Ассоциации Нью-Йорка — неофициальной независимой организации, — а я готовила, шила, занималась домашним хозяйством и писала дома книги. Каждый понедельник мы с Фостером вставали в 5 утра и занимались еженедельной стиркой, включая стирку простыней, потому что денег было мало; только год назад, или около того, я частично освободилась от своей домашней работы.

Фостер в то время организовал Комитет-1400 — комитет, посвятивший себя попытке вернуть Теософское Общество к его изначальным принципам. Этот комитет олицетворял в миниатюре большой всемирный раскол, который достиг апогея в 1939 году с

началом мировой войны. Шла, по существу, борьба между реакционными, консервативными силами в составе Общества и новыми либеральными силами, которые работали над восстановлением изначальных принципов Общества. Шла борьба между снобистской, изоляционистской, высокомерной группой людей, которые считали себя мудрее и духовнее остальных членов, и теми, кто любил своих собратьев, кто верил в прогресс и универсальность истины. Это была борьба людей с исключающим сознанием и людей со вмещающим сознанием. Это не была борьба доктрин; это была борьба принципов, и Фостер тратил много времени на организацию этой борьбы.

189] Из Индии вернулся Б.П.Вадиа, и мы сначала надеялись, что он поддержит то, что мы пытались делать. Однако мы обнаружили, что он планировал стать президентом Теософского Общества в нашей стране с помощью Фостера и Комитета-1400. Фостер же организовал последний не для того, чтобы поставить у власти человека, представляющего комитет. Комитет был организован для того, чтобы доводить до сведения членов Т.О. основные проблемы и принципы. Когда Вадиа это понял, он пригрозил, что перенаправит свои интересы и будет поддерживать своим влиянием Объединённую Ложу Теософов — наиболее сектантскую организацию и нашего конкурента. Она представляет фундаменталистскую позицию в Т.О. вместе с одной-двумя другими теософскими группами, которые представляют ортодоксально-теологическую точку зрения, считающую, что последнее слово было сказано Е.П.Б., что добавить больше нечего и что тот, кто не принимает их интерпретации того, что говорила и имела в виду Е.П.Б., не может быть хорошим теософом. По-видимому, этим и объясняется, что все эти фундаменталистские группы остались очень немногочисленными.

Тем временем Комитет-1400 продолжал свою работу. Состоялись очередные выборы, члены сделали свой выбор (или, вернее, Э.С. продиктовала свой выбор), и, как следствие, работа Комитета пришла к концу. Вадиа, как и обещал, поддержал своим влиянием Объединённую Ложу Теософов и в конце концов вернулся в Индию, где основал один из лучших оккультных журналов на сегодняшний день. Он называется “Арийский Путь” и исключительно глубок по содержанию. Слово “арийский” здесь не имеет ничего общего с гитлеровским употреблением этого слова. Оно означает арийский способ духовного развития, посредством которого люди, принадлежащие к пятой коренной расе, приближаются к реальности.

Я тем временем начала вести класс по изучению Тайной

Доктрины и сняла комнату на Мэдисон Авеню, где можно было вести **190]** занятия и назначать встречи с людьми. Класс начал работать в 1921 году и очень хорошо посещался. Регулярно приходили люди из различных теософских обществ и оккультных групп. Г-н Ричард Пратер, старый коллега У.К.Джаджа и ученик Е.П.Блаватской, пришёл однажды ко мне в класс, а на следующей неделе привёл ко мне весь свой класс по изучению Тайной Доктрины.

Я упоминаю об этом обстоятельстве для тех, кто принадлежит к Объединённой Ложе Теософов, и для тех, кто заявляет, что истинная теософская преемственность идёт от Е.П.Б. через У.К.Джаджа. Всей теософии, которую я знаю, меня научили личные друзья и ученики Е.П.Б., и г-н Пратер это признал. Позднее он вручил мне полученные от Е.П.Б. инструкции для эзотерической секции. Они сходны с теми, которые я видела в Э.С., но были даны мне без всяких условий, и я была вольна использовать их по своему усмотрению, что и делала. После того, как он умер — много лет назад, — его теософская библиотека перешла в наши руки, включая все старые номера “Люцифера” и все старые издания теософского журнала, плюс прочие эзотерические бумаги, которые он получил от Е.П.Б.

Среди бумаг, которые он мне дал, была одна, в которой Е.П.Б. выражала своё пожелание, чтобы эзотерическая секция называлась “Школой Арканов”. Оно так и не было исполнено, и я решила, что пожелание старой леди следует исполнить, — ему-то наша школа и обязана своим названием. Знакомство с г-ном Пратером я считаю большой честью и удачей.

Другая давняя ученица г-жи Блаватской и полковника Олькотта, мисс Сара Джейкобс, дала мне фотопластинки портретов Учителей, полученные ею от полковника Олькотта, так что у меня есть отчётливое ощущение, что личные ученики и друзья Е.П.Блаватской одобрили то, за что я взялась. Я пользовалась их поддержкой, **191]** пока они не перешли на другую сторону жизни. Все они естественно, были старыми людьми, когда я впервые с ними познакомилась. Позиция же тогдашних теософских лидеров и рядовых членов всегда удивляла меня. Они никогда не одобряли того, что я преподавала, хотя это учение исходит непосредственно от учеников, которых обучала лично Е.П.Б., и имеет больше шансов быть правильным, чем то, что исходит от людей, не знавших её. Я упоминаю об этом потому, что в интересах работы хотела бы, чтобы её истоки были признаны.

На основе класса по изучению Тайной Доктрины были созданы группы учащихся во всей стране, которые получали

уроки, составленные для класса на Мэдисон Авеню. Эти классы росли и процветали, пока не возбудили антагонизм со стороны теософов, и д-р Джейкоб Бонггрен предостерёг меня, что классы находятся под ударом. Он был давним учеником Е.П.Б., и его статьи можно найти в старых журналах, и я очень горжусь тем, что он стоял на моей стороне в то время.

В 1921 году мы сформировали небольшую медитативную группу, состоящую из пяти человек, а также моего мужа и меня; мы обычно встречались по вторникам после работы, чтобы поговорить о важных вещах, обсудить План Учителей Мудрости и помедитировать относительно своёго участия в нём. Эта группа стабильно встречалась с лета 1922 года до лета 1923 года. Тем временем я продолжала писать для Тибетца, и были опубликованы книги *“Посвящение, Человеческое и Солнечное”, “Письма об Оккультной Медитации”* и *“Сознание Атома”*.

Люди склонны считать, что раз вы пишете книгу по такому техническому предмету, как медитация, то вы всё о нём знаете. Я стала получать письма со всего мира от людей, которые просили научить их медитации или помочь им вступить в контакт с Учителями Мудрости. Последнее требование всегда удивляло меня. Я не отношусь к оккультным наставникам, претендующим на то, что они **192]** точно знают, чего хочет Учитель, или обладающим правом знакомить с Учителями людей любопытствующих и невежественных. С Учителями не вступают в контакт подобным образом. До Них не добраться искателям диковин, людям легковерным или не мыслящим. Их может найти лишь бескорыстный служитель расы и мыслящий толкователь истины, и никто иной.

Я выдаю учение в том виде, в каком оно приходит ко мне от Тибетца, и именно Он несёт за него ответственность. Как Учитель Мудрости, Он знает то, чего не знаю я, и имеет доступ к записям и истинам, скрытым от меня. Допущение, будто я знаю всё, что даётся в Его книгах, неверно. Как тренированный ученик я, возможно, знаю больше среднего читателя, но не обладаю тем знанием, которое есть у Тибетца. Последний располагает огромным знанием, и я тихо смеюсь, когда слышу, как некоторые враждебно настроенные теософы (я могла бы назвать имена, но не буду) описывают меня как “своеобразную леди, которая припала ухом к замочной скважине Шамбалы”. Я ещё нескоро заслужу право “вступить туда, где Воля Бога известна”, и когда это сделаю, мне не понадобится никакая замочная скважина.

Летом 1922 года я выехала с семьёй на три месяца в Амагансетт, Лонг Айленд, и стала раз в неделю писать письмо группе людей, которое им надо было изучать и читать во время

нашего отсутствия. Во многих случаях представлялось стоящим послать это письмо и тем, кто спрашивал о медитации, о пути к Богу и о духовном плане для человечества; поэтому мы высылали им копии наших писем по мере их написания. К тому времени, когда мы вернулись в Нью-Йорк в сентябре 1922 года, пришлось обдумать, что делать с корреспонденцией, накапливающейся в результате растущей продажи книг, как удовлетворять запросы классов по изучению Тайной Доктрины, и как удовлетворять все призывы о духовной **193]** помощи, которые до нас доходили. Итак, в апреле 1923 года мы организовали Школу Арканов.

Четыре-пять человек, связанных с моим мужем и мной по проводившимся по вторникам занятиям в классе, сплотились вокруг нас. Двое из них двадцать четыре года спустя по-прежнему работают с нами, а двое уже отошли на другую сторону. У нас не было ни малейшего понятия, как управиться с такой работой. Никто из нас — за одним исключением — никогда не учился в заочной школе и не знал о том, как работать с людьми заочно. Всё, что у нас было — это добрые намерения, горячее желание принести пользу и три книги на оккультные темы. С тех пор через школу прошли свыше тридцати тысяч человек. Многие сотни из тех, кто вступил в школу десять, двенадцать или восемнадцать лет тому назад, всё ещё остаются с нами; работа Школы Арканов известна и признана почти во всех странах мира, за исключением России и ещё примерно четырёх стран.

Имей мы хотя бы отдалённое представление о грандиозном объёме предстоящей нам работы, у нас вряд ли хватило бы мужества даже её начать; во всяком случае я сильно в этом сомневаюсь. Если бы я представляла заботы и тревоги, которые она за собой влечёт, и ответственность, которую приходится возложить на себя любой эзотерической школе, я знаю, что не взялась бы за эту работу; но дураки рвутся туда, куда не осмеливаются вступить ангелы, и я пошла напролом.

Я ничего не достигла бы без поддержки и мудрости своего мужа. Я содрогаюсь при мысли об ошибках, которые сделала бы, неправильных суждениях, которые допустила бы, и юридических последствиях, которые обрушились бы на меня. Его ясный юридический ум, безличность и способность не волноваться, когда, по моему мнению, он должен был это делать, постоянно спасали меня от меня самой.

Нелегко вести эзотерическую школу. Совсем непросто взять на **194]** себя ответственность учить людей истинной медитации. Тяжело торить узкий, как лезвие бритвы, путь, пролегающий между высшим психизмом, или духовным восприятием, и низшим психизмом, которым многие люди обладают наравне с кошками и

собаками. Нелегко различать между психическим предчувствием и интуитивным восприятием, а также направлять духовную жизнь людей, которые добровольно отдали себя в твои руки для тренинга, и давать им то, что необходимо. Всё это было бы невозможно в подобном объёме, если бы не поразительно самоотверженная помощь работников штаб-квартиры и учащихся-секретарей на местах. Мы начали с одной комнаты. Теперь (в 1947 году) у нас два этажа в доме № 11 на Сорок второй улице и очень большой штат сотрудников, а также штаб-квартиры в Англии, Голландии, Италии и Швейцарии. Сегодня, кроме штата штаб-квартир, у нас есть группа из ста сорока секретарей — старших учащихся, которые помогают наставлять остальных учащихся. Эти секретари разбросаны по всему миру, и именно благодаря их бескорыстной добровольной помощи, неизменно оказываемой все эти годы, мы имеем возможность продолжать работу.

В начале работы были сформулированы некоторые основные принципы, которые, как мы решили, должны определять всю деятельность этой группы. Я бы хотела это пояснить, так как считаю, что они фундаментальны и должны определять все эзотерические школы, да и после своей смерти я бы хотела чувствовать, что эти принципы по-прежнему определяют политику. Базовый тренинг, предоставляемый Школой Арканов, такой же, какой давался ученикам на протяжении веков. Поэтому в Школе Арканов, даже при условии успешного функционирования, не будет, по крайней мере в этом столетии, много членов. Те, кто готов к тренингу для овладения духовными законами, управляющими всеми учениками, встречаются действительно редко, хотя можно ожидать возрастания их числа. Школа Арканов не является школой для испытуемых **195]** учеников. Она рассчитана на тех, кого можно тренировать действовать непосредственно и сознательно под руководством Учителей Мудрости. В сегодняшнем мире много школ для испытуемых, которые выполняют большую, благородную и нужную работу.

Долгое время я была сильно озадачена тем, почему члены Т.О., особенно Э.С., относятся с таким антагонизмом к работе, которую я стараюсь выполнять. Я знала, что это не было связано с нашей предыдущей деятельностью в обществе, а основывалось на чём-то другом, и это приводило меня в недоумение. Я считала, и всё ещё продолжаю так считать, что сегодня в мире есть место сотням истинных эзотерических школ и что все они должны быть способны работать в сотрудничестве между собой, дополняя друг друга и помогая друг другу.

Я долго недоумевала, а потом в Париже в начале 30-х годов спросила об этом г-на Марко, тогдашнего главу Т.О. во Франции. Он взглянул на меня с неподдельным изумлением и сказал, что им, естественно, не нравится, что я ставлю людей перед выбором: либо Э.С., либо моя группа. Я посмотрела на него с таким же изумлением и сказала, что у нас в Школе Арканов учатся теософы четырёх разных направлений, розенкрейцеры четырёх различных видов, и что никто из них не собирается вступать в Т.О., членами которого он и я являемся. Я напомнила, что никто не допускается в Э.С., пока не пробыл два года членом Т.О., и спросила его, почему людей, готовых к эзотерическому тренингу, нужно заставлять ждать два года в чисто экзотерической группе. Он не мог ответить на это, и я усилила его замешательство, заметив (не вполне тактично, как я вижу сейчас), что очень жаль, что Школа Арканов и эзотерическая секция не могут счастливо работать вместе. Я подчеркнула, что Э.С. — лучшая школа для испытуемых в мире, так как она питает огни устремления и воспитывает у своих членов преданность; мы же **196]** предоставляем собой школу для тренинга тех, кто хочет стать “принятым учеником”, то есть тех, кто находится на последних стадиях пути испытания, и что у нас упор делается на безличности и ментальном развитии. Я добавила, что наша работа намеренно носит характер исключительности, что мы оставляем только тех, кто действительно упорно трудится и выказывает признаки истинной ментальной культуры. Я сказала ему, что мы отсеиваем сотни людей эмоционального, преданного типа и что если бы мы могли работать вместе, я бы направляла многих из этих людей в Э.С. Это не произвело на него впечатления и не доставило ему удовольствия, и я не могу сказать, что порицаю его за это. Это не значит, что я хотела умалить кого-то своим заявлением, потому что, по моему мнению, обе группы равно необходимы, обе могут служить духовной цели, и, безотносительно к тому, является ли человек испытуемым или учеником, он в любом случае духовно ориентированное человеческое существо, требующее тренинга и дисциплины .

Домыслы о статусе и положении являются проклятием Т.О. и многих оккультных групп. Я часто говорю школьным секретарям, что их старшинство в Школе не указывает на их высокое духовное развитие и что в их группе учащихся может оказаться начинающий, который опередил их на Пути Ученичества. Почему люди склонны считать, что человек эмоциональный, чувствительный, восприимчивый менее значителен, чем человек ментального типа, это ещё один вопрос, который беспокоит меня. Никто не может обойтись без сердца или головы, и истинный

оккультный учащийся сочетает их. Главы Т.О. не позволяют ни одному члену Школы Арканов вступать в Э.С., не порвав с нами. Это в корне неправильно и является частью великой ереси разделённости.

Мы не требуем подобного обособления и говорим учащимся, что если Школе удаётся углубить их духовную жизнь, расширить их кругозор и усилить их ментальное восприятие, то от них зависит применять или нет свой опыт в церкви, обществе, организации **197]** или группе, доме или общине, с которыми связала их судьба. Благодаря этой позиции у нас есть активные учащиеся, являющиеся членами различных теософских организаций, каждая из которых считает себя единственно правильной. У нас есть учащиеся, принадлежащие к четырём различным группам розенкрейцеров. Есть члены церкви, католики и протестанты, последователи Христианской Науки, люди из Единства и члены почти всех организаций, имеющих духовную или религиозную основу. Мы принимаем людей, у которых вообще нет никаких верований, но которые готовы принять какую-либо гипотезу и попытаться доказать её значимость. Следовательно, Школа Арканов по своей сути является не сектантской, не политической, а глубоко интернациональной. Её ключевая нота — служение. Её члены могут принадлежать к любой конфессии, к любой политической партии при условии, что помнят: все пути ведут к Богу, и если всем их мышлением руководит стремление работать на благо всего человечества. Помимо всего прочего, в этой школе учащегося учат, что души людей едины.

Я хотела бы также добавить, что в этой школе прививают научное понимание того, что существование Духовной Иерархии нашей планеты – это не доктрина, а реальное и проявленное царство природы. Было дано много церковных учений о царстве Божьем и царстве душ. Это лишь термины для обозначения того же самого — Духовной Иерархии планеты.

В этой школе развивают истинное оккультное послушание. Оккультное послушание не подразумевает служения мне или любому другому главе Школы, или какому бы то ни было человеческому существу. От учащихся Школы Арканов не требуется клятв в верности или личных обетов преданности какому-то индивидууму. Однако они учатся слушаться указаний собственной души. По мере того, как голос души становится им всё более знакомым, они в конечном счёте делаются членами Царства Божьего и предстают перед Христом.

Итак, в 1923 году мы учредили школу, не доктринальную, **198]** не сектантскую и основанную на Вневременной Мудрости,

которая дошла до нас с незапамятных времён. Мы учредили школу, имеющую определённую цель и специфическую задачу — школу включающую, а не исключающую, ориентирующую своих учащихся на жизнь служения, как путь приближения к Иерархии, вместо пути эгоистической духовной культуры. Мы решили, что работа должна быть интенсивной, упорной и сложной, чтобы отсеивать людей немыслящих. Учредить оккультную школу, преследующую личные интересы — это одна из самых лёгких вещей на свете, что всё время и происходит, но мы не хотели делать ничего подобного.

Мало-помалу мы уяснили, как организовать работу, тренировать персонал, систематизировать записи и применять такие деловые методы, которые гарантировали бы нашим учащимся своевременную помощь. Мы поставили Школу на добровольную финансовую основу и не берём платы за учёбу. Благодаря этому мы не имеем никаких финансовых обязательств по отношению к учащимся, и я вольна в любой момент исключить учащегося, если он не извлекает пользы из наших занятий. За нашей спиной не стоит никакой "ангел", никакой крупный благотворитель. Работа поддерживается за счёт малых пожертвований многих людей, что гораздо надёжнее.

Думаю, это всё, что я должна рассказать об основании школы и её деятельности. Это самая суть всего, что мы делаем. У нас сегодня есть британская, голландская, итальянская, швейцарская и южно-американская секции, организована работа в Турции и Западной Африке, и во многих других странах есть наши члены. Материалы Школы рассылаются на многих языках, учащимися в соответствующих странах руководят секретари, которые говорят с ними на одном языке. Виды служения охватывают всё более обширную область, и я больше не буду их обсуждать.

Следующие шесть лет, с 1924 по 1930 год, были довольно монотонными. Обозревая их, я глубоко осознаю их как цикл, в котором день **199]** за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем я делала одно и то же, продолжая развивать Школу Арканов. Я непрерывно писала школьные инструкции и статьи. Я всё время встречалась с людьми, а в 1928 году часто встречалась с ними через каждые двадцать минут в течение всего дня. Я никогда не льстила себе, объясняя это тем, что я такая замечательная женщина. Поток посетителей объяснялся главным образом тем, что я не брала никакой платы.

Это были годы, когда самые разные психологи разъезжали с лекциями по всей стране. Всевозможные психоаналитики принимали людей, беря за это солидные суммы. Я никогда не брала денег, и мои дни были заполнены встречами с людьми,

озабоченными той или иной проблемой и надеявшимися, что я смогу её решить. В Нью-Йорке в то время была женщина, которая брала пятьсот долларов за получасовую встречу, и к ней записывались на приём. Могу гарантировать, что она никогда не давала таких полезных советов, какие я давала бесплатно.

В ту пору одна из тайн человеческой природы высветилась у меня в сознании вполне отчётливо. Я обнаружила, что люди проявляют полную готовность говорить о самых интимных делах своей обыденной жизни, рассказывая о своих половых отношениях со своими мужьями или жёнами мне — совершенно незнакомому человеку. Предполагаю, что моя отрицательная реакция на это обусловливалась моим британским происхождением, так как мы здесь в Америке всегда откровеннее с незнакомыми, чем это принято среди другой половины англо-саксонской расы. Откровенно говоря, мне это никогда не нравилось. Определённая сдержанность полезна и правильна, и я всегда отдавала себе отчёт, что когда люди с кем-то чересчур откровенны и раскрыли себя в интимном разговоре, они обычно заканчивают ненавистью к нему — ненавистью, которую тот, кому они доверились, совсем не заслуживает. Меня никогда не интересовали половые отношения людей, но я понимаю, что это важный фактор для гармонии индивидуума.

200] Вся проблема секса сегодня смещается. Сама я консервативная британка, испытывающая ужас перед разводом, неприязнь к разговорам на сексуальные темы, но между тем я знаю, что современное поколение не так уж не право. Я знаю, что викторианская позиция была порочной и фатальной. Тогдашний покров секретности и тайны, набрасываемый на всю проблему секса, таил в себе опасность для невинных молодых людей, ведущих естественный творческий образ жизни. Шепоток, секреты, общение за запертыми дверями возбуждали любопытство молодых и загрязняли их мышление, — трудно простить за это отцов и матерей викторианской эпохи. Сегодня мы страдаем от реакции на это. Молодёжь почти наверняка знает слишком много, но лично я считаю, что это гораздо безопаснее, чем те условия, в которых росла я.

Как правильно решить половую проблему в каждой расе, я не знаю. Мне известно, что в других странах, согласно британскому закону, а может, и голландскому, или любому другому закону, у мусульманина может быть много жён. У мужчин любой национальности — американцев, британцев и любых других — всегда было множество контактов. Из всей этой половой неразборчивости и из всех этих поисков ответа в конечном счёте возникнет настоящее решение. Французы не получат его, так как

французская нация является демонстрацией того, что “ум — убийца реального”. Они такие реалисты, что прекрасное, духовное, субъективное зачастую упускается ими из виду, что указывает на большой изъян в оснащении французской нации. Их Сенат не признаёт Божества; их масонские ордена считаются Великими Ложами других стран незаконными, поскольку они не признают Великого Архитектора Вселенной; их планомерные половые отношения чисто утилитарны, **201]** что в своей основе было бы разумно, не будь в мире ничего, кроме материальной жизни.

Ныне, в 1947 году, мир охвачен сексуальным безумием. В Великобритании, США и всех других странах происходит множество разводов; молодые женятся, считая, что если союз окажется несчастливым, его можно расторгнуть, и кто скажет, что они не правы? Незаконнорождённые дети, как результат военного психоза в каждой стране, стали почти правилом, а не исключением. Там, где прошли армии, остались сотни тысяч незаконных детей. Церковь негодует против современных взглядов на брак и разочарования в нём, но не предлагает никакого решения; и католическая, и епископальная церкви США и Великобритании стоят на той точке зрения, что если развод совершён, любой следующий брак является развратом.

В связи с этим я вспоминаю, как мне захотелось посетить утреннюю службу в небольшой церкви в Танбридж Уэллс, находящейся недалеко от нашей штаб-квартиры в этом городе. Я попросила разрешения у пастора, потому что Англия маленькая страна и люди, подобные мне, там отлично известны. Пастор сказал, что ему нужно получить разрешение от епископа; в разрешении было отказано; пастор пришёл ко мне и сообщил, что мне нельзя прийти на службу. Я несколько минут смотрела на него, потом сказала: “Я бы могла приехать в этот город из Америки, злоупотреблять коктейлями и развлекаться картами, кутить и иметь полдюжины любовников — и могла бы присутствовать на службе, не будь я разведена. Двадцать лет назад я получила развод с полного согласия епископа и духовенства епархии, так как они знали факты, и всё же я не вправе посетить службу — я, которая старалась служить Христу с пятнадцати лет”. Что-то есть в корне неправильное в английской церкви. Что-то неправильное есть и в здешней епископальной церкви, так **202]** как епископ этой церкви однажды сказал мне: “Никогда не говорите мне, что такой-то человек разведён, потому что если я этого не знаю, это не страшно, но если узнаю, я буду вынужден не допустить его к службе”. Комментарии излишни.

Мы находимся на пути к решению половой проблемы. Каким

оно будет, я не знаю, но я доверяю врождённому здравомыслию человечества и раскрывающейся цели Бога. Может быть, решение придёт благодаря правильному образованию в нашей школе и правильному отношению родителей во всём мире к своим детям, мальчикам и девочкам. Нынешнее же отношение основано на страхе, невежестве и умалчивании. Должно наступить время, когда педагоги и родители будут открыто и прямо обсуждать с молодыми людьми факты жизни и отношения между полами, и я вижу, что это время быстро приближается. Молодые люди очень здравомыслящи, но из-за своего невежества часто попадают в затруднительное положение. Если они узнают факты — грубые, неприкрашенные факты — они будут знать, что делать. Все эти глупые разговоры о том, что детей находят в капусте или их приносят аисты, и тому подобные подходы к половой проблеме, а их много, оскорбительны для человеческого интеллекта, а ведь наша молодёжь в высшей степени интеллектуальна.

Лично мне хотелось бы, чтобы каждого мальчика и девочку в подростковом возрасте приводили к понимающему врачу, и он рассказывал бы им всё, как есть. Я хотела бы, чтобы молодому поколению прививалось уважение к своей функции будущих родителей следующего поколения, и хотела бы, чтобы сегодняшние отец и мать (я обобщаю) предоставляли молодым людям больше свободы разрешать собственные проблемы. Мой опыт говорит, что им можно доверять, если они знают факты. Средние мальчик и девочка изначально не испорчены и не пойдут на риск, если знают о нём. Я хотела бы, чтобы врач проводил беседу о половой проблеме с мальчиками и девочками с точки зрения родительских функций, **203]** опасности беспорядочных половых сношений, и предупреждал их относительно гомосексуализма, который является одной из величайших бед, с которыми сегодня сталкиваются мальчики и девочки. Если молодым сообщены факты и показана ясная картина, то мы, как правило, можем им доверять, хотя, откровенно говоря, я не положилась бы на родителей, потому что они преисполнены страха и не доверяют своим детям.

Всё это предварительные рассуждения, потому что в следующие годы мне, естественно, пришлось столкнуться с проблемой отношений между мальчиками и девочками. У меня три очень привлекательные дочери, и вокруг них стали собираться мальчики, так что теперь не только массы людей постоянно посещали мой офис, но и много мальчиков приходили в мой дом, и именно там я научилась понимать и любить обе эти группы. Я доверяю молодому поколению, уважаю и люблю его.

Примерно в это время мы переехали из Риджфилд Парк в

Стамфорд, Коннектикут. У одного из наших друзей, г-на Грэма Фелпс-Стокса, был пустой дом на Лонг Айленд Саунд, и он разрешил нам жить в нём бесплатно несколько лет. Этот дом был гораздо приятней и больше, чем в Риджфилд Парк, и лично мне он понравился. Я всегда вспоминаю утреннюю пору там. На верхнем этаже была большая комната, прямо над помещением для прислуги. Окна в ней выходили на три стороны, — там я жила и работала. С нами жила Крейги. Хотя накапливалось ужасно много домашней работы, девочки подросли и стали оказывать гораздо больше помощи по дому. Мы с Фостером большую часть недели проводили в Нью-Йорке, так как за девочками могла присмотреть Крейги. Те уже вошли в подростковый возраст и были очень красивыми, и мы решили, что совершенно невозможно отдать их в среднюю школу. Население Стамфорда состояло в то время в основном из иностранцев, и три **204]** очаровательные белокурые девочки были почти беззащитны против итальянских мальчиков, которые везде за ними ходили. Я изложила эту проблему одной своей богатой подруге, и она оплатила их обучение в Лоу Хейвард Скул. Это была частная школа для девочек из высших классов, и они посещали её, пока мы не уехали из Стамфорда.

Я не могу припомнить всех мальчиков, собиравшихся у нас. Двое из них всё ещё наши друзья и иногда навещают нас, хотя оба женаты и у них свои семьи. Они по временам наведываются к нам, и всегда каким-то образом создаётся та счастливая, глубоко сокровенная атмосфера, которая устраняет всякое напряжение и позволяет нам оживить тесную дружбу, независимо от того, как давно мы виделись в последний раз. Других я забыла. Они появлялись и исчезали. У меня осталось яркое воспоминание о том, как я сидела по ночам в своей комнате с тремя сторонами из стекла, ожидая огней машины как знака того, что мальчик везёт девочку обратно домой. Моё ожидание очень досаждало дочерям, но я всегда чувствовала, что, с психологической точки зрения, так было надо. Я, как мать, всегда знала, где девочки, с кем они и когда должны вернуться домой, и я никогда не сожалела о своей настойчивости в этом вопросе. Но я часто жалела о потерянных часах сна. Все три девочки никогда не давали мне настоящего повода для беспокойства и недоверия к ним, и теперь, когда они замужем и живут собственной жизнью, я хотела бы воспользоваться возможностью сказать, какими милыми и здравомыслящими, какими понимающими и скромными они были.

Так летели годы. Период с 1925 по 1930 был годами становления, трудностей, радостей и роста. О них мало что

можно сказать. Это были самые заурядные годы: годы работы, учреждения и стабилизации Школы Арканов, опубликования книг Тибетца и формирования вокруг нас группы мужчин и женщин, бывших не только нашими верными друзьями, которые и поныне работают вместе с нами, но и преданными служителями человечеству.

205] Мы редко выезжали летом, так как дом стоял у пролива и имел свой собственный пляж, и девочки могли от души плавать и собирать моллюсков. Я стала мастерицей в приготовлении супа из моллюсков. Благодаря любезности друга у нас была машина, так что мы могли ездить в Нью-Йорк и куда угодно. Практически каждое воскресенье мы принимали дома гостей и друзей, и в доме часто бывало двадцать-тридцать человек. Мы усаживали их как попало: молодых и пожилых, людей с положением и без всякого положения, и я считаю, что все отлично проводили время. Мы делали пирог и пунш, чай и кофе, и всякий, кто бы он ни был, должен был в конце дня нам помогать: мыть посуду и прибирать гостиную.

У нас были кошка и собака — исключительные индивидуалисты. Полицейский пёс, внук Рин Тин Тина, был очень породистым. Считалось, что он нас защищает, отпугивая бродяг и оборванцев, но от него не было никакого проку. Он всех любил и любого оборванца мог впустить к нам домой. Он был очень тонкого воспитания, весьма сенситивным и легко возбудимым, и его постоянно приходилось поить бромом, чтобы держать его нервы в порядке. В нём не было ни капли злобности, и все обожали его. Кот же никого не любил, кроме меня. Это был огромный и совершенно великолепный кот, которого мы подобрали беспризорным, когда он был ещё крошечным котёнком. Он ни с кем не общался, кроме меня. Он принимал пищу только от меня. Он отказывался входить в дом, если меня не было внизу, так что в конце концов Фостер соорудил для него лесенку из сада до окна моей спальни и отверстие в шторе, чтобы он мог попасть ко мне в комнату; с того момента он был совершенно счастлив и никогда не пользовался никакой дверью, а всегда взбегал по лесенке прямо ко мне в постель.

Работа быстро расширялась в эти годы. Муж начал издавать журнал “Бикон” (“Маяк”), что отвечало реальной потребности и делается по сей день. Я обычно читаю шесть-восемь публичных **206]** лекций в год, и так как входная плата раньше не взималась, я легко могла собрать аудиторию в тысячу человек. Однако, со временем мы пришли к выводу, что большинство людей, посещавших мои лекции, были попросту те, кого в Нью-Йорке называют “летунами”. Они слоняются с одной бесплатной лекции

на другую, без разбору, и не получают никакой реальной пользы от того, что слушают. Поэтому пришло время, когда мы решили брать плату за мои лекции, пусть даже всего по двадцать пять центов. Аудитория сразу сократилась наполовину, и это доставило нам большое удовлетворение. Те, кто приходили, делали это потому, что хотели слушать и учиться, и с ними стоило говорить.

Я всегда любила читать лекции и последние двадцать лет никогда не знала, что значит нервничать на трибуне. Я люблю людей, верю им и смотрю на аудиторию просто как на славную личность. Для меня чтение лекций самое приятное дело на свете, и сегодня, лишённая его по состоянию здоровья, я рассматриваю его отсутствие как одну из величайших потерь. Мой доктор не разрешает мне читать лекций, да и муж ужасно беспокоится, поэтому я выступаю теперь только на ежегодной конференции.

В начале этого периода я завязала дружбу, которая значила для меня больше, чем всё остальное на свете, за исключением моего брака с Фостером Бейли. Эта подруга была сочетанием простоты, доброты и бескорыстия, она внесла в мою жизнь такие богатство и красоту, о которых я и не мечтала. Семнадцать долгих лет мы шли по духовному пути вместе. Я отдавала ей всё свободное время, которое у меня находилось, и часто пропадала у неё дома. Нам нравилось одно и то же, интересовали одни и те же ценности и идеи. У нас не было секретов друг от друга, и я знала всё, что она думает о людях, обстоятельствах и своём окружении. Мне приятно, что в течение последних семнадцати лет своей одинокой жизни она была не совсем одинокой. Понимать её, стоять рядом, позволять ей непринуждённо говорить со мною и ощущать при этом умиротворённость — вот то единственное, чем я могла отблагодарить её за **207]** бесконечную доброту ко мне. Семнадцать лет она снабжала меня одеждой, и вплоть до её смерти в 1940 году я не покупала себе ничего из одежды. Я до сих пор ношу то, что она мне подарила. Все драгоценности, которые у меня есть, подарила мне она. Приехав в эту страну, я привезла с собой прекрасные кружева и драгоценности, но всё пришлось продать, чтобы оплатить счета бакалейщика, а она постаралась кое-что из этого возвратить. Она оплатила обучение девочек в школе и всегда оплачивала наши поездки в Европу и Великобританию и обратно. Мы были так близки, что если я заболевала, она тут же узнавала об этом. Помню, однажды, заболев несколько лет назад в Англии, я несколько часов спустя получила от неё телеграфом пятьсот фунтов, так как она узнала, что я больна, и они мне могут понадобиться.

Наша телепатическая взаимосвязь была совершенно

необычной и продолжалась даже после её смерти. Когда, уже после её ухода, в её собственной семье что-то случалось, она телепатически обсуждала это со мной. Хотя я не могла знать об этих происшествиях, впоследствии выяснялось, в чём дело; я и поныне часто контактирую с ней. Она обладала очень глубоким знанием Вневременной Мудрости, но боялась людей: боялась быть неправильно понятой, боялась, что люди любят её за её деньги, вообще панически боялась жизни. Думаю, я оказалась полезной ей в этом отношении, так как она уважала моё мнение и часто обнаруживала, что оно совпадает с её собственным. Я играла для неё роль отдушины. Она знала, что может сказать мне всё, что угодно, и что дальше меня это не пойдёт. Даже умирая, она помнила обо мне, и всего за несколько дней до её смерти я получила от неё письмо, которое с трудом прочла, и в котором она писала о себе. Письмо отправил за неё кто-то другой. Одним из эпизодов, которые, как я ожидаю, произойдут после того, как я перейду на ту сторону, будет встреча с ней, потому что она обещала ждать меня. Мы прекрасно провели время вместе, когда **208]** она была на земле. Мы радовались одному и тому же и смеялись над одним и тем же. Мы любили одни и те же цвета, и я часто спрашиваю себя: чем в прошлом я заслужила себе такую подругу в настоящем?

Дважды в год она ходила в магазин и покупала мне восемь-девять платьев, точно зная, какие вещи я люблю и какие цвета мне подходят, и дважды в год, получив коробки с этими прекрасными платьями, я подходила к шкафу, вынимала соответствующее количество прошлогодних платьев и посылала их своим личным подругам, которые, как я знала, находятся в стеснённых обстоятельствах. Я не сторонница накопления вещей для личного пользования и знаю, что значит нуждаться в платье или костюме и не быть в состоянии приобрести его. Бедность для представителей высших классов, которые должны поддерживать определённый внешний вид, даёт гораздо более горький опыт, чем многие другие разновидности опыта. Они не любят принимать милостыню, не могут ходить и попрошайничать, но их можно склонить принять то, что им нужно, например, от того, кто напишет так, как я: “Мне только что подарили кучу новых платьев, и я просто не в состоянии носить всё, что имею. Если я буду держаться за всю эту одежду, боюсь, я стану жадной, поэтому посылаю вам парочку платьев, и вы очень обяжете меня, приняв их”. Таким образом, радостью, которую приносили эти красивые и хорошо сшитые вещи, мои знакомые ежегодно были обязаны моей подруге, а не мне.

Мне трудно рассказать так, как я бы хотела, о людях, которые

значат для меня больше всего. Особенно это относится к упомянутой подруге, а больше всего к моему мужу Фостеру Бейли. Мы обсудили это и решили, что невозможно поместить в автобиографию то, что я хотела бы сказать.

У нас была и другая интересная дружба, принёсшая с собой очень важные следствия — следствия, которые, скорее всего, проявятся не в этой жизни, а в следующей. В Нью-Йорке есть клуб, **209]** который называется Клубом Знати. Как-то раз один член клуба попросил меня прийти и послушать беседу великого князя Александра, который был сыном одного из русских царей и зятем последнего царя Николая. Я пошла скорее из любопытства, чем по какой-либо другой причине, и попала в комнату, до отказа заполненную всей элитой знати и членами королевских семей, собравшихся в то время в Нью-Йорке. Все мы встали, когда великий князь вошёл и сел в кресло на сцене. Когда мы снова сели, он очень серьёзно оглядел нас и сказал: “Я прошу вас на минуту забыть о том, что я великий князь, потому что я хочу поговорить с вами о вашей душе”. Я вздрогнула в изумлении, а после беседы подошла к своей подруге, баронессе ..., и сказала: “Как бы я хотела познакомить великого князя с теми людьми нашей страны, которым всё равно, является он великим князем или нет, но которые полюбят его самого по себе и за его весть”. Вот и всё, и я больше не думала об этом.

На следующее утро, когда я была у себя в офисе, позвонил телефон и голос сказал: “Его Императорское Высочество был бы рад, если г-жа Бейли будет в отеле Ритц в одиннадцать часов”. Поэтому г-жа Бейли прибыла в отель в одиннадцать часов. Меня встретил в фойе секретарь великого князя. Он усадил меня, торжественно взглянул на меня и сказал: “Что вы хотите от великого князя, г-жа Бейли?” Я удивлённо взглянула на него и сказала: “Ничего. Я не представляю, зачем меня пригласили”. “Но, — сказал г-н Румянов, — великий князь сказал, что вы хотите его видеть”. Тогда я сказала, что не добиваюсь встречи с великим князем и не представляю себе, что он хочет от меня. Я упомянула, что присутствовала накануне на беседе великого князя и высказала своей подруге пожелание, чтобы он познакомился с некоторыми людьми. Тогда г-н Румянов повёл меня наверх в номер великого князя, и после того, как я сделала реверанс и меня пригласили сесть, он спросил, что он **210]** может для меня сделать. Я ответила: “Ничего”. И продолжала: в Америке есть люди вроде г-жи дю Пон Ортиз, которые думают так же, как он, — у них прекрасный дом, и они редко ходят на лекции; я выразила надежду, что он, возможно, захочет познакомиться с ними. Он заверил меня, что сделает всё, о чём я попрошу, затем

сказал: “Давайте теперь поговорим о серьёзных вещах”. И мы примерно час беседовали о духовном и о потребности мира в любви. Он только что опубликовал книгу под названием “Религия любви” и был заинтересован в том, чтобы её прочло по возможности больше людей.

Вернувшись к себе в офис, я позвонила Алисе Ортиз и попросила её приехать в Нью-Йорк и устроить приём в честь великого князя в отеле “Амбассадор”. Она решительно отказалась. Я столь же решительно склонила её к согласию. Она приехала и устроила приём. Посреди ленча г-н Румянов повернулся ко мне и спросил: “Кто вы, г-жа Бейли? Мы не смогли ничего разузнать о Вас”. Я заверила его, что меня это не удивляет, потому что я никто — простая американская гражданка английского происхождения. Он покачал головой, по-видимому, совсем сбитый с толку, и сообщил, что великий князь будет рад сделать всё, что я захочу.

Это было началом подлинной дружбы, которая длилась до смерти великого князя и после неё. Он постоянно приглашал нас с Фостером в гости в Вальми на несколько дней. Мы подолгу вели интереснейшие беседы. Одно из обстоятельств, которое, по моему мнению, мы оба глубоко осознали в этой дружбе, заключалось в том, что внутренне все мы схожи и что, будь мы королевской крови или самого низкого социального положения, у нас одни и те же симпатии и антипатии, одни и те же боли и страдания, одни и те же источники счастья и одно и то же побуждение духовно двигаться вперёд. Великий князь был убеждённым спиритуалистом, и мы **211]** увлекательно проводили время, устраивая небольшие сеансы в огромной гостиной Алисы.

Однажды г-н Румянов позвонил моему мужу и спросил, свободны ли мы с ним сегодня вечером, и если да, то не согласимся ли сопровождать великого князя в два места, где ему предстоит выступить. Мы были рады сделать это и поехали с ним, а после беседы ограждали его от охотников за автографами. На обратном пути в отель великий князь вдруг повернулся ко мне и спросил: “Г-жа Бейли, если я скажу Вам, что тоже знаю Тибетца, будет ли это что-нибудь значить для Вас?” “Да, сэр, — сказала я, — это значило бы очень многое”. “Что ж, — ответил великий князь, — в таком случае вы понимаете этот треугольник: Вы, Фостер и я”. По-моему, это была наша последняя встреча. Вскоре он уехал на юг Франции, а мы поехали в Англию.

Пару лет спустя, однажды около 6.30 утра я сидела в постели и читала, как вдруг к моему изумлению, вошёл великий князь, одетый в темно-синюю пижаму, которую часто носил. Он взглянул на меня, улыбнулся, помахал рукой и исчез. Я пошла к

Фостеру и сказала, что великий князь умер. Так и оказалось. На следующий день в газетах я увидела некролог. Покидая Америку, он подарил мне свою фотографию, конечно, с автографом, а примерно год спустя она исчезла. Она бесследно пропала, и поскольку его больше не было в живых, я очень сожалела о пропаже и была уверена, что её стащил какой-нибудь охотник за автографами. Несколько лет спустя, когда я шла вниз по 43-й улице в Нью-Йорке, я внезапно увидела великого князя, шедшего мне навстречу. Он улыбнулся и прошёл мимо, а когда я поднялась к себе в офис, то увидела на столе утерянную фотографию. Очевидно, между великим князем, Фостером Бейли и мною была тесная связь на духовном уровне. В каком-нибудь следующем воплощении мы узнаем причину встречи, установившейся дружбы и понимания в этой жизни.

212] На жизнь следует смотреть не как на изолированное событие, а как на эпизод в ряде жизней. То, что происходит сегодня, друзья и семья, с которыми мы связаны, качества, характер и темперамент, который мы выказываем — все они лишь подытоживают прошлое. То, какими мы будем в следующей жизни, будет результатом того, какими мы были и что делали в этой жизни.

Эти годы были заполнены делами. Девочки взрослели, и вокруг них вились мальчики. Школа неуклонно росла, и у меня появилось ощущение уверенности и осознания, что я нашла работу, о которой говорил мне К.Х. в 1895 году. Доктрины о перевоплощении и о Законе Причины и Следствия разрешили проблемы моего вопрошающего ума. Иерархия была мне известна. У меня было право вступать, когда нужно, в контакт с К.Х., так как мне уже можно было доверять в том отношении, что я не буду обременять своими личностными делами Его Ашрам; я стала приносить больше пользы Его Ашраму и, следовательно, миру. Признание книг Тибетца в мире неуклонно росло. Я и сама написала несколько книг, которые были хорошо встречены, — написала их, чтобы доказать, что можно выполнять так называемую психическую работу, такую, как моя работа с Тибетцем, и всё же сохранять собственные установки ума и быть интеллектуальным человеческим существом. Благодаря книгам и росту числа членов Школы мы с Фостером контактировали со всё большим числом людей во всём мире. Потоком сыпались письма с вопросами, с просьбами о помощи или с требованием, чтобы мы учредили группу в той или иной стране.

Я всегда придерживалась той теории, что наиболее глубокие и эзотерические истины можно кричать с кровель широкой публике, и если нет внутреннего механизма духовного

распознавания, то и никакого вреда от них не будет. Поэтому клятвы о сохранении тайны становятся бессмысленными. Никаких тайн нет. Есть только **213]** изложение истины и её понимание. В умах рядовых людей царит большая путаница в связи с эзотеризмом и магией. Магия — это способ работы на физическом плане с субстанцией и материей, энергией и силой, чтобы создавать формы, через которые жизнь может себя выразить. Эта работа опасна, поскольку она имеет дело с элементальными силами, и поэтому даже чистый сердцем нуждается в защите. Эзотеризм — это, в действительности, наука о душе. Он касается живого, духовного, жизненного принципа в каждой форме. Он устанавливает единство как во времени, так и в пространстве. Он мотивирует и осуществляет План под углом зрения стремящегося и является наукой о Пути; он наставляет человека техникам грядущего сверхчеловечества и, тем самым, позволяет ему утвердиться на Пути более высокой эволюции.

Постепенно вырисовывалась учебная программа Школы. Формы нашей работы были и остаются гибкими, чтобы удовлетворять меняющиеся потребности. Мало-помалу подбирался штат тренированных людей для проведения работы. Пятнадцать лет назад (в 1928 году) мы переехали в нашу нынешнюю штаб-квартиру, и сегодня на 32 и 33 этажах располагаются штаб-квартира Школы Арканов, Люцис Траст, Работы Доброй Воли и Люцис Паблишинг Компани. Мы начали с горстки учащихся, а сейчас осуществляем целый ряд духовных проектов, посвящённых служению человечеству, бесприбыльных и охватывающих весь мир — и всё это благодаря учащимся Школы Арканов.

ГЛАВА VI

214] 1930 год отмечает последний год того периода, который я называю нормальной жизнью. Начиная с этого времени, я погрузилась в работу в Европе и Великобритании, так же как и в США, да и помолвка и замужество девочек, что довольно любопытно, потребовали от меня значительной эмоциональной отдачи. Сравнительно нормальный ритм моей жизни в 1924-1930 годах нарушился в 1931 году.

Шесть прошедшие лет были во многих отношениях годами монотонного ритма и рутины: утром подняться, работать для Тибетца, проследить, чтобы девочки встали и приготовились идти в школу, заказать продукты, поспешить на поезд в Нью-Йорк, чтобы попасть в свой офис к десяти часам, затем монотонная работа — беспрерывные свидания, разбор почты, диктовка писем, принятие решений в связи с работой школы, обсуждение текущих проблем с Фостером, ленч. Часто в конце дня я вела классы; оглядываясь на те времена, когда я преподавала основы Тайной Доктрины, я считаю их одним из самых полезных и удачных периодов моей жизни.

Книга Е.П.Б. “Тайная Доктрина” сегодня во многих отношениях устарела, и её подход к Вневременной Мудрости мало или вообще не привлекает современное поколение. Но те из нас, кто действительно изучили её и достигли некоторого понимания её внутреннего значения, обладают базовым пониманием истины, которое, по-видимому, не даёт никакая другая книга. Е.П.Б. говорила, что следующая интерпретация Вневременной Мудрости будет психологической, и *“Трактат о Космическом Огне”*, который я опубликовала в 1925 году, является психологическим ключом к “Тайной Доктрине”. Ни одна из моих книг не могла бы появиться, если бы я **215]** не изучила очень тщательно “Тайную Доктрину”.

Оглядываясь назад на годы своей юности и на этот же период у моих дочерей, я понимаю теперь, какое это трудное время — юность. Мне было гораздо трудней, чем моим девочкам, потому что мне никто ничего не говорил. У них было достаточно трудное время, но Бог знает, что мне было хуже. Мне приходилось стоять рядом, глядя, как за ними охотятся, и надеяться, что они не попадут впросак — иногда это с ними случалось. Я страдала от того, что они какое-то время считали меня старомодным родителем. Мне приходилось смиряться, когда мои взгляды рассматривались как устарелые, и я вспоминала, как бунтовала

сама. Я видела и знала так много зла в мире, что терзалась по поводу них страхами, которые оказывались совершенно ненужными, но в то же время довольно сильно портили мне нервы. Мне приходилось смиряться с их девическим убеждением, что я ничего не знаю о сексе, что я не умею общаться с мужчинами, что никто никогда не любил меня, кроме двух мужчин, за которыми я была замужем. Конечно, мои переживания были типичными переживаниями каждого родителя, который выпускает молодых людей в мир, особенно если это дочери. Сыновья освобождаются раньше и держат язык за зубами, так что средняя мать ничего не знает о делах своего сына. Таким образом, эти семь-восемь лет были трудными годами для меня, и я вовсе не уверена, что мудро справилась с трудностями. Как бы то ни было, я не принесла своим девочкам особого вреда, и это мне отрадно.

Осенью 1930 года стало очевидно, что работа школы в Великобритании и Европы разрастается. Опубликованные нами книги расходились по всему миру, через них мы входили в контакт с людьми во всех странах. Многие из этих людей вступали в Школу Арканов, причём большинство говорили по-английски. В то время наша работа ещё не проводилась на иностранных языках, и у нас не было **216]** иноязычных секретарей. Информация о том, что мы делаем и какие позиции занимаем, распространялась по всему миру, главным образом благодаря книгам и людям, которые писали нам, спрашивая о медитации или о различных проблемах.

Члены Теософского Общества, которые были недовольны узостью теософского представления истины, также устанавливали контакт с нами, и многие из них вступали в Школу Арканов. Когда они подавали заявление, я всегда указывала им, что мы не возражаем против их вступления, а вот главы Э.С. этого общества будут решительно против. Правильно я это делала или нет, но я всегда подчёркивала, что их души принадлежат им самим и что им не следует допускать ничьего диктата – ни моего, ни глав Э.С. В результате сегодня у нас в Школе Арканов состоят многие из старейших и лучших членов Э.С., которые не находят никаких противоречий между этими двумя подходами.

Смехотворная теория, проповедуемая Э.С., будто опасно следовать двум линиям медитации одновременно, не только забавляла меня, но и неизменно доказывала свою ошибочность. Во-первых, обоим подходам свойственны одни и те же качество и вибрация, а во-вторых, медитативная работа, предписываемая в Э.С., столь элементарна, что оказывает (если вообще оказывает) минимальное воздействие на центры. Хотя она очень полезна для

тех, кто находится на Пути Испытания.

Итак, Школа Арканов неуклонно росла, хотя и оставалась сравнительно немногочисленной. Нам пришлось переехать в другое помещение из-за жёстких условий аренды в Нью-Йорке, — таким образом, в апреле 1928 года мы въехали в свою нынешнюю штаб-квартиру на 42-й улице, дом № 11. В это новое здание мы въехали в числе первых и заняли верхний, тридцать третий этаж. Сегодня мы занимаем и тридцать второй этаж, но нам стало уже **217]** слишком тесно в наших помещениях, и вскоре предстоит вновь расшириться.

Некоторое время мы переписывались с одной женщиной из Швейцарии, которая обладала большими знаниями и интересовалась, чему мы обучаем и как привлечь внимание мира к Вневременной Мудрости. У неё был прекрасный дом на озере Мадджоре в Швейцарии, где она построила лекционный зал и собрала обширную библиотеку. Как-то осенью 1930 года она поздно вечером приехала к нам в Стамфорд для разговора; мы обсудили многое, она изложила нам свои идеи, интересовалась нашей точкой зрения и выразила готовность стать нашим сотрудником. Она выдвинула идею учредить с нашей помощью духовный центр в Асконе около Локарно на озере Мадджоре, который был бы неконфессиональным, несектантским и открытым для эзотерических мыслителей и учащихся всех оккультных групп в Европе и других местах. Её вкладом в это предприятие были бы уютные дома, лекционный зал и великолепные участки земли, а мы с Фостером должны были бы поехать туда и инициировать проект: читать лекции и преподавать. Она обещала нам полное гостеприимство и выразила желание, чтобы девочки сопровождали нас, если мы поедем в Аскону, обещав оплатить нам расходы на питание и жильё, но не расходы на дорогу.

Естественно, мы не могли принять решение сразу, но обещали обсудить это дело самым тщательным образом и сообщить ей своё решение после Нового 1931 года.

Проблем было много. Дорожные расходы пяти человек были весьма немалыми, и мы вовсе не были уверены, что захотим взяться за это предприятие на таких условиях. Я двадцать лет провела в Америке, не выезжая в Европу. Я не могла поехать в Европу, **218]** не навестив своей родной страны, кроме того, было много других соображений, так что мы не могли сразу принять правильного решения.

Моя подруга Алиса Ортиз в это же время приехала ко мне с предложением, которым разрешалась вся ситуация. Ничего не зная о предложении Ольги Фрёбе, она сказала мне: “Как ты

думаешь, что будет лучше для твоих девочек — чтобы я отправила их в колледж на несколько лет или чтобы они совершили путешествие за границу? Я оплачу все расходы, а тебе надо решить, что для них лучше". Мы очень подробно обсудили всё с Фостером и решили, что путешествие за границу гораздо полезнее и расширит кругозор девочек намного больше, чем окончание колледжа. Любой может получить степень в колледже, а вот совершать дальние путешествия доступно немногим. Думаю, я склонилась к этому решению потому, что сама много путешествовала, и у меня тоже не было никаких степеней.

Лишь дважды я сожалела, что у меня нет степени колледжа. Такие степени сильно переоцениваются в нашей стране, и хотя у меня их нет, я знаю, что так же хорошо образована, как и люди со степенью. Не так давно меня попросили прочитать цикл лекций в Аспирантском колледже в Вашингтоне, округ Колумбия. Я должна была говорить об интеллекте и интуиции. Колледж отпечатал и разослал объявления, но когда выяснилось, что у меня нет никаких степеней, лекции отменили. Позднее я получила письмо от президента колледжа, в котором говорилось, что факультет совершил ошибку, но исправлять её уже поздно. Вскоре после этого Корнуэлльский университет пригласил меня встретиться со студентами, рассказать им о современных духовных подходах к истине и побеседовать с небольшими группами студентов. Это приглашение также было отменено, потому что у меня нет степени колледжа.

Так или иначе я считала, что девочки научатся быть более полезными, если больше узнают о людях на других континентах, не **219]** созерцая памятники и галереи, а знакомясь с самими людьми; поэтому мы оставили все идеи об академическом образовании в колледже для девочек и отдали их в колледж жизни.

Вспоминая о нашем решении, я никогда не жалею, что девочки не учились в колледже. Они учились воспринимать людей и осознавать, что США не единственная страна в мире. Они обнаружили, что такие же прекрасные, такие же интеллектуальные, такие же хорошие и такие же плохие люди есть как в Соединённых Штатах, так и в Великобритании, в Швейцарии, во Франции и так далее.

Что нам надо делать в сегодняшнем мире, так это воспитывать граждан мира и положить конец тому примитивному национализму, который является источником столь сильной ненависти в мире. Я не знаю ничего более разрушительного, чем лозунг "Америка для американцев". Я не знаю ничего более оскорбительного, чем привычка британцев считать всех

остальных чужаками или убеждённость французов, что французы лидируют во всех цивилизованных движениях. Всё подобное должно исчезнуть. Я встречала таких же, как я, людей во всех странах, в которых жила. В некоторых странах может быть больше физического комфорта, чем в других, но люди везде одинаковы.

Полагаю, что по мере того как я переезжала из одного города в другой в Штатах, Великобритании или на континенте, слушая, что люди говорят друг о друге, видя, как они критикуют друг друга, осмеивают друг друга, презирают друг друга, я убеждалась в этом сходстве больше, чем многие другие люди, и поэтому мне хотелось бы, чтобы девочки преисполнились именно чувством единства человечества. Думаю, у них сейчас более разносторонняя точка зрения, чем у среднего человека, потому что они много путешествовали; своим пониманием я тоже обязана тому, что путешествовала — не только горизонтально, по многим странам, но и вертикально — вверх и вниз по социальной лестнице. Великая наука — любить людей, и я родилась с любовью к людям. Один из лучших людей, **220]** которых я знала и считала своим другом, был сыном императора. Первая, самая дорогая подруга, которая была у меня тридцать пять лет назад, когда я приехала в США, была негритянка. Эти люди занимают равное место в моём сознании, и я думаю о них с одинаковой нежностью.

Я обнаружила, что девочки вполне способны справиться своими силами с любой проблемой и ситуацией, хотя всего лишь закончили среднюю школу в Америке. Если у детей есть способности и они живут в доме, где ценится интересное и подчёркивается значение человеческих ценностей, то я не знаю в мире лучшего учебного заведения для подростков, чем американская средняя школа.

Весной 1931 года мы решили принять приглашение Ольги Фрёбе и поехать на несколько месяцев в её дом на итальянских озёрах. Можно себе представить, с каким возбуждением девочки строили планы, покупали чемоданы, укладывали одежду и гадали о том, что там произойдет. Они никогда в жизни не покидали Соединённых Штатов, за исключением моей старшей дочери Дороти, которая побывала на Гавайях. Алиса Ортиз проявила своё обычное благородство и позаботилась о том, чтобы у нас всех была приличная одежда, а также оплатила все дорожные расходы.

Мы выбрали небольшое судно, которое шло из Нью-Йорка прямо в Антверпен, в Бельгию; признаюсь, что жизнь на борту с тремя девочками, полными жизни и энергии, немного утомительна. Уследить за ними было трудно. Нелегко было загонять их каждый вечер в постель. Ведь девушке совсем не

смешно, когда она самозабвенно танцует с каким-нибудь офицером и вдруг, увидев стоящего в стороне родителя, понимает, что ей пора ложиться спать. Но они вели себя очень хорошо, хотя и были очень возбуждены. Они знали всех на борту: кто такие, откуда едут и как зовут, и пользовались огромной популярностью.

221] Несколько лет назад я наткнулась на большой узел и, развязав его, обнаружила три затейливых бальных наряда, которые я сделала для девочек на борту судна. Идея была совсем неоригинальная, наряды были звёздно-полосатыми: тёмно-синие юбки с белыми полосами и белые блузки, усыпанные красными пятиконечными звёздами. Я отказалась от мысли пришить сорок восемь звёзд на каждую блузку, так как это требовало много шитья, но общий замысел был самым патриотическим и забавным.

Никогда не забуду день, когда мы вошли в устье реки Шельды и пришвартовались в Антверпене. Девочки, разумеется, никогда не видели иностранных городов. Всё казалось им новым и странным: от фиакра, на котором мы ехали в отель, до перин на кроватях. Мы остановились в отеле “Фландрия” и прекрасно провели несколько дней в Антверпене. Помеченные скатерти в Лан Виордине, иностранная кухня и кофе с молоком — всё сильно их волновало, а для меня было полным воспоминаний.

К нам присоединилась моя подруга, чтобы побыть с нами в Асконе, но несколько дней спустя она оставила нас в Антверпене, так как хотела совершить с дочерью поездку по Рейну. У неё было совершенно отличное от нашего с Фостером представление, как нужно наслаждаться другой страной. Утром она спускалась вниз с дочерью по одну руку и с путеводителем Бедеккера в другой руке. “Алиса, — говорила она мне, — что ты собираешься посмотреть сегодня утром? В путеводителе тремя звёздочками отмечена одна статуя, а ещё можно посмотреть Рубенса в кафедральном соборе и массу всего другого. Что ты планируешь в первую очередь?” К её большому удивлению, я говорила ей, что нам ничего этого не нужно, поскольку нас не интересуют статуи давно умерших военачальников и церкви, которые можно посетить.

Я сказала ей, что моя главная идея заключается в том, что девочки должны проникнуться атмосферой страны, в которую они **222]** приехали, посмотреть на людей, как они живут и что делают в разные часы дня. Поэтому мы собирались побродить по улицам, посидеть в маленьких кафе под навесами за чашкой кофе или просто так, наблюдая за людьми, слушая и разговаривая. Именно этим мы и занимались, пока она бегала по разным местам. Я никогда не водила девочек по галереям, чтобы посмотреть на

статуи, не говорила о церквях и вообще не делала того, что обычно делают туристы. Мы бродили по улицам. Мы заглядывали в сады. Мы совершали прогулки по пригородам. По истечении нескольких дней девочки накопили огромное количество знаний о городе и его окрестностях, его жителях и его истории. Мы не покупали сувениров, но мы фотографировали, покупали красочные открытки и обнаружили, что местные жители очень похожи на нас.

Из Антверпена мы поехали в Локарно, в Швейцарию, — поезд дальше не ходил; там Ольга нас встретила и повезла на свою восхитительную виллу, где мы прожили несколько недель. Поездка на поезде была чудесной для девочек, но утомительной для меня. Мы ехали на “Голубом поезде” через Симплон и долину Чинто.

Совершенно безнадёжно пытаться описать красоту итальянских озёр. По моему мнению, озеро Маджоре, на берегу которого находится вилла Ольги, является одним из прекраснейших и самых больших озёр в Италии. Часть озера находится на швейцарской территории в кантоне Тичино, но большая часть его находится в Италии. Озеро очень голубое, деревеньки очень живописны, они гнездятся на склонах холмов, спускающихся прямо к воде. Я не знаю ничего более прекрасного для взора, чем вид на озеро из Ронко. Бесполезно описывать всё это, так как мне не хватает слов, но такую красоту никто из нас не забудет. Что-то подобное рисуешь себе в минуты усталости и разочарования; между тем, за всей этой красотой скрываются разложение и очень древнее зло.

223] Этот округ одно время был центром чёрной мессы в Центральной Европе, — соответствующие свидетельства можно найти на дорогах страны. Когда-то жители окрестных деревень покинули эти места из-за экономических условий, и в них нахлынули группы людей из Германии и Франции, чьи цели и идеалы были какими угодно, только не достойными и чистыми. Несколько предвоенных лет, особенно в Германии, были особенно отвратительными. Культивировались все виды пороков и зла, и массы тех, кто вёл этот нежелательный образ жизни, спешили летом на итальянские озёра. Когда-нибудь это место будет очищено и здесь начнётся настоящая духовная работа. С чем нам приходилось бороться, так это с духом зла, которым были проникнуты местность и извращённые, неприятные люди, жившие по берегам озера.

Как только я обнаружила, что представляет собой это место, пропитанное, несмотря на всю свою красоту, изрядным злом, я просто села и рассказала девочкам всё как есть. Я решила, что

они не должны быть такими наивными, иначе они подвергнутся опасности; я показала им людей на дорогах, которые, несомненно, относились к нежелательному типу. Я не облекала эту информацию в благопристойные выражения. Я прямо и откровенно рассказала, в чём дело, упомянула о вырождении и гомосексуализме, так что они прошли невредимыми через всё то, что могло бы повредить им. Я ничего не утаила от них, не скрыла никаких грехов и неблаговидных дел. Я показала им этот тип людей, которые злоупотребляли подобными вещами, — они так бросались в глаза, что девочки не сомневались в моей правоте. Я никогда не считала, что надо скрывать от молодых людей информацию о том, чего не надо делать.

Я позволяла им читать всё, что они хотят, при условии, что если **224]** книга, по моему ощущению, мерзкая, я скажу им об этом и спрошу, почему они хотят её прочесть. Мой опыт подсказывает, что если вы совершенно откровенны и искренне позволяете им читать даже то, что сами считаете никчёмным, то их природная чистота и естественная брезгливость будут надёжной защитой. Они никогда не читали тайком, насколько мне известно, потому что знали, что могут читать всё, что хотят и что я открыто выскажу своё мнение. Как бы то ни было, девочки провели три лета в Асконе и узнали многое из того, что там происходило, но это не причинило им вреда.

В первое лето в Асконе мы остановились у Ольги в доме, а потом заняли небольшой коттедж, выступающий над озером, который она оборудовала на свои средства. Рядом с нашим домом она построила великолепный лекционный зал, где утром и днём проводились собрания. Места были восхитительные. Условия для плавания и катания на лодке были идеальные, и предоставляющиеся возможности казались нам посланными самим небом и открывали перед нами большие перспективы в будущем. В первый год нашего пребывания там группа была маленькой, но в два последующих года она неуклонно разрасталась, и я сказала бы, что работа была очень успешной. Там встречались люди разных национальностей; мы неделями жили вместе и очень многое узнавали друг о друге. Казалось, национальных барьеров нет, и все мы говорим на одном и том же духовном языке.

Именно там мы познакомились с д-м Робертом Ассаджиоли, который потом несколько лет был нашим представителем в Италии; наш контакт с ним и многолетняя совместная работа составляют одно из самых замечательных и счастливых звеньев нашей жизни. Он был одно время ведущим специалистом по мозгу в Риме, и когда мы познакомились, считался выдающимся

европейским психологом. Он человек редкого благородства. Как только он входил в комнату, его сущностные духовные качества сразу давали о себе **225]** знать. Франк Д. Вандерлип в своей книге “Будущее Европы” восторженно отзывается о нём. Он называет его современным Св. Франциском Ассизским, и рассказывает, что утро, проведённое им с Робертом, было кульминацией его путешествия по Европе. Д-р Ассаджиоли еврей. В то время, когда мы познакомились в Асконе и позднее навещали его в Италии, к евреям в этой стране относились хорошо. Примерно тридцать тысяч евреев в Италии рассматривались как итальянские граждане и не подвергались никаким ограничениям или преследованиям.

Выступления д-ра Ассаджоли были выдающимися событиями на конференциях в Асконе. Он читал лекции на французском, итальянском и английском языках, и изливавшаяся через него духовная мощь стимулировала многих к духовному обновлению жизни. Первые два года лекции читали в основном мы с ним, хотя были и другие знающие и интересные докладчики. В последний год нашего пребывания в Асконе там появилось множество немецких профессоров, и весь тон и качество этого места изменились. Некоторые из них были крайне нежелательными персонами, и излагаемое учение сместилось с относительно высокого духовного плана на план академической философии и ложного эзотеризма. 1933 год был последним годом, когда мы там были.

Второе лето, которое мы провели в Асконе, было одним из самых интересных. К нам приехал великий князь Александр и провёл несколько очень интересных бесед, а ещё более важным для меня было прибытие в Аскону Виолетты Твидейл. День её прибытия был для меня праздником; я как сейчас вижу, как она спускается с мужем по холму и благодаря мощи своей духовной индивидуальности немедленно начинает доминировать над всем центром. Она была такой красивой, такой изящной, такой величественной; её прибытие ознаменовало начало подлинной дружбы между её мужем, ею, мной и Фостером. Позднее мы часто останавливались в **226]** их прекрасном доме в Торкее, в Южном Девоншире, и когда я уставала или беспокоилась, то обычно спускалась к Виолетте и беседовала с ней. Она была продуктивной писательницей и написала множество популярных рассказов; её книги о психизме, основанные на её собственных переживаниях, известны и увлекательны, а одна из последних книг, “Космический Христос”, получила широкое распространение, что очень хорошо. Она была одним из немногих психиков в мире, которым можно было абсолютно доверять. Она

была высоко интеллектуальна, обладала развитым чувством юмора и сильным духом исследователя. Она серьёзно изучала книги Тибетца, и я высылала ей по мере написания всё, что Он писал. Она дружила с людьми как высокого, так и низкого положения и после её недавней смерти сотни людей, как и мы с мужем, испытали чувство невосполнимой утраты. Её муж отдал мне брошь, которую она постоянно носила. Я ношу её всё время и всегда вспоминаю о ней с глубочайшей любовью и нежностью.

Каждый год после поездки за границу мы на несколько месяцев возвращались в Соединённые Штаты, обычно оставляя девочек в Англии, где в случае необходимости снимали дом. Один дом, Оспринджж Плейс в Кенте, был весьма любезно предоставлен в наше распоряжение нашей подругой и учащейся Школы.

За эти годы все три девочки вышли замуж. Как уже сообщалось, Дороти вышла замуж за капитана Мортона, который на шесть месяцев старше и удивительно ей подходит. Это один из тех действительно счастливых браков, о которых приятно вспоминать. Думаю, оба они счастливы. Я знаю, что Теренс — идеальная пара для Дороти; он спокоен, умён, сердечен и твёрд, когда требуется, а Дороти остроумна, блестяща, является глубоким мыслителем и хорошим психологом, обладает живым нравом, очень художественной натурой и предана своему мужу. Затем Эллисон вышла замуж за офицера Артура Лихи, товарища Теренса. Артур и Теренс в настоящее **227]** время полковники и находятся на действительной службе за границей. Вторая же моя дочь Милдред вернулась с нами в Штаты и там вышла замуж за Мередита Пуга; этот брак оказался очень несчастливым, хотя, судя по некоторым признакам, он не должен был быть таким. Возникли такие драматические обстоятельства, что в течение четырёх месяцев Милдред была помолвлена, вышла замуж и развелась, причём у неё должен был родиться сын. Маленький сынишка оказался более чем достаточной компенсацией за всё, через что она прошла. Нет нужды вдаваться в детали этой истории. Во всех отношениях Милдред справилась с труднейшей ситуацией, проявив самообладание, спокойствие и мудрость. Когда она вернулась ко мне в Англию, я была удивлена отсутствием в ней злости, или духа мщения и отплаты, а также тем, что можно выглядеть такой отчаянно больной и всё же находить силы жить.

Все эти годы, когда мы с мужем проводили пять месяцев в Великобритании и Европе и семь месяцев в Соединённых Штатах, работа школы неуклонно расширялась. Работа, выполнявшаяся в течение трёх лет в Асконе, привлекла в школу множество людей

разных национальностей, которые вместе с другими, уже вступившими в школу после чтения книг, образовали во многих странах Европы ядро, вокруг которого мы могли строить будущую работу. Работа в Испании под руководством Франсиско Бруальи продвигалась исключительно хорошо, и у нас уже было несколько сотен испанских учащихся, главным образом мужчин. Работа в Великобритании также двигалась вперёд. Небольшие группы учащихся, разбросанные по всему миру, в полном составе начали вступать в школу.

Одна такая группа в Индии очень заинтересовала меня. В Индии действовала организация под названием Суддха Дхарма Мандала. Её основал сэр Субра Маниер. Это был оккультный орден, по-видимому, продвинутого типа. Мне попалась одна из книг, которую **228]** они издали, и я обнаружила, что в этом ордене работают несколько лидеров Теософского Общества, переросших рамки эзотерической секции Т.О. Я не охотница вступать в организации, однако написала главе ордена и попросила принять меня в её члены, но не получила ответа. На следующий год, поскольку от них ничего не было, я написала снова и заказала некоторые их книги, приложив чек для оплаты. Ответа я не получила, и никаких книг послано не было, хотя чек был обналичен. Спустя несколько месяцев я послала копию своего предыдущего письма главе ордена, но снова не получила никакого ответа. Я прекратила попытки и решила, что это одна из тех своеобразных мошеннических организаций, которые дурачат легковерных жителей Запада.

Три года спустя я поехала в Вашингтон, округ Колумбия, чтобы прочесть курс лекций в отеле Нью-Уиллард. По окончании лекции ко мне подошёл человек с небольшим саквояжем в руке и сказал: “По поручению Суддха Дхарма Мандалы я должен передать вам книги”. Это были книги, которые я заказывала, и моя вера в порядочность организации была восстановлена. Какое-то время от них не было никаких известий, затем я получила письмо от члена группы, извещавшее, что сэр Субра Маниер скончался, что моя книга “Трактат о Космическом Огне” всегда была с ним, и что на своём смертном ложе он потребовал от семи старших членов своей организации вступить в Школу Арканов и встать под моё руководство. Они сделали это, и ряд лет эта весьма интересная группа старых индийских учащихся работала с нами. Все эти люди были в возрасте и постепенно умирали, так что сегодня никого из них уже не осталось. Они очень чтили Е.П.Блаватскую, и я находила общение с ними очень интересным.

Другое связующее звено с Е.П.Б. появилось, когда к Школе Арканов присоединилась небольшая группа учеников Синнетта, и

229] первой из них была моя подруга Лейна Роуэн-Гамильтон. Они привнесли в жизнь школы некоторые давние традиции и сильное ощущение связи с источником Вневременной Мудрости, открывшимся в XIX столетии, когда её свет устремился на Запад.

Одной из интересных тенденций школы стало неуклонное ужесточение требований к её членам. Мы всё больше отвергаем учащихся, которые находятся исключительно на эмоциональном уровне, и подчёркиваем необходимость наличия определённого ментального фокуса и развития, если человек хочет пройти более продвинутый тренинг в объёме наших старших курсов. С годами и с обострением нужды мира соответствующая потребность в тренированных учениках тоже становится всё более очевидной. Мир предстоит спасти тем, у кого есть и интеллект, и любовь; устремления и доброго намерения недостаточно.

За эти годы путешествий мы познакомились со многими видами оккультизма в различных странах Европы. Повсюду можно было соприкоснуться с небольшими группами, опиравшимися в своей работе на какие-то аспекты Вневременной Мудрости и представления эзотерической истины. Повсюду можно было видеть первые признаки поднимающегося духовного прилива, в Польше и Румынии точно так же, как в Великобритании и Америке. Словно перед человечеством открылась дверь в новую духовную жизнь, что вызвало соответствующий подъём сил зла, который и достиг кульминации в Мировой Войне; я не верю, что война прервала этот духовный прилив. Я уверена, что он приведёт к интенсификации духовной тяги, и у тех из нас, кто работает на винограднике Учителей, не будет в будущем недостатка в работе организации, поощрения и наставления тех, кто духовно пробудился.

Одно из соображений, побудивших меня писать эту автобиографию, заключается в том, что я и связанная с нами группа имели **230]** возможность наблюдать и распознавать определённые прогрессивные сдвиги, которые происходили на Земле под руководством и влиянием Иерархии. Частично работу, имеющую целью положить начало новому веку и будущей цивилизации, особенно под духовным углом, инициировали мы сами. Оглядываясь назад на прошедшие годы, мы ясно видим, что именно было совершено Иерархией через нас как посредников.

В моих словах нет хвастовства или самодовольства. Мы являемся лишь одной из многочисленных групп, через которые работают Учителя Мудрости, и любая группа, забывающая это, склонна к высокомерному изоляционизму и, следовательно, близка к неудаче. Нам было разрешено осуществить определённые проекты. Другие ученики и группы несут

ответственность за проведение других проектов под руководством своих Учителей. Все эти проекты, осуществляемые под Иерархическим вдохновением и в духе истинного смирения и понимания, являются составными факторами великого духовного предприятия, начатого Иерархией в 1925 году. Одно из проявлений этой Иерархической цели я хочу сейчас рассмотреть.

В 1932 году, когда мы были в Асконе, я получила от Тибетца сообщение, которое было опубликовано осенью в виде брошюры под названием *“Новая Группа Мировых Служителей”*. Это было событием эпохального значения, хотя пока лишь немногие осознали его истинный смысл.

По замыслу духовной Иерархии нашей планеты, сейчас в процессе формирования находится группа, которая содержит в себе ядро грядущей мировой цивилизации и характеризуется качествами, которые будут отличать эту цивилизацию в течение следующих двух с половиной тысяч лет. Этими качествами являются главным образом дух включения, могучее желание бескорыстно служить **231]** своим собратьям плюс явное чувство духовного водительства, исходящего с внутренней стороны жизни. Эта новая группа мировых служителей включает в себя два подразделения. Первая часть группы имеет тесную связь с духовной Иерархией. Она состоит из стремящихся к ученичеству, работающих под руководством некоторых учеников Учителей, которые в свою очередь направляются и руководятся немногими мировыми учениками, чья деятельность проводится в таком масштабе, что определённо является международной. Эта группа действует как посредник между духовной Иерархией планеты и массой человечества. Через неё Учителя Мудрости под руководством Христа осуществляют глобальные планы мирового спасения.

Эта попытка вести человечество вперёд в новых, более конкретных направлениях и в гораздо более широких масштабах, чем прежде, становится возможной благодаря наступлению века Водолея. Век Водолея является как астрономическим, так и астрологическим.

Сегодня в мире против астрологии существует сильнейшее предубеждение; с одной стороны оно понятно, с другой стороны оно является предохраняющим барьером для людей доверчивых и недалёких. Предсказательная астрология, с моей личной точки зрения, и опасна, и представляет собой препятствие. Если человек высоко развит, он начинает управлять своими звёздами. Он делается непредсказуемым, его гороскоп оказывается неточным и вообще теряет всякий смысл. Если же человек неразвит, он, по всей вероятности, полностью обусловлен своими звёздами и у

него, следовательно, совершенно точный гороскоп (в смысле исполнения). Если это так и человек подчиняется диктату своего гороскопа, его свободная воля полностью сводится на нет, его работа проводится исключительно в рамках его гороскопа, и он не прикладывает никаких личных усилий, чтобы освободиться от всевозможных предопределяющих факторов.

Я часто улыбаюсь про себя, когда люди хвастают, что у них **232]** абсолютно точный гороскоп и что с ними всё происходит именно так, как он указывает. То, что они говорят, в действительности означает следующее: я совершенно посредственная персона; у меня нет собственной свободной воли; я полностью обусловлен своими звёздами и, следовательно, не имею ни малейшего намерения совершить какой-либо прогресс в этой жизни. Это тот тип гороскопа, браться за который лучшие астрологи избегают. Наиболее тонкие люди в этой области стараются главным образом обозначить характер, что в высшей степени полезно, и открыть, как именно составить гороскоп души, чтобы уяснить жизненную цель воплотившегося индивидуума и, следовательно, провести чёткое разграничение между тенденциями личности, установившимися на протяжении многих воплощений, и выявляющимися целью и волей души.

Если же перейти к рассмотрению астрологической стороны астрономических событий, всё совершенно меняется. Люди слышат утверждение, что мы сейчас переходим в знак Водолея; это означает, что Солнце, двигаясь по Зодиаку, который является воображаемой траекторией Солнца в небе, проходит через созвездие Водолея. Это в наше время астрономический факт, не имеющий никакого отношения к астрологии. Однако влияние, оказываемое знаком, через который Солнце проходит в любой конкретный мировой период, неопровержимо, и я могу доказать это вам прямо сейчас.

Перед еврейским домостроительством, когда Моисей выводил детей Израиля из Египта, Солнце было в знаке Тельца. Оно проходило через знак Быка. Тогда на Земле практиковались мистерии Митры, центрировавшиеся вокруг принесения в жертву священного быка. Грех детей Израиля в пустыне, который вызвал сильный гнев Моисея, когда он спустился с горы Господа и обнаружил, что они **233]** падают ниц перед золотым тельцом, состоял в том, что они вернулись к прошлой устаревшей религии, которую должны были оставить. Само еврейское домостроительство управлялось знаком Овна (Барана), через который Солнце проходило в течение двух следующих тысячелетий. Тогда в еврейской истории появился козёл отпущения. Библейский сюжет об овне, запутавшемся в чаще, и

другие подобные сюжеты объяснялись прохождением Солнца через знак быка и знак барана.

Нечто иное, помимо открытий академической астрологии, которые даже сегодня могут восприниматься лишь очень немногими людьми, произвело эти естественные реакции. Какое-то влияние, исходящее от знаков быка и барана, породило символизм, который обусловливал религиозную жизнь людей той эпохи. Это стало ещё более очевидным, когда Солнце перешло в следующее созвездие — знак Рыб. Тогда появились Христос и символизм рыб, который пронизывает все евангельские сюжеты. Учениками Христа были в основном рыбаки. Он производил чудеса с рыбами и напутствовал Своих апостолов стать после Его смерти — под руководством апостола Петра — ловцами человеков. Именно поэтому папская митра похожа на рот рыбы.

Сейчас, согласно данным астрономии, мы переходим в знак Водолея, знак водоноса, знак универсальности, ведь вода — это универсальный символ. Незадолго до Своей смерти Христос послал Своих учеников найти человека, несущего кувшин воды, который привёл их в горницу, где и произошла первая служба. Всё это указывает на осознание Христом грядущей новой эры, которая последует после Его домостроительства, и в которую мы ныне вступаем. Великая картина Леонардо да Винчи, изображающая тайную вечерю в горнице, является великим символом века Водолея, — так мы **234]** будем сидеть все вместе под любящим руководством Христа, когда установится братство, и люди будут связаны узами божественных отношений. Старые барьеры между людьми и между нациями будут постепенно исчезать в течение двух следующих тысячелетий.

Именно для того, чтобы положить начало этой работе, Иерархия объявила о появлении на Земле Новой Группы Мировых Служителей, веде***о***мых и направляемых учениками и духовными стремящимися, которые не знают чувства обособленности, для которых все люди равны, независимо от цвета кожи и вероисповедания, и которые дали обет неустанно работать для содействия международному взаимопониманию, экономическому сотрудничеству и религиозному единству.

Вторая часть Новой Группы Мировых Служителей состоит из мужчин и женщин доброй воли. Они, строго говоря, не являются духовными стремящимися. Они не особенно интересуются Планом и могут ничего не знать о планетарной Иерархии. Но они хотят установления правильных отношений между людьми. Они хотят, чтобы на Земле царили справедливость и доброта. Под руководством учеников мира и их помощников таких людей можно тренировать практически и эффективно выражать добрую

волю. Так они могут выполнять основополагающую, фундаментальную работу подготовки мира к более полному выражению духовной цели. Они могут знакомить род человеческий с необходимостью правильных человеческих отношений, выражаемых в каждом обществе, в каждой нации и, наконец, в международном масштабе.

Шансы для этого появились в результате разрушений, вызванных нынешней мировой войной. Зло неправильных человеческих отношений, порочность агрессии и расовой дискриминации стали такими очевидными, что только тупой и неразумный человек неспособен увидеть необходимость активного проявления доброй **235]** воли. Как много людей, исполненных благими намерениями, теоретически принимая тот факт, что Бог есть любовь, в блаженном неведении ждут, когда Он привьёт эту любовь людям!

Так Новая Группа Мировых Служителей вошла в сознание современного человечества. Брошюра, обрисовывающая этот идеал, получила самое широкое распространение. За ней последовали другие брошюры, написанные Тибетцем и расширяющие основную тему духовной цели и доброй воли. Тибетец описал в них определённую процедуру, которой мы должны следовать. Он рекомендовал составлять списки мужчин и женщин доброй воли в разных странах мира. Он предложил организовывать так называемые Единицы Служения. Он показал нам суть учения, которое они должны получать, и эти предложения и предписания мы немедленно стали осуществлять.

С 1933 по 1939 годы мы занимались распространением доктрины доброй воли, организацией Единиц Служения в девятнадцати странах и поиском мужчин и женщин, которые откликаются на в*и*дение Тибетца и готовы сделать всё возможное для того, чтобы устанавливать правильные человеческие отношения и распространять идею доброй воли среди людей.

Нас с Фостером никогда не удовлетворял акцент, который делается на защите мира. Годами группы в защиту мира распространяют идею мира, накапливая списки людей, поддерживающих идею мира — а кто её не поддерживает? — и повсеместно требуя мира. Мы очень сильно ощущали, что это равносильно тому, чтобы ставить телегу впереди лошади.

В дни яростной пропаганды мира между первой и второй мировыми войнами идея мира распространилась очень широко. Миллионы подписей появились под воззваниями, требующими мира. **236]** Страны Оси приветствовали пропаганду мира, потому что она создавала усыпляющую атмосферу, в которой не предпринимались никакие шаги для вооружения наций против

возможных агрессоров. Хотя война обусловлена главным образом ужасными экономическими условиями, мало что делалось, чтобы исправить эти условия. Люди продолжали голодать; многие во всех уголках мира по-прежнему получали недостаточную зарплату; детский труд не был ликвидирован ни в одной стране, хотя в этом направлении и были достигнуты большие успехи; перенаселённость мира неуклонно увеличивала трудности. Все условия, способствующие развязыванию войны, были налицо повсюду, несмотря на клич “да будет мир на земле”.

Ангелы в Вифлееме пели: “Слава в вышних Богу”, — это означает финальное завершение и цель. Затем “И на земле мир” — применительно к человечеству в целом. И как первый, абсолютно необходимый шаг: “В человеках благоволение”. Если мы хотим мира, то сначала должна появиться добрая воля, — вот о чём мы забыли. Люди пытались положить начало эпохе мира прежде, чем появились какие-либо признаки доброй воли. Мира не будет до тех пор, пока добрая воля не станет обусловливающим фактором во всех человеческих отношениях.

Другим эпохальным проектом Тибетца была диктовка “*Трактата о Космическом Огне*”. В этой книге Он дал то, что, согласно пророчеству Е.П.Б., Он должен был дать, а именно психологический ключ к космическому творению. Е.П.Б. утверждала, что в XX столетии появится ученик, который даст информацию относительно трёх огней, рассматриваемых в “Тайной Доктрине”: электрического огня, солнечного огня и огня трения. Это пророчество исполнилось, когда был дан “*Трактат о Космическом Огне*”. В этой книге рассматриваются огонь чистого духа, или жизни; огонь ума, который оживотворяет каждый атом Солнечной системы и создаёт то, **237]** благодаря чему развиваются Сыны Божьи. В ней также рассматривается огонь материи, производящий притяжение и отталкивание, которые являются базовым законом эволюции, удерживающим формы вместе, чтобы обеспечить проводники для эволюционирующей жизни, а позднее, когда они послужат своей цели, отталкивающим эти формы, чтобы эволюционирующие жизни могли двигаться дальше по пути более высокой эволюции. Истинное значение этой книги будет оценено лишь к концу нынешнего столетия. В ней содержатся глубокие технические знания, находящиеся вне понимания обычного читателя. Кроме того, это связующая книга, поскольку некоторые фундаментальные восточные идеи и фразы разъясняются в ней для западного читателя и в то же время показывается практическое приложение смутных метафизических концепций Востока.

Третьим уникальным действием Тибетца, причём за последние несколько месяцев, было изложение платформы новой мировой религии и определённых указаний относительно ритуалов, на которых она может быть основана.

Давно была очевидной необходимость в какой-то точке контакта между экзотерическими религиями Запада и эзотерическими вероучениями Востока. На уровнях эзотерического, или духовного, подхода к божественному между Востоком и Западом всегда имелось согласие. Техники, которых придерживается мистический искатель Бога на Западе, подобны тем, которым следует искатель на Востоке. В некоторой точке движения к Богу все пути сливаются, и на всех последующих стадиях приближения процесс сходен. Этапы медитации аналогичны, что очевидно для каждого, кто изучает работы Майстера Экхарта и Йога Сутры Патанджали. Все великие расширения сознания, обрисованные в индусской философии, и пять великих расширений, описанные в виде пяти великих кризисов в **238]** жизни Христа, о которых сообщается в Новом Завете — тоже совпадают. Когда человек начинает сознательно искать Бога и сознательно подвергает себя дисциплине и испытаниям, он уподобляется искателям как Востока, так и Запада, тем, кто жил до прихода Христа, и тем, кто находится в поиске сегодня.

Именно пытаясь прояснить отношения между Востоком и Западом, я написала книгу *“Свет Души”*. Это комментарии на Йога Сутры Патанджали, который жил и учил, по-видимому, за девять тысячелетий до Христа. Тибетец пересказал мне древние санскритские фразы, так как я не знаю санскрита, но комментарии я написала сама, поскольку стремилась представить интерпретацию Сутр, более подходящую для западного типа ума и сознания, чем обычное восточное представление. Я также написала книгу *“От Вифлеема до Голгофы”*, в которой проследила значение пяти главных эпизодов в жизни Христа — рождение, крещение, преображение, распятие и воскресение — и их связь с пятью посвящениями, о которых рассказывают восточному ученику. Обе эти книги имеют определённое отношение к новой мировой религии.

Должно наступить время, когда работа великого Учителя Востока Будды, Который пришёл на Землю, достиг просветления и стал водителем и наставником миллионов жителей Востока, и работа Христа, Который пришёл как наставник и спаситель, признанный прежде всего на Западе, должны слиться воедино. В Их учениях нет расхождений или противоречий. Между Ними нет конкуренции. Они выступают как два величайших мировых

наставника и спасителя. Один привел ближе к Богу Восток, другой – Запад.

Именно эту тему Тибетец разработал в Своей брошюре *“Новая Мировая Религия”*. Он показал, что работа Будды подготовила **239]** людей к Пути Ученичества, тогда как работа Христа подготовила людей к Посвящению. Тибетец указал в Своей работе ритуал, в котором великий день Будды, праздник Весак (праздник Вайсакха в майское полнолуние) и Пасхальное Воскресенье, отмечаемое в день апрельского полнолуния, посвящены просветлённому Будде и воскресшему Христу, а июньское полнолуние является Праздником Человечества, совершающего своё главное ежегодное приближение к Богу под руководством Христа. Остальные полнолуния составляют меньшие праздники, во время которых подчёркиваются некоторые духовные качества, необходимые для ученичества и посвящения.

Ещё одна поистине революционная деятельность, к которой Тибетец привлёк внимание публики, — это первые шаги, предпринимаемые Иерархией для более тесного сближения с человечеством, для восстановления древних Мистерий и для экстернализации и возможного проявления на физическом плане Учителей с Их группами учеников, собранных вместе в так называемых Ашрамах.

В связи с этим становится понятным значение второго пришествия Христа. Он придёт, взяв с Собой Своих учеников. Учителя когда-нибудь снова будут пребывать на Земле, как пребывали миллионы лет назад в период детства человечества. Затем Они на время оставили нас, исчезнув за завесой, которая отделяет видимое от невидимого. Они сделали это для того, чтобы дать человеку время развить свою свободную волю, стать зрелым, научиться пользоваться умом, принимать собственные решения, ориентироваться в конечном счёте на царство Божье и сознательно пытаться проторить путь возвращения. Это совершилось в таких больших масштабах, что теперь, возможно, Учителя в следующем столетии выйдут из Своего уединения и снова станут известны людям. Для этого **240]** Тибетец и трудится, и многие из нас сотрудничают с Ним.

Он также установил новые правила для учеников, которые предоставляют индивидуальному ученику гораздо больше свободы, чем правила, хорошо известные в прошлом. Сегодня не требуется никакого послушания. Ученик рассматривается как здравомыслящий деятель, вольный исполнять требования так, как ему кажется лучше. Нет никакой секретности, потому что ни один ученик не допускается в Ашрам или к месту посвящения, пока есть хотя бы малейшая опасность, что он скажет лишнее.

Учеников сейчас тренируют телепатически, и фактического физического присутствия Учителя уже не требуется. На личном развитии больше не делается упора, как раньше. Потребность человечества представляется главным фактором, побуждающим к духовному развитию. Учеников сегодня учат работать вместе в группах, упоминая о возможности групповых посвящений — это совершенно новая идея и перспектива. Физические дисциплины уже не обязательны. Считается, что современному ученику — интеллектуальному, любящему и служащему — они больше не требуются. Ему пора перерасти свои физические наклонности и освободиться для служения. Многое из этого учения содержится в только что опубликованной книге "*Ученичество в Новом Веке*", содержащей инструкции, которые Тибетец давал группе Своих учеников в миру; некоторых из них я знаю, других нет. Это первый случай в истории Иерархии, насколько нам известно, когда подробные инструкции, данные Учителем группе Своих учеников, были опубликованы и стали доступны широкой публике.

В предыдущих абзацах я попыталась очень кратко описать некоторые виды активности, которые предпринял Тибетец вместе с другими членами Иерархии, пытаясь издать ключевую ноту нового века; для продвинутых курсов Школы Арканов характерен **241]** акцент именно на этих видах активности.

Некоторые учащиеся работают с нами двадцать и более лет. Они ответственно делают своё дело и добиваются хороших результатов. Позднее мы надеемся сформировать группы, использующие некоторые техники, которые Тибетец рассмотрел в своём, по-видимому, самом выдающемся произведении "*Трактат о Семи Лучах*". В нём Он разрабатывает направления новой школы целительства. Он излагает технику построения пути Света между душой и духом аналогично тому, как раньше человек создал путь между собой и душой. Он также акцентирует новую эзотерическую астрологию, которая имеет дело с целью души и с путём, который ученик обязан прокладывать. Он даёт четырнадцать правил, которым должны следовать Посвящённые. Таким образом, этот пятитомный трактат представляет собой полный свод духовной жизни, представляющий новые формулировки древних истин, которые будут руководить человечеством в веке Водолея.

В 1934 году мы начали посещать другие уголки Европы. В следующие пять лет мы ездили в Голландию, Бельгию, Францию и Италию; обычно, будучи в Европе, мы прибывали в Женеву, Лозанну или Цюрих и на некоторое время останавливались там, встречаясь с людьми из различных частей Европы. Для нас было

большим откровением после многих лет работы общаться с аудиториями в Роттердаме или Милане, в Женеве или Антверпене, и находить в людях те же самые качества, что и в Великобритании и Соединённых Штатах. С ними можно было говорить о том же самом, рассказывать то же самое о братстве и ученичестве. Их реакции были аналогичными. Они понимали нас и жаждали такого же освобождения и тех же духовных переживаний.

Я сделалась настоящим специалистом в выступлении через переводчика. Когда я читала лекции в Италии, моим переводчиком **242]** обычно был д-р Ассаджиоли, а в Голландии переводил глава нашего тамошнего отделения Герхард Янсен (друзья обычно называют его Джерри). Я иногда наблюдала за ним в разноязычной толпе и видела, как он легко переключается на полдюжины разных языков. Перед войной он осуществил огромную работу в Голландии. Практически все школьные материалы были переведены на голландский язык, и сам он руководил большим серьёзным коллективом учащихся. Работа в Голландии и работа в Испании были двумя ярчайшими свершениями, и хотя эти две страны сильно различаются по темпераменту, подход был одинаково серьезным.

На этом месте рукопись обрывается.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МОЯ РАБОТА

Тибетец

245] В 1919 году, в ноябре месяце, я вступил в контакт с А.А.Б. (Алисой Анной Бейли) и попросил её написать для меня ряд работ, а также взять на себя публикацию некоторых книг, которые должны были появиться в порядке последовательной выдачи истины. Она сразу же отказалась, поскольку не питала никакой симпатии к потоку так называемой оккультной литературы, которую представляют публике различные оккультные группы, не имела опыта писания для широкой публики, а также испытывала глубокую неприязнь к любой форме психического письма и психической работы. Позднее она изменила своё отношение, когда я объяснил, что телепатическая связь есть доказанный факт и предмет, представляющий научный интерес, что сама А.А.Б. не является ни яснослышащей, ни ясновидящей, и никогда такой не будет, и что (прежде всего прочего) истина поверяется самой истиной. Я сказал, что если она попробует писать в течение месяца, то передаваемый материал сам докажет, содержится ли в нём истина, пробуждает ли он интуитивное понимание и распознавание, несёт ли ценность для новой близящейся духовной эры. Тогда она преодолела свою неприязнь к подобной работе и к многочисленным бывшим в ходу оккультным изложениям истины. При этом она поставила условие, чтобы публикуемые писания ни на что не претендовали, и жизнеспособность передаваемых учений определялась их собственными качествами.

Книги

Первой была опубликована книга “*Посвящение Человеческое и Солнечное*”. Она явилась результатом её первых попыток выполнить такого рода работу. В ней заложена основа для всех последующих книг. С тех пор А.А.Б. пишет для меня в течение почти двадцати пяти лет. Книги выходят в свет в соответствии с глубокой основополагающей целью, узнать которую вам может быть интересно. Эти книги получили всемирное признание.

“*Посвящение, Человеческое и Солнечное*” предназначалось для того, чтобы довести до всеобщего сведения *факт существования* Иерархии. Е.П.Б. делала это намёками и отдельными

утверждениями, а не в последовательной форме. Теософское Общество **246]** декларировало факт существования Учителей, хотя Е.П.Б. (в обращениях к Эзотерической Секции) заявляла, что горько об этом сожалеет. Это учение было ложно интерпретировано последующими теософскими лидерами, допускавшими определённые базовые ошибки. Учителя, Которых они описывали, якобы обладают непогрешимостью, хотя это невозможно, потому что Учителя Сами эволюционируют. Выдаваемое учение поощряло всепоглощающий интерес к собственному развитию, интенсивную фокусировку на личном раскрытии и освобождении. Люди, выдаваемые за посвящённых и старших учеников, были совершенно заурядными, не обладающими ровно никаким влиянием вне самого Теософского Общества. Подчёркивалась безраздельная преданность Учителям — преданность Их личностям; Учителя, якобы, вмешиваются в организационную жизнь различных оккультных групп, которые, как утверждалось, работают под Их водительством. Они делались ответственными за ошибки лидеров групп, которые прикрывались утверждениями типа: Учитель дал мне указание сказать то-то; Учитель желает, чтобы такая-то работа была выполнена; Учитель хочет, чтобы члены групп сделали то-то и то-то. Те, кто подчинялся, считались образцовыми членами; те, кто отказывался проявить интерес и послушание, рассматривались как ренегаты. Свобода индивидуума непрерывно нарушалась, слабости и амбиции лидеров оправдывались. Отлично всё это зная, А.А.Б. отказалась участвовать в любой подобного рода деятельности, рецидивы которой постоянно проявляются, ибо такова история практически всех известных оккультных групп, привлекающих внимание публики. Даже если бы я и захотел работать таким образом (чего никто, причастный к Иерархии, делать не станет), я бы не встретил с её стороны никакого участия.

Следующей появилась книга “*Письма об Оккультной Медитации*”. Она указала новый подход к медитации, основанный не на преданности Учителям, а на признании души в каждом человеке. За этой книгой последовал “*Трактат о Космическом Огне*”. В нём детализировалось учение о трёх огнях — электрическом огне, солнечном огне и огне трения, — изложенное в “Тайной Доктрине”, ожидаемым продолжением которой этот трактат и явился. Трактат стал психологическим ключом к “Тайной Доктрине” и предназначен для того, чтобы дать материал для изучения ученикам и посвящённым в конце нынешнего и в начале следующего столетий, вплоть до 2025 г. от Р.Х.

А.А.Б. позднее почувствовала, что было бы полезно для меня

и для работы, если бы она написала ряд книг для учащихся, помимо **247]** передачи моих сочинений и записывания моих замечаний, излагая их на том пробуждающем мысль английском языке, который мы вместе разработали как средство для передачи идей, сделать которые достоянием публики — моя дхарма. Средний психик и медиум обычно не обладает высоким интеллектом, и А.А.Б. желала доказать (для содействия работе в будущем), что можно выполнять конкретную психическую работу и обладать развитым интеллектом. Таким образом, она написала четыре книги, которые являются полностью её произведениями:

"*Сознание Атома*",
"*Душа и её Механизм*",
"*От Интеллекта к Интуиции*",
"*От Вифлеема до Голгофы*".

Она написала также одну книгу в сотрудничестве со мной, названную "*Свет Души*"; в ней я дал английский пересказ санскритских Сутр Патанджали, а она написала комментарии к ним, изредка обращаясь ко мне за уточнениями.

Затем последовал "*Трактат о Белой Магии*". Он был написан несколько лет назад и по мере написания, глава за главой, поступал старшим учащимся Школы Арканов как материал для чтения. Это первая, когда-либо изданная книга о тренинге и контроле над астральным, или эмоциональным, телом. Много оккультных книг написано о физическом теле и его очищении, а также об эфирном, или жизненном, теле. Большинство их были компиляциями других книг, как древних, так и современных. Эта же моя книга предназначена для того, чтобы обучить современного стремящегося контролировать своё астральное тело посредством ума по мере того, как тот, в свою очередь, просветляется душой.

Следующей написанной книгой был "*Трактат о Семи Лучах*". Это большая, ещё не завершённая книга. Она оформляется в виде четырёх томов, два из которых уже опубликованы, ещё один готов к публикации, а последний находится на стадии написания. В первом и втором томах обсуждаются семь Лучей и семь соответствующих им психологических типов; тем самым в них закладывается фундамент для новой психологии, для которого современная психология, какой бы материалистической она ни была, заложила прочный базис. Третий том посвящён исключительно эзотерической астрологии и образует сам по себе законченное целое. Он написан с целью дать толчок новой астрологии, основанной на душе, а не на личности.

Ортодоксальная астрология позволяет составить **248]** карту, которая даёт информацию о судьбе и уделе личности; если личность мало развита или имеет лишь среднее развитие, информация может быть, а часто и бывает, поразительно точной. Однако она не бывает столь точной в случае высокоразвитых людей, стремящихся, учеников и посвящённых, которые начинают контролировать свои звёзды и, следовательно, свои действия; тогда события и происшествия их жизни нельзя предсказать заранее. Новая будущая астрология пытается дать ключ к гороскопу души, поскольку он обусловлен Лучом души, а не Лучом личности. Я дал вполне достаточно, чтобы позволить заинтересованным астрологам конкретизировать будущее под углом этого нового подхода. Астрология — фундаментальная и очень нужная наука. А.А.Б. ничего не знает об астрологии; она даже не может ни составить карты, ни перечислить названия планет и дома, которыми они управляют. Следовательно, я целиком ответствен за всё, что содержится в этой и во всех моих книгах, за исключением, как выше говорилось, одной книги: "*Свет Души*".

Четвёртый том посвящён предмету целительства и постройке, посредством антахкараны, моста между Монадой и личностью. В нём даны также Четырнадцать Правил, которыми должны овладеть те, кто тренируется на посвящение.* Я хотел бы привлечь ваше внимание к последней фразе и напомнить, что А.А.Б. никогда не позволяла себе, да и не позволит, ни малейших намёков, частным образом или публично, на то, что она посвящённая. Она знает, что это противоречит оккультному закону, и наблюдая, как слишком многие, не обладающие ни особым духовным фокусом, ни интеллектуальными способностями, на это притязают, видела проистекающий из этого вред: обесценивание идеи Иерархии и сущности адептства в глазах широкой общественности. Итак, я целиком ответствен за эти Четырнадцать Правил и за их разъяснение и употребление. А.А.Б. никогда не претендовала на то, что она нечто большее, чем ученик, работающий в мировом масштабе (чего никто не может отрицать), и повторяла снова и снова, что слово "ученик" — законное непротиворечивое слово (и верное), относящееся к работникам Иерархии всех степеней: от испытуемого ученика, отдалённо связанного с некоторыми учениками в составе Иерархии, вплоть до Самого Христа, Учителя всех Учителей и Наставника ангелов и **249]** людей. Она твёрдо выступала — при полном моём одобрении — против нездорового интереса к статусу и титулам, который является болезнью многих оккультных групп, и ведет к усилению конкуренции, зависти,

критицизма и претензий, которые отличают большинство оккультных групп, обесценивают многие публикации и препятствуют широкой публике осваивать учение во всей его чистоте и простоте. Статус и титул, место и положение вообще не в счёт. *Только учение в счёт* — его истинность и его интуитивная притягательность. Это следует всегда иметь в виду.

Принятые ученики Учителя, которые распознают Его из глубины самих себя — а такое распознавание приходит и к их сотоварищам-ученикам и является условием, которое выдвигает Сам Учитель, — знают своего Учителя, принимают от Него учение и *между собой* говорят о Нём, поскольку Он для них, а не для внешнего мира.

Таким образом, книги постоянно выходили в свет в течение ряда лет, и когда "*Трактат о Семи Лучах*" будет завершён, когда будет готова к публикации небольшая книга о наваждении и в руках публики появится книга об ученичестве в новом веке, работа А.А.Б. для меня будет закончена. Тогда она сможет возобновить работу в Ашраме своего собственного Учителя — работу ученика.

Школа

Сейчас осуществляется следующая фаза работы, которую я хотел бы видеть исполненной. Моим желанием (как и желанием многих, связанных с Иерархией) было учредить эзотерическую школу, которая не стесняла бы своих членов, не связывала их никакими обетами или клятвами и — предписывая медитацию, исследования и обеспечивая эзотерический тренинг — предоставляла людям вносить собственные коррективы и интерпретировать истину наилучшим для себя образом, являла им всё множество точек зрения и в то же самое время сообщала глубочайшие эзотерические истины, которые они могли бы распознать, если в них уже отчасти пробуждено осознание мистерий, и которые, даже если о них прочитать или услышать, не причинили бы им никакого вреда, если бы им недоставало восприятия для распознавания истины, как она есть. А.А.Б. основала такую школу в 1923 году с помощью Ф.Б. и некоторых учащихся, наделённых видением и духовным пониманием. Она поставила условием, чтобы я не имел никакого отношения к Школе Арканов, не контролировал её политику и учебные программы. В этом она была права и проявила мудрость, и я

полностью **250]** одобрил её позицию. Даже мои книги не служили там учебными пособиями; лишь в последние три года одна из них, "*Трактат о Белой Магии*", была адаптирована в качестве учебного курса, и то по настоятельному требованию многих учащихся. Кроме того, учение об антахкаране (которое появится в последнем томе "*Трактата о Семи Лучах*") два года частично используется на четвёртом учебном курсе. Учение о наваждении даётся в качестве материала для чтения на другом курсе.

В Школе Арканов не требуется послушания, не делается никакого упора на "послушании Учителю", потому что никакой Учитель школой не руководит. Акцент ставится на едином Учителе в сердце, — душе, истинном духовном человеке в каждом человеческом существе. Не преподаётся никакой теологии, учащегося не заставляют принимать никакой определенной интерпретации или изложения истины. Член школы вправе принимать или отвергать наличие Учителей, Иерархии, перевоплощений или души и всё же оставаться полноправным членом школы. От него не ждут и не требуют никакой верности: ни школе, ни А.А.Б. Учащиеся могут работать в любых оккультных, эзотерических, метафизических или ортодоксальных группах и церквях, оставаясь членами Школы Арканов. Их просят смотреть на эти виды деятельности как на области служения, в которых они могут предоставлять любую духовную помощь, на какую способны благодаря своей работе в школе. Лидеры и старшие работники многих оккультных групп также работают в Школе Арканов, и при этом могут отдавать своё время, верность и служение собственным группам.

Школа Арканов существует уже двадцать лет и теперь входит в новый цикл роста и полезности — вместе со всем человечеством, — для чего проводится необходимая подготовка. Ключевой нотой школы является *служение*, основанное на *любви к человечеству*. Медитативная работа дополняется и происходит параллельно с обучением учащихся школы служить.

Новая Группа Мировых Служителей

Другая фаза моей работы началась около десяти лет назад, когда я стал писать брошюры для широкой публики, привлекая внимание к мировой ситуации и к Новой Группе Мировых Служителей. Этим я пытаюсь закрепить на земле, если можно так

выразиться, внешнее проявление, или символ, работы Иерархии. Это **251]** попытка сплотить вместе субъективно и по возможности объективно всех людей, обладающих духовной целью и глубокой любовью к человечеству, которые активно работают во многих странах, либо в организациях, либо самостоятельно. Имя им легион. Некоторые из них известны работникам Школы Арканов, Ф.Б. и А.А.Б. Тысячи известны мне, но не им. Все они работают, вдохновляемые Иерархией и выполняют, сознательно или бессознательно, обязанности агентов Учителей. Совместно они образуют коллектив, тесно спаянный на внутренней стороне духовным намерением и любовью. Некоторые из них оккультисты, работающие в различных оккультных группах; другие мистики, обладающие видением и любовью; иные представляют ортодоксальные религии, а кое-кто вообще не признаёт никаких так называемых духовных конфессий. Все они, однако, движимы чувством ответственности за человеческое благосостояние и внутренней решимостью помогать своим ближним. Эта большая группа является в наше время мировым Спасителем; она спасёт мир и положит начало новой эре после войны. В брошюрах, которые я написал (первая из них называется "*Три ближайших года*"*), указаны планы и цели группы и приведены рекомендации относительно способов и методов сотрудничества с этой группой Мировых Служителей, которая уже существует и действует во многих областях.

Тех, на кого Новая Группа Мировых Служителей оказывает влияние, с кем она стремятся работать и кто может действовать как её агенты, мы называем мужчинами и женщинами доброй воли. Я сделал попытку установить контакт с этими людьми в 1936 году, когда имелась слабая возможность даже в тот поздний час предотвратить войну. Многие припомнят ту кампанию и её относительно большой успех. Миллионы услышали эту весть благодаря устному и печатному слову и радио, однако недоставало духовно заинтересованных людей, чтобы предпринять необходимые шаги и устранить прилив ненависти, зла и агрессии, грозивший затопить мир. Война разразилась в 1939 году, несмотря на все усилия Иерархии и Её работников, и работа доброй воли, естественно, прервалась. Ту часть работы, в которой старались участвовать члены Школы Арканов и которая привела к формированию девятнадцати центров служения в стольких же странах, пришлось на время оставить, но лишь на время, братья мои, ибо добрая воля — это "спасающая сила" и выражение воли-к-добру, оживляющее Новую Группу Мировых Служителей.

Я хотел бы подчеркнуть, что закрепление Новой Группы

Мировых Служителей и организация работы доброй воли не имеют **252]** никакого отношения к Школе Арканов, разве лишь постольку, поскольку членам школы предоставлялась возможность помогать этому движению. Они могли участвовать в нём или нет, и очень многие игнорировали это усилие, продемонстрировав тем самым свободу выбора.

Когда же разразилась война и весь мир был ввергнут в последовавшие затем хаос, ужас, бедствия, смерть и агонию, многие духовно мыслящие люди старались остаться в стороне от борьбы. Они не были в большинстве, но составили могущественное и шумное меньшинство. Они рассматривали любое участие в борьбе как нарушение закона братства и были готовы пожертвовать благом всего человечества ради сентиментального побуждения любить всех так, чтобы от них не требовалось ни действий, ни решений. Вместо того, чтобы констатировать: “Моя страна права или не права”, их девиз был: “Человечество право или не право”. В брошюре под названием “*Нынешний Мировой Кризис*”, и в последующих статьях о ситуации в мире я констатировал, что Иерархия поддерживает позицию и цели Объединённых Наций, борющихся за свободу всего человечества и за облегчение страданий людей. Это неизбежно поставило Иерархию в положение полного неприятия позиции держав Оси. Многие участники работы доброй воли и некоторые члены школы интерпретировали это как политический акт, по-видимому, считая, что от духовно ориентированных людей требуется полный нейтралитет в отношении добра и зла. Те, кто отстаивал такую позицию, не умеют ясно мыслить и путают нежелание стать на чью-либо сторону с братской любовью, забывая слова Христа: “Кто не со Мной, тот против Меня”. Позвольте повторить то, что я часто говорил. Иерархия и все её члены, включая меня, любят человечество, но не одобряют зла, агрессии, жестокости и заточения человеческой души. Они стоят за свободу, за предоставление всем возможности двигаться вперёд по пути света, за человеческое благополучие без дискриминации, за доброту и право каждого думать за себя, свободно говорить и работать. Поэтому они, естественно, не могут поддерживать нации или людей любой нации, которые мешают человеческой свободе и счастью. Обладая любовью и понимая обстоятельства, они знают, что в последующей жизни или жизнях большинство тех, кто ныне является врагом человеческой свободы, сами станут свободными и будут прокладывать светлый Путь. А пока все силы Иерархии брошены на сторону наций, борющихся за свободу человечества, и представителей любой нации, которые работают в этом

направлении. Если поддержка добра и **253]** свободы считается наносящей ущерб духовным ценностям, то Иерархия будет стремиться изменить представление людей о том, что является духовным.

Будучи ответственной за передачу брошюр и — вместе с Ф.Б. — за их публикацию и распространение, А.А.Б. оказалась в нелёгком положении, став мишенью для критики и нападок. Но она знает, что время улаживает всё и что сделанная работа, если она правильно мотивирована, в конечном счёте, оправдает себя.

Итак, я заинтересован в трёх фазах работы: в публикации книг, в Школе Арканов и в Новой Группе Мировых Служителей. Воздействие, производимое на мир этими тремя аспектами работы, оказалось эффективным и полезным. Объём выполненной полезной работы — вот что идёт в счёт, а не критицизм и непонимание тех, кто принадлежит к старому порядку, к веку Рыб, и, стало быть, неспособен увидеть возникновение новых путей жизни и новых подходов к истине.

Всё это время я стоял за сценой. Я несу ответственность за книги и брошюры, и они опираются на авторитет истины — *если в них содержится истина*, — а не на авторитет моего имени или какой бы то ни было статус, на который я мог бы притязать или который могли бы приписывать мне люди любопытствующие, назойливые или фанатичные. А.А.Б. ответственна за Школу Арканов, и я отнюдь не определяю её политику и не вмешиваюсь в её учебные программы. Мои книги и брошюры доступны как учащимся школы, так и широкой публике.

Я стараюсь помогать работе доброй воли, за которую отвечает Ф.Б., давая рекомендации и указывая, какую работу стремится выполнить Новая Группа Мировых Служителей, но никаких авторитетных требований не делается, да и никогда не будет делаться от моего имени. Объём всех этих видов деятельности впечатляет; непонимание встречается не часто и объясняется личной оснащённостью и позицией критиков. Критика полезна, если не позволять ей становиться разрушительной.

Личный тренинг

Параллельно с этими главными видами активности я с 1931 года тренирую группу мужчин и женщин во всём мире в техниках принятого ученичества (понимаемого академически). Из множества возможных неофитов я указал А.А.Б. (в 1931 году и позже) на группу из приблизительно сорока пяти человек —

некоторые из них ей **254]** лично известны, другие нет, — которые продемонстрировали готовность к тренингу и которых можно было испытать на пригодность к групповой работе нового ученичества. Эти люди получают прямые личные инструкции от меня и некоторые общие инструкции, воплощающие новый подход к Иерархии и к духовной жизни, хотя и основанные, конечно, на древних правилах. Эти инструкции очень скоро станут доступны широкой публике, хотя и без упоминания имен и информации о тренируемых лицах; имена, даты и местонахождения будут изменены, но сами инструкции останутся такими же, какими давались.*

Безусловно, благодаря контакту со мной эти люди уже несколько лет знают, кто я. Но они и А.А.Б. очень тщательно сохраняют мою анонимность, хотя это очень трудно ввиду того, что сотни людей почти в каждой стране мира строят обо мне догадки, а многие и догадались, кто я. Поэтому сегодня, несмотря на всё, что А.А.Б. и мои ученики смогли в этом отношении предпринять, общепризнанно, что я – Учитель, и мне дано имя. Своей собственной группе специально подобранных стремящихся я подтвердил своё имя, когда они сами внутренне его узнали. Поступить иначе было бы глупо и неправильно, и при общении с ними и при написании инструкций о новом ученичестве мне было необходимо занять эту правильную позицию, и я это сделал. Некоторые из этих инструкций я и А.А.Б сочли полезными и подходящими для более широкого использования и издали их в серии статей о Стадиях Ученичества, изданных под моим именем в журнале “Бикон”. Перед публикацией они были тщательно отредактированы А.А.Б., за исключением одной статьи, из которой несколько месяцев назад в ходе напряжённой, тяжелейшей работы А.А.Б. не изъяла один абзац, в котором я говорю как Учитель. Этот абзац появился в “Биконе” за июль 1943 года — к сильному её огорчению. После многолетнего сохранения тайны обо мне она совершила этот промах; тем самым, было публично объявлено, что я являюсь Учителем.

В связи с этим я хотел бы привлечь ваше внимание к трём обстоятельствам.

Ранее — много лет назад — в “*Трактате о Белой Магии*” констатировалось, что я – посвящённый определённого ранга и что моя анонимность будет сохранена. Спустя годы из-за упомянутой ошибки **255]** А.А.Б. создалось впечатление, что я противоречу самому себе или отменяю своё решение и, тем самым, меняю свою политику. В действительности я этого не делаю. Распространение учения изменяет обстоятельства, и потребности человечества со временем требуют иного подхода.

Нет ничего статического в эволюции истины. Моим давним намерением было сделать всё необходимое, чтобы вернее и более привлекательным образом донести до публики факт существования Иерархии и Её членов.

Несколько лет назад я сказал А.А.Б. (и то же сделал её собственный Учитель), что её главная обязанность, как ученика, заключается в том, чтобы ознакомить публику с истинной природой Учителей Мудрости и исправить бытующее у публики ошибочное представление. Она это в какой-то мере сделала, хотя и не в таком объёме, какой требовался. Она уклонилась от этой задачи из-за дурной славы, которой стал пользоваться весь этот предмет в результате ложных сведений, поставляемых различными наставниками и оккультными группами, а также смехотворных заявлений невежд в отношении нас. Её предшественница Е.П.Б. в некоторых инструкциях, посланных Эзотерической Секции Теософского Общества, заявляла, что горько сожалеет о том, что вообще упоминала об Учителях, Их именах и функциях. А.А.Б. придерживалась того же мнения. Учителя, как Их описывает Теософское Общество, имеют весьма отдалённое сходство с действительностью; много пользы приносит свидетельство Общества об Их существовании и много вреда — проскальзывающие время от времени глупые подробности. Учителя *не* такие, какими Их описывают; Они *не* отдают приказов Своим последователям (или, вернее, фанатикам) поступать так-то и так-то, сформировать ту или иную организацию; Они не указывают на отдельных воплощённых лиц как на имеющих верховное значение, отлично зная, что и ученики, и посвящённые, и Учителя узнаются по своим делам и свершениям, а не по словам, и должны подтверждать свой статус выполненной работой.

Учителя работают через своих учеников во многих организациях, но Они *не* требуют — через этих учеников — безоговорочного послушания членов организаций и не отлучают от учения тех, кто не согласен с политикой организации или с интерпретациями лидеров. Они не отстраняются и не испытывают антагонизма к группам, работающим под руководством разных учеников или других Учителей; любая организация, в которой Учителя заинтересованы, является включающей, а не исключающей. Они не спорят о личностях, поддерживая одну и отвергая другую только за то, что согласны или не согласны с политикой лидера организации. Они не такие важные и дурно воспитанные люди, какими Их изображают посредственные лидеры многих групп. Они не избирают Себе, в качестве давших обет учеников и работников мужчин и женщин, которые

даже с мирской точки зрения являются явно недостойными, заявляют большие притязания и опытны в искусстве привлекать к себе внимание. Чтобы стать испытуемым учеником, надо быть преданным, затем можно делать акцент на очищении и на понимании братства и человеческой потребности. Чтобы стать принятым учеником, работающим непосредственно под водительством Учителей и быть активно задействованным в мировой работе, важность которой сейчас возрастает, нужны ментальная поляризация, открытое сердце и чувство реальных ценностей.

Учителя, выставляемые перед широкой публикой такими движениями, как “Я ЕСМЬ”, являются пародией на реальность. Учителя, какими Их изображают во многих теософских движениях (после Е.П.Б.), не отличаются интеллектом и демонстрируют мало рассудительности при выборе тех, кого эти организации объявляют посвящёнными или важными членами Иерархии.

Зная всё это и наблюдая отрицательные следствия учения, обычно излагаемого об Учителях, А.А.Б. старалась предельно правдиво представить истинную природу Иерархии, её цели и состав, стремясь делать упор — как и сама Иерархия — на человечестве и мировом служении, а не на группе наставников, которые, хотя и трансцендировали обычные личностные проблемы и опыт в трёх мирах, всё ещё находятся в процессе тренинга и готовятся (под руководством Христа) вступить на путь высшей эволюции. Имя, которое дали нам некоторые ученики в Тибете, даёт ключ к точке нашего достижения. Они называют Иерархию “сообществом организованных и просветлённых умов” — просветлённых любовью и пониманием, глубоким состраданием и вмещением, просветлённых знанием плана и стремящихся постичь цель, жертвующих возможностью собственного прогресса, чтобы помогать человечеству. Таков Учитель.

Второй момент я хотел бы раскрыть через вопрос. Какой вред причиняется от того, что кто-то указывает пальцем на Учителя и называет его таковым — если его дела подтверждают это заявление и он пользуется всемирным влиянием? Был ли причинён какой-либо вред тем, что А.А.Б. нечаянно допустила промах и указала на меня как на Учителя? Мои книги, передатчики моего влияния, проникают в отдалённые уголки Земли и несут поддержку и помощь; работа служения, которую я предложил, а Ф.Б. добровольно выполнял, привлекла к себе буквально миллионы людей посредством брошюр и радио, использования Призыва и работы Треугольников, а также слов и

примера мужчин и женщин доброй воли.

257] За 25 лет работы для меня в оккультной области А.А.Б. не извлекла никакой выгоды из того факта, что я один из многих Учителей, признанный сегодня тысячами людей. Она не прикрывалась мною или своим собственным Учителем, не возлагала на нас ответственности за то, что она делает; её работа не подкреплялась аргументом, что "Учитель так приказал". Она знает, что работа Учителя состоит в том, чтобы привести ученика в соприкосновение с Планом, после чего ученик самостоятельно, по собственной инициативе, задействуя мудрость и любовь, которые у него есть, старается внести свою интеллектуальную лепту в материализацию Плана. Он совершает ошибки, но не бежит за помощью к Учителю, а расплачивается за них и усваивает урок. Он добивается успеха, но не бежит к Учителю за похвалой, зная, что не получит её. Он борется со слабым здоровьем, с ревностью и антагонизмом тех, кто работает с меньшим успехом или боится конкуренции, но не бежит к Учителю, чтобы Тот помог выстоять. Он пытается идти в свете своей души, стоять в силе собственного духовного Бытия, и так, овладевая мастерством, *учится сам быть Мастером.**

Третье, что хотелось бы довести до вашего внимания, состоит в том, что в новом цикле, который наступит после войны, *факты существования Иерархии и деятельности Учителей — через Их учеников* — должны и будут всё больше доводиться до внимания широкой публики. Ученики повсюду будут представлять миру иерархический план братства, духовный образ жизни и включённость в дела мира. Представлять не посредством высказываний (столь расхожих у глупцов) типа: "Учитель меня избрал", или "Учитель стоит за моими усилиями", или "Я представитель Иерархии", а жизнью служения, показывая, что Учителя существуют и известны многим людям повсюду, что План — это план эволюционного развития, просвещения и движения к осмысленной духовной цели; что человечество не одиноко и за ним стоит Иерархия; что Христос — со Своим народом; что в мире много учеников, которые не известны, ибо они работают молча; что существует Новая Группа Мировых Служителей, и мужчины и женщины доброй воли есть повсюду; что Учителя не проявляют ни малейшего интереса к личностям, а используют мужчин и женщин всевозможных убеждений, вероисповеданий и национальностей, при условии, что те мотивируются любовью, здравомыслящи, обладают тренированным умом, а также тем магнетическим и излучающим влиянием, которое привлекает людей к истине и добру, а не к отдельному лицу, будь то Учитель или ученик. Они не нуждаются

в личной преданности, но посвящают Себя только тому, **258]** чтобы облегчать страдания, продвигать эволюцию человечества и указывать духовные цели. Они не ждут признания своей работы или похвалы своих современников, а хотят только возрастания света в мире и раскрытия человеческого сознания.

Август 1943 г.

МЕТОДЫ, ИСПОЛЬЗОВАВШИЕСЯ ПРИ НАПИСАНИИ “*ТРАКТАТА О КОСМИЧЕСКОМ ОГНЕ*”

259] Четыре метода использовались при передаче этого учения от Тибетца к широкой публике.

1. *Яснослышание*

На начальных стадиях (первые два года) Тибетец диктовал г-же Бейли материал, включённый в первые две книги, при помощи яснослышания. В определённое, заранее назначенное время Он вступал в контакт с ней посредством установления вибрации, которую она научилась распознавать, благодаря чему она могла ясно и отчётливо слышать Его голос, диктующий пункт за пунктом.

2. *Телепатия*

Когда г-жа Бейли освоилась с этой работой, и когда благодаря дисциплине и диете она смогла достичь нужного эффекта, работа постепенно изменилась и стала при написании “*Трактата о Космическом Огне*” исключительно телепатической. Г-жа Бейли связывается с Тибетцем, когда есть время, и – если он свободен и может уделить ей своё время – он с ней телепатически общается. Информация даётся с очень большой скоростью, и подробности учения впечатываются в её сознание с такой ясностью, что она способна записывать, не меняя ни слова. Книга печатается в таком виде, в каком принимается и записывается г-жой Бейли, за исключением отдельных мест в тексте, когда Тибетец не позволяет г-же Бейли передать его мысль своими словами (как это обычно бывает), а предпочитает выражаться по-своему, хотя его английский язык немного архаичен и высокопарен. Перед получением и адекватной передачей информации должен иметь место определённый медитативный процесс, в котором конкретные темы, которые предстояло рассмотреть, становились бы исходными мыслями, определяющими медитативное усилие. Этому должно предшествовать синтетическое усвоение всего, что можно найти в книгах на соответствующую тему. Следовательно, ментальная наработка, или ментальное тело, должно быть сильным и высоко организованным, полностью обеспеченным материалом и находящимся под надлежащим контролем. Если заложена такая

основа, можно безопасно сообщать знания, намного превосходящие личный опыт или знания, которыми обладает принимающий. Если это так в случае Тибетца и г-жи Бейли, то **260]** очевидно, что полное значение "*Трактата*" выявится только после надлежащего изучения и медитации, а также обширного дополнительного чтения. Язык "*Трактата*" является таким ясным и выразительным, расположение материала таким последовательным, суть излагается с такой логичностью и точностью, что для любого мыслящего человека даже первое прочтение оказывается вдохновляющим, озаряющим неизвестные зоны сознания, и подталкивает к более вдумчивому изучению книги, что очень желательно.

Трактат является очень тонким примером реальной телепатии. После внимательного изучения сведений, приведённых в "Трактате", становится ясно, что г-жа Бейли не смогла бы сама сформулировать это учение, ибо оно имеет дело с космическими процессами, о которых она ничего не знает. Её вкладом в работу является сильный фундаментальный интерес к этим предметам, более чем двадцатилетний опыт медитативной работы, многолетние исследования и размышления, а также хорошее владение ясным и ёмким английским языком.

3. *Ясновидение*

Различные символы в книгах (а их много) сначала показывались г-же Бейли, после чего она их описывала. Этот процесс возможен только при работе с высокоразвитым сотрудником. Тибетец впечатывал желанный символ или глиф в одну из тонких дифференциаций эфира, и если вибрации проводников ученика поддерживались на требуемой высоте, картины оставались столь же ясными и пригодными для изучения, как какой-нибудь изысканный шедевр живописи, написанный маслом и висящий на стене частной галереи. Такие картины нельзя унести с собой, но зритель может их изучать и описывать, а художник копировать, хотя их цветовые эффекты совершенно не поддаются воспроизведению в плотной физической материи.

Г-же Бейли были также показаны семь крупных фигур ангелов, или Дэв, семи глобусов Земной цепи, описание которых позднее может быть включено во второе издание.

Выдержки из древних рукописей и некоторые стансы и сведения из иерархических архивов тоже были показаны г-же Бейли; она сделала их приблизительные переводы, которые Тибетец затем откорректировал. Знания древнего языка не требуется для этой работы, потому что древнейшие рукописи являются идеографическими и символическими, и — при

наличии достаточной стимуляции — видящий их понимает их смысл и может передать его.

261] 4. *Вынесение из сна того, что было увидено или услышано ночью вне физического тела*

Этот метод употреблялся в связи со Стансами в конце книги, а также в связи со схемами. Формулировки некоторых определений в книге были получены именно таким способом.

Перепечатано из журнала “Бикон” за июнь 1925 г.

ЧТО ТАКОЕ ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ ШКОЛА?

Алиса А. Бейли

262] Существует много так называемых эзотерических школ. Все они относительно новы и возникли за последние шестьдесят лет. Я не имею в виду вечно существующей Эзотерической Школы, которая действует во всех уголках мира, не имея никакого названия, не будучи представленной никакой экзотерической организацией и не имея никаких признанных лидеров. Эта единая подлинная эзотерическая Школа извечно утоляла нужды ищущих, которые – на протяжении веков – добивались входа в Мистерии и получали допуск после выполнения требований. Я имею в виду многочисленные мистические, метафизические, теософские, розенкрейцерские и оккультные ордена, которые можно найти повсюду. Эти организации состоят из групп людей с возвышенным духовным намерением, оживотворенных великим устремлением и собравшихся вокруг какого-либо наставника и определённого учения. Наставник снабжает их своей личной интерпретацией стандартной оккультной информации, подчёркивает необходимость построения характера и достижения чистоты, побуждает продвигаться по Пути и (обычно) играет для них роль высшего, решающего авторитета.

Благодаря этой фазе в истории эзотеризма была выполнена серьезная подготовительная работа. Вниманию широкой публики была представлена суть тайной доктрины, эзотерического учения и природа внутреннего правительства мира. Факт существования Учителей Мудрости – работающих в планетарной Иерархии под водительством Христа – был широко представлен в терминах как ортодоксальной теософии, так и индусской метафизической мысли, а также в христианской терминологии. Было сообщено множество фактов. Описание сложных процессов божественного творения и последующего Божественного проявления вызывают изрядную ментальную стимуляцию и ментальное раскрытие, но зачастую не сопровождаются реальным пониманием, а задача эзотерических школ как раз и состоит в том, чтобы способствовать росту понимания. С пользой для дела распространяются элементарные правила, в первую очередь очищения эмоциональной природы, природы желания; исчерпывающе обсуждается всё множество планов, творческих огней и дифференциаций субстанции, а также различные

семеричности, обусловливающие жизнь, сознание и форму. Однако, *ничто из этого к эзотерическому учению не относится*. Преданность Учителям прививается, но Их представляют неадекватно. Сообщают, будто Учителя особенно заинтересованы в наставнике группы, а личным друзьям наставника часто **263]** говорят, будто Учитель принял их во внутренний круг Своих учеников. Таким образом, практически во всех группах без исключения создается сплочённое ядро из преданных приверженцев наставника; от этих приверженцев ожидается безусловное послушание наставнику и приказам Учителя, предположительно передаваемым через наставника (в нарушение оккультного закона, поскольку никакой Учитель никогда не отдаёт приказаний и не ждёт послушания). Средняя эзотерическая группа наших дней является замкнутой организацией с ограниченным доступом новых членов, питающей нездоровое чувство таинственности и представляющей лишь те полуправды, которые служат одной цели – подтвердить существование реального.

Стало быть, ни одной настоящей эзотерической школы еще не появилось. Возникновение таких школ является пока объектом надежды, хотя и достаточно сильной, так что уже можно готовиться к их появлению.

Вышесказанное не является обвинением в адрес правильного, но не вдохновенного служения. Учащимся следует признать, что школы, которые им известны, являются лишь подготовительными. У этих школ немало недостатков, проистекающих из слабостей и достоинств наставника-учредителя, поэтому они окрашены личностным акцентом, требуют лояльности и неверно прилагают и толкуют учение. И всё же они – полезные вехи на пути к будущему.

Время для появления настоящих эзотерических школ ещё не наступило. Человечество не готово. Между тем есть уже достаточное число мыслящих мужчин и женщин, чтобы гарантировать формирование более продвинутых школ тренинга. Последние заложат основу для будущих школ, которые – в согласии с Законом Эволюции – непременно появятся. Эзотерические школы не составляют исключения в эволюционном процессе и всегда появляются по запросам людей, когда их ментальное развитие нуждается в них. Ближайшие семьдесят лет засвидетельствуют их учреждение. Те школы, что функционируют сейчас, могут начинать уборку дома, отбрасывать несущественное и выявлять по-настоящему оккультные истины, тем самым ясно провидя назначение эзотерического тренинга. Этого они ещё не делали. Должна быть осознана дисциплина, которой неофиту

придётся в будущем подчиняться; должны излагаться верные методики, которые придется поднять на более высокий уровень. Учение следует очистить от его теперешней теологической направленности и автократических наслоений. Много оккультных школ, внутренних школ и разных эзотерических **264]** секций в большой степени разделяют вину за подобные догматические установки.

Позднее появятся и наставники, правильно понимающие духовную природу авторитета. Авторитет будет основываться не на притязаниях и тайне, а на жизни, проживаемой согласно с высшими идеалами, на учении, которое будет вызывать уважение и интуитивный отклик ученика. Наставник будущего будет просто указывать Путь, идти по Пути вместе с учеником и делать акцент на древних правилах, но в современной интерпретации. Он больше не будет стоять (как это нередко бывает в наши дни) между группой и светом или между стремящимся и Учителем.

Подобные подготовительные школы уже в процессе формирования, и учреждение *Школы Арканов* в 1923 г. было частью этого духовного усилия. Из таких школ в начале следующего столетия и возникнет первая из настоящих *Школ Посвящения*.

Вплоть до наших дней так называемые эзотерические школы имели дело со стремящимися на *Пути Испытания, или Очищения*. Формирующиеся ныне школы, такие как *Школа Арканов*, занимаются тренингом учеников и подготовкой их к вступлению на *Путь Ученичества*, чтобы они – позднее – вступали в прямой контакт с Учителями. Новые школы, которые появятся в следующем столетии, будут готовить учеников к прохождению *Пути Посвящения*.

Таково совместное многоступенчатое усилие, за которое ответственны Учителя. Школы, формирующиеся сейчас для тренинга учеников, являются промежуточным звеном и предназначены для того, чтобы ликвидировать разрыв между экзотерическими школами прошлого и настоящими эзотерическими школами, которые появятся позднее. Приведенные факты можно обобщить следующим образом:

1. Эзотерические школы в прошлом

С этими школами мы знакомы лучше всего. Это, например, внутренние школы многочисленных теософских групп, розенкрейцерские ордена, бесчисленные мистические и

метафизические организации. Они экзотерические по своей природе, но нужны для пробуждения интереса публики. Они сообщают немало полезной информации о трёх мирах человеческой эволюции: физическом, эмоциональном и ментальном. Несомненно, они предназначены для неофитов на Пути Испытания. Практикуют они сердечное приближение к Богу и основываются на глубинном человеческом инстинкте поиска Бога.

2. Эзотерические школы настоящего

Школы, формирующиеся в настоящем, несут больше эзотерического знания; последнее проверяется и применяется. Многое остается теоретическим, но теория всегда должна предшествовать практике. Эти школы, по сравнению с предыдущими, углубляют учение, расширяя его от трёх миров до сферы души. Они имеют дело с миром оккультных ценностей и ментальны по природе, ставя акцент на *знании* Бога, а не просто на *чувстве*, остающемся после ощущения божественности. Старые школы в лучшем случае добивались интеграции личности и позволяли на опыте ощущать сущностный дуализм мистика. Новые школы имеют целью более высокое слияние: слияние интегрированной личности с душой. Они открывают, что за дуализмом мистика (необходимой ступенью) стоит оккультный факт отождествления с божественным.

3. Эзотерические школы в будущем

Эти школы станут по-настоящему эзотерическими, ибо человечество будет уже готово. Будет пробуждаться и тренироваться более высокое сознание ученика, которого будут учить работать сознательно на духовных уровнях и действовать как душа в трёх мирах человеческой эволюции посредством высокоразвитой личности. Учеников будут готовить к посвящению, а посвященных – к более высоким, главным посвящениям. Упор будет делаться на правильном обращении с энергиями и силами, на мудрости как результате прилагаемого знания, на работе и планах Иерархии. Будет развиваться интуиция и будет происходить еще более высокое слияние – между духовным человеком и универсальным Единым.

Разделим то, что я хочу рассказать о школах, на следующие темы:

1. Некоторые определения эзотеризма.
2. Как формируется эзотерическая школа.
3. Фундаментальные истины, преподаваемые в новых школах.

Изучение этих тем позволит узнать, что такое эзотерическое учение, и поможет нам работать как эзотеристам, проходя необходимый тренинг и обучаясь правильно идти по ПУТИ. Лидеры и наставники нынешних так называемых эзотерических **266]** школ обязаны видеть факты, какими бы горькими они не были. Если они честны и искренни, то будут делать это охотно, приспосабливаясь к требованиям времени; они будут правильно оценивать свое место на лестнице эволюции и решать, куда направлять усилие. Ничто не может остановить осуществления иерархических планов, описанных выше. Те, кто не способен взглянуть на себя со стороны и правильно оценить свою работу, обнаружат, что их школы отвергаются; именно это и наблюдается сегодня повсеместно. А те, кто способен постичь ситуацию и провидеть будущее, будут двигаться вперед, добиваясь роста полезности, жизненно важной перестройки и более эффективного служения.

I. Некоторые определения эзотеризма

Слова “эзотерический” и “оккультный” означают “то, что скрыто”. Они обозначают то, что находится за внешней видимостью и указывает на причины, которые производят явления и следствия; они связаны с тонким миром энергий и сил, которые вуалируются и скрываются всеми внешними формами. Эти слова относятся к тому, что необходимо узнать, прежде чем может быть развито посвящённое сознание.

В прошлом акцент ставился на субъективных, но всё же материальных силах (скрытых внутри человеческого существа), а часто и на психических способностях, таких как ясновидение и яснослышание, способность к которым человек разделяет с животными. В старых школах огромное внимание уделялось физической чистоте и очищению форм, посредством которых должна проявляться душа. Такое очищение по природе своей не эзотерическое и не является признаком эзотерического, или духовного, раскрытия. Это всего лишь чрезвычайно необходимый предварительный этап, ибо пока очищение не произведено, более

серьезная работа невозможна. Физические дисциплины необходимы, полезны и должны соблюдаться во всех школах для начинающих. С их помощью неофит вырабатывает привычку к чистоте и выстраивает тип тела, необходимый ученику, приступающему к настоящей эзотерической работе.

Подобный элементарный тренинг позволяет неофиту смещать свое сознание из осязаемого мира повседневной жизни в тонкие миры личностных сил. Он становится осведомленным об энергиях, с которыми должен иметь дело, смутно ощущает, чт***о*** за ними стоит, – душу в её собственном мире, Царстве Божьем.

Новые школы занимаются более глубокими эзотерическими ценностями. Они тренируют ученика работать как душа в трёх мирах, готовят его работать в группе Учителя в качестве давшего обет ученика. Большинство школ, принадлежащих к старому порядку, **267]** игнорировали этап интеграции личности и обретения знания жизни в трёх мирах, этап, в котором начинающий должен наставляться. Вместо этого они рисовали начинающему соблазнительную картину контакта с Учителем и группой Учителя, прежде даже, чем он становился координированным, когда он едва ли заслуживал эпитета “мыслящий”, и до того как он устанавливал контакт с душой. Упор делался и делается на преданности: преданности наставнику в центре группы, преданности истинам, провозглашаемым наставником, преданности Учителю, а также на твердой решимости неофита заслужить титул “ученика” и иметь когда-нибудь возможность сказать: “Я знаю такого-то или такого-то Учителя”. В то же время начинающему не дают подлинного представления об ученичестве и соответствующей ему ответственности. Новые формирующиеся ныне школы дают учащимся совершенно другие идеи и практикуют совершенно иные техники тренинга.

1. Эзотерическая школа — это школа, где обучают устанавливать связь между душой, духовным человеком и личностью. Вот главная линия приближения для учащегося, и контакт с душой становится его первым великим предприятием. Он узнаёт себя как душу и старается работать как сознательная душа, а не просто как активная личность. Он учится контролировать и направлять свою низшую природу благодаря пониманию её состава, и изливать через неё свет, любовь и могущество души. Через выравнивание, концентрацию и медитацию он устанавливает постоянный контакт со своим внутренним духовным существом и приближается к тому, чтобы стать полезным служителем человечества.

2. Эзотерическая школа — это продолжение в физическом

внешнем мире внутренней группы, или Ашрама, Учителя. Как индивидуального ученика учат рассматривать себя как канал для души и аванпост сознания Учителя, так настоящая эзотерическая школа является аванпостом субъективной духовной группы, или Ашрама, обусловливаемой и впечатляемой Учителем так же, как ученик обусловливается и впечатляется своей душой. Такая группа, следовательно, находится в непосредственной связи с Иерархией.

3. Настоящая эзотерическая школа работает на четырёх уровнях служения и накопления опыта. Это позволяет ученику осуществлять всесторонний контакт с человечеством, используя всю свою оснащённость. В настоящих духовных школах, санкционируемых и поддерживаемых Учителями, обучают служению человечеству, а не внушают ученику необходимость быть в контакте с Учителем, как происходит в большинстве эзотерических школ старой формации. Контакт с Учителем зависит от степени и качества служения **268]** ученика своим ближним. Это обстоятельство часто упускается из виду наставниками, делающими упор на личных достижениях индивидуума и индивидуальном совершенствовании. Новые, формирующиеся сейчас школы учат людей утолять мировую потребность и духовно служить на следующих четырёх уровнях сознательной деятельности:

а. На уровне внешнего мира. Ученика учат жить нормально, практично, продуктивно и духовно в повседневном мире. Он отнюдь не капризный и не эксцентричный человек.

б. На уровне мира смысла. Ученика учат, почему и по какой причине имеют место такие-то происшествия и обстоятельства – как индивидуальные, так и универсальные. Следовательно, его учат действовать в качестве интерпретатора событий и носителя света.

в. На уровне души в её собственном мире. Это превращает ученика в канал божественной любви, поскольку природа души есть любовь. Он исцеляет и несёт в мир вдохновение.

г. На уровне Ашрама, или группы Учителя. Его учат сотрудничать с иерархическим планом по мере того, как последний постепенно ему открывается, и обретать знание, которое позволяет управлять некоторыми энергиями, вызывающими мировые события. Он, следовательно, выполняет цели внутренней группы, к которой причастен. Вдохновляемый Учителем и Его коллективом действующих учеников и посвященных, он несёт человечеству конкретное знание об Иерархии.

4. Эзотерическая школа тренирует ученика в групповой

работе. Он учится отказываться от личных планов в пользу групповой цели – всегда направленной на служение человечеству и Иерархии. Он втягивается в групповую деятельность и – не теряя ничего от своей индивидуализированной, особо оснащённой подлинности – становится преданным исполнителем Плана, не допуская никакой мысли о своем отдельном “я”, если она может обусловливать его мышление.

5. Эзотерическая школа не зиждется на авторитете или требованиях признания и послушания со стороны наставника. Она не базируется на притязаниях некоего, как правило, заурядного человека на то, что он посвященный и по своему статусу уполномочен давать догматические установки. Единственным признанным полномочием обладает сама истина, интуитивно воспринимаемая и подвергаемая ментальному анализу и толкованию ученика. Ученик, который (работая под началом одного из Учителей) учреждает **269]** эзотерическую школу, не имеет абсолютно никаких полномочий, кроме полномочия жить жизнью, как можно более близкой к истине, которую он несёт группе. Послушание, практикуемое в его группе учащихся, есть не что иное, как признание взаимной ответственности, совместной преданности групповому намерению и групповой цели, которые указываются групповым лидером в виде предложения, а не повеления. Авторитарные заявления, исходящие от наставника группы, любые с его стороны требования признания или требования беспрекословного послушания и верности от своих последователей свидетельствуют о нём, как о начинающем, простом стремящемся, полном благих намерений и побуждений. Они показывают, что он не ученик, которому поручена работа Иерархии.

6. Эзотерическая группа — это группа, где внимание уделяется целостному развитию ученика. Выстроенный характер и бескорыстное устремление считаются уже имеющимися, и никакого особого акцента на обычных добродетелях, таких как чистота внешней жизни, добрый нрав и свобода от самоутверждения, не ставится. Эти качества полагаются базовыми, в какой-то мере присущими, но дальнейшее их развитие рассматривается как личная проблема ученика, а не как проблема наставника и группы. Ментальное развитие подчёркивается, чтобы ученик имел интеллектуальный, аналитический (а не критический) ум и обладал богатым и хорошо скоординированным ментальным оснащением. Голова и сердце считаются одинаково значимыми и равно божественными. Именно с состояниями сознания людей повсеместно, независимо от их положения, расы и национальности, работает Иерархия.

Учеников тренируют работать так же, чтобы в конечном счёте они сами становились Учителями Мудрости. Этого они добиваются, преодолевая все трудности и препятствия могуществом собственной души. Тем самым они освобождают кого-то из Учителей, активно действующих в мире, для другой, более высокой работы.

7. Эзотерическая школа, таким образом, является посредником, благодаря которому жизненный фокус ученика утверждается в душе; ни физический, ни эмоциональный, ни ментальный миры не являются для него главными сферами активности. Для него они – просто поле служения, а личность его становится тем инструментом, посредством которого служит его душа. Он учится работать исключительно с духовных уровней, сознание его стабильно центрируется в душе и в Ашраме Учителя. Эзотерическая школа обучает, как этого добиваться, как устанавливать контакт со своей душой, жить **270]** как душа, распознавать Учителя и работать в группе Учителя. Ученик изучает техники, посредством которых он может регистрировать впечатления от Учителя, отзываться на групповое намерение и тем самым становиться всё более восприимчивым по отношению к Плану, с которым Учитель или Ашрам дали обет сотрудничать. Его обучают, как действовать, чтобы поднимать сознание расы; он это делает осознанно, непосредственно используя свой тренированный ум, свою контролируемую эмоциональную природу и свой отзывчивый мозг. Он становится искусным в том, как исполнять трудную двойственную роль ученика – жить как душа в повседневном мире и сознательно сотрудничать с Иерархией.

Существует множество других определений эзотерической школы, но я выбрала самые простые, те, что следует уяснить прежде всего, чтобы продвигаться в правильном направлении. Шаг за шагом ученика ведут вперед по Пути, пока не наступает время, когда он готов к тем большим расширениям сознания, которые мы называем “Посвящениями”. Тогда он начинает сознательно прокладывать Путь Посвящения, с которым эзотерические школы будущего будут знакомить широкую публику.

Этим и занята *Школа Арканов*, – исполнением семи данных требований, предъявляемых ко всем эзотерическим школам. Она не занимается, да и не занималась подготовкой учеников к посвящению. Она пытается тренировать учащихся устанавливать предварительные контакты и работать как настоящие служители в мире. Сегодня не существует истинной эзотерической школы, осуществляющей тренинг на посвящение. Те, кто такое

утверждает, вводят общественность в заблуждение. Тренинг на жизнь ученичества, в академическом понимании, уже может проводиться. Тренинг на жизнь посвящённого пока ещё должен осуществляться индивидуально, через контакты в мире духовного бытия.

II. Как формируется эзотерическая школа

Эзотерическая школа формируется не потому, что Учитель приказывает ученику её сформировать. Ученик, учреждающий подобную школу подготовительного оккультизма, делает это исключительно по собственной воле. Это его конкретная самостоятельная задача. Он с полной отдачей служит в Ашраме Учителя; он знает мировую нужду; он страстно тянется служить и неизменно сознаёт факт своего ученичества и методы, которыми его обучают и ведут вперёд по Пути. Итак, он — сознательный работник, хорошо осведомлённый о долге ученика, находящийся в контакте со своей душой и всё яснее ощущающий исходящие от Учителя впечатления. Обычно он не планирует открыть эзотерическую школу; никакая конкретная организация не вырисовывается у него в уме. Просто **271]** он страстно желает утолить назревшую потребность. Благодаря тому, что он имеет контакт со своей душой и – в случае более продвинутых учеников – находится в контакте с Учителем и Ашрамом, его повседневная жизнь становится магнетической, излучающей и динамической. Таким образом он притягивает к себе тех, кому может помочь, собирая их вокруг себя. Он становится *центральной точкой жизни в живом организме, а не главой организации*. Вот разница между работой исполненного благих намерений стремящегося и тренированного ученика. Мир полон организаций во главе с лицами, чьи мотивы обычно благие, но методы и подходы к тем, кому они стараются служить, не отличаются от методов делового мира; они могут построить полезную организацию, но не основать эзотерическую школу. Ученик же становится центром жизненной излучающей группы, которая растёт и достигает своих целей благодаря жизни в центре, развивающейся изнутри наружу; именно сила жизни ученика обеспечивает группе успех, а не система рекламы и громкие притязания, а что до коммерческого успеха, то он приходит редко (если вообще приходит).

Люди отзываются на звучащую ноту и на преподносимые истины, и влияние группы постоянно возрастает, пока ученик не

обнаруживает себя ответственным за группу стремящихся. Мерой его контакта с душой, чувствительного отклика на пожелания Учителя и на впечатления, получаемые от Ашрама, к которому он причастен, определяются сплочённость и полезность группы, с которой он работает. Мало-помалу он собирает вокруг себя тех, кто может помогать в преподавании, и от его мудрости и различения при подборе помощников зависит в основном успех его служения. Авторитет в группе или среди помощников основан исключительно на его большем знании, мудрости и свете; эти качества делают его непоколебимой точкой могущества, о которую меньшие интерпретации и методы разбиваются и отпадают. Он обучает определенным неизменным оккультным принципам, которых вся группа учится придерживаться с лёгкостью и без всякого сопротивления. Это те самые принципы, которые вовлекли группу в работу. Ученик наблюдает за своими помощниками, отслеживая знаки духовного раскрытия, и, когда последние очевидны, побуждает их брать на себя ту или иную ответственность. Он живёт среди них, как их однокашник и соученик, прокладывая Путь вместе с теми, кого стремится обучать. Смирение – вот ключевая нота истинного эзотерического лидера, потому что смирение свидетельствует о в*и*дении и чувстве пропорции. Последние научают его тому, что с каждым новым шагом в духовной жизни открываются новые этапы, которыми надо **272]** овладеть. Разница между тренированным учеником и начинающим состоит в том, что последний обладает меньшим в*и*дением и склонен считать путь более лёгким, чем он есть на самом деле. Он себя переоценивает. Ученик же обладает более обширным в*и*дением и знает, как много придётся сделать, чтобы это в*и*дение стало реальностью.

Эзотерические школы можно разделить на множество категорий в зависимости от точки развития наставника. Именно подсознательное знание данной зависимости подталкивает посредственного лидера рекламировать свою работу, привлекать внимание к своим усилиям громкими, шумными притязаниями, претензиями на знакомство с Учителем, а то и со всей Иерархией, тем самым требуя признания. Всё это характеризует начинающего, которому нужно усвоить, что истинная эзотерическая школа всегда учреждается самим учеником и что она является его попыткой служения, а не проявлением активности Учителя. Ученик – не Учитель – единственный, кто отвечает за успех или провал школы. Учителя *не* ответственны за школы, которые сейчас существуют или находятся в процессе формирования. Учителя не вырабатывают политики и не ставят задач. В каком объёме ученик-лидер сознательно и смиренно

контактирует с Учителем и Его ашрамом, в таком могущество внутренней группы изливается через школу; оно являет себя как духовный свет и мудрость, а не принимает форму конкретного наставления, повеления или приказания и не переносит ответственность с лидера на Учителя. Ученик сам принимает решения, тренирует собственных помощников, провозглашает собственную политику, интерпретирует Вневременную Мудрость сообразно свету, который в нём есть, и наблюдает за тренингом учащихся. Чем более продвинут ученик, тем меньше он распространяется о своем Учителе и тем яснее указывает дорогу к Иерархии; он делает акцент ставится на индивидуальной ответственности и на фундаментальных оккультных принципах.

Современные школы можно разделить на три группы:

1. Имеется большое количество так называемых эзотерических школ, которые *учреждены стремящимися*. Последние хотят помогать своим собратьям, движимые любовью к преподаванию, определенной мерой любви к человечеству и отчасти личной амбицией. Их методы, в конечном счёте, экзотерические; они предлагают тренинг, основанный на том, что уже известно и выдано, не обучая ничему новому, с какими бы степенями они ни соотносили и какой бы таинственностью они ни прикрывали излагаемое ими. Они применяют стандартные книги по оккультизму или компилируют собственные учебники из уже написанных, часто подбирая зрелищные, **273]** маловажные детали и опуская то, что является духовным и существенным. Они так или иначе рекламируют свою школу, нередко упирая на коммерческую сторону дела. Они требуют послушания и относятся с неодобрением и критицизмом к другим школам, настаивая на беспрекословной приверженности лидеру и на лояльности к его интерпретации истины. Такие школы ведут полезную работу в массах, знакомя с фактом существования Учителей, тайной доктриной и нынешней возможностью духовного развития. Они занимают определённое место в плане Иерархии, но это *не* эзотерические школы, а лидеры их – не ученики; они стремящиеся на Пути Испытания, к тому же не очень продвинутые.

2. Существует также определенное количество эзотерических школ, *учреждённых учениками*, которые, стараясь помогать своей группе, учатся преподавать и служить. Таких школ мало по сравнению с вышеописанными, и они гораздо малочисленней, потому что лидер строже придерживается оккультных правил и старается соответствовать духовным требованиям. Он пытается учить смиренно, без всяких претензий; он осведомлён, что сам он

медленно приближается к знанию души и что контакты его с Учителем пока весьма нечасты. Обычно он пользуется академическими и теологическими подходами в изложении истины, но не навязывает своего личного авторитета. Его влияние и излучение пока не слишком сильны, но Учитель пристально за ним наблюдает, поскольку потенциально он ценный сотрудник и можно не сомневаться, что он учится – обычно на своих ошибках. Достучаться ему под силу до гораздо меньшего числа людей, чем первой, шумной группе, но он осуществляет более правильный тренинг и помогает начинающим освоить фундаментальные положения Вневременной Мудрости. Его работа пролегает посредине между работой формирующихся ныне групп и той, что свойственна старым группам.

3. Наконец, в наше время появляются новые эзотерические школы. Они *учреждаются более продвинутыми учениками*. Так и должно быть, поскольку задача их значительно сложнее и включает издание настолько чистой ноты, что четко проступает отличие нового от старого и уясняются новые истины и интерпретации. Новые, более продвинутые представления базируются на старых истинах, но интерпретируются по-иному, что вызывает антагонизм старых школ. У этих более продвинутых учеников более сильное излучение и намного более широкое влияние, а работа их приобретает всемирный размах. Она не только вызывает антагонизм и отвергается **274]** группами старой формации, но и вызывает отклик у многих их учащихся, которые переросли старые методы, жаждут нового подхода к Богу и готовы к более духовному пути. Такие учащиеся становятся фокусами духовной деятельности в составе старых групп и в своём окружении. Что приводит к трём результатам:

а. Старые группы отвергают тех, кто отзывается на новое эзотерическое учение, исключая их из своего состава.

б. Новые школы начинают оформляться после такого отвержения в ответ на учение, проповедуемое более могущественным и беспристрастным учеником.

в. Общество замечает новое движение, и возникает повсеместный интерес к тому, что является эзотерическим и связано с Иерархией.

Ученики, которым доверено трудное дело учреждения новых школ, технически известны как мировые ученики. Их деятельность распространяется во всех направлениях, подрывая влияние старых школ, тем самым освобождая тех, кто готов к новейшим учениям; создавая новые школы, занимающие срединную позицию между старыми и будущими Школами

Посвящения; впечатляя сознание людей повсюду; расширяя кругозор общества и представляя человечеству новые концепции и возможности. Такой процесс идёт прямо сегодня. Поэтому ищущим придётся научиться различать работу исполненного благих намерений стремящегося, основывающего школу эзотеризма для начинающих, работу ученика, который учится быть наставником, и работу мирового ученика, отвергающего старые пути и учреждающего новые, более подходящие методы обучения оккультным истинам. *Школа Арканов* – часть именно такого всемирного предприятия.

Имеются также хорошо известные, эффектные псевдо-школы, которые влекут к себе людей неинтеллектуальных и любопытствующих; к счастью, у них очень короткий цикл влияния. Они приносят массу временных неприятностей, поскольку искажают учение и дают ложные представления об Учителях и Пути, но в перспективе могущество их практически равно нулю. Первые три типа школ делают доброе дело, утоляя потребности тех, кто отзывается на их ноту. Старые школы постепенно отмирают; те, что относятся ко второй группе, будут действовать ещё долго, давая элементарные наставления и тренируя учеников в методах работы и служения. Последние школы новейшего типа будут усиливаться в **275]** могуществе и готовить учеников Нового Века для будущих Школ Посвящения.

III. Истины, которым учат в подлинных эзотерических школах

Следует отметить, что многие истины, сообщавшиеся до сих пор под видом “эзотерических”, либо таковыми не являлись, либо стали сейчас чисто экзотерическими. Эзотерические истины прошлого — это фундаментальные экзотерические истины настоящего. За последнее столетие эзотерические доктрины и тайное учение Вневременной Мудрости – часто дававшиеся ученикам при условии сохранения тайны – стали публичным достоянием. Природа человека, изучавшаяся в мистериальных школах, вошла – под другими названиями – в современную психологию. Тайны астрального, эфирного и ментального тел раскрываются сейчас в университетах, на психологических курсах, где разбирают жизнеспособность человеческого существа, его эмоциональную природу и ум. Существование Учителей хранилось в строжайшей тайне; сегодня этот факт обсуждается разными общественными движениями во всех больших городах.

Способы и техники медитации были предусмотрительно скрыты, а публике внушали, что подобные учения опасны; сегодня они широко распространены, и множество людей в мире медитируют, достигают выравнивания, приходят к контакту с душой и знанию о ней. Истина также вуалировалась и скрывалась гигантским объемом второстепенных учений, которые уводили в сторону интересы ищущего, отвлекая его внимание тем, что преувеличивают значение внешних феноменов. Позы, древние формулы, слова и мантрамы, дыхательные упражнения, таинственные намёки относительно подъёма огней кундалини, пробуждение центров и прочие соблазнительные аспекты вторичного оккультизма заставляли людей упускать из виду тот факт, что все эти представления большей частью относятся к сфере феноменов и связаны с физическим телом, его правильным выравниванием, оживотворением и энергетизацией, и что они имеют дело со следствиями, а не с сущностными причинами этих следствий. Все феноменальные результаты демонстрируются естественно, безопасно, надежно и автоматически, когда внутренний – эмоциональный и ментальный – человек сопряжён с духовным миром и начинает действовать как духовное существо. Такой подход к истине со стороны следствий сильно вредит делу истинного оккультизма и вводит в заблуждение лучшие умы в духовной сфере.

В формирующихся ныне школах акцент ставится на душевной **276]** осведомленности, духовном знании и понимании высших сил, на прямом, непосредственном знании, переданном духовной Иерархией, управляющей жизнью планеты, на постижении (последовательно возрастающем) божественной природы и Плана, который, согласно воле Бога, всё полнее обусловливает происходящее в мире. Изучаются законы, управляющие индивидуумом, человечеством и царствами природы, и вся Наука Отношений (как она вырисовывается в нашем развивающемся мире) вызывает практический интерес ученика. По мере установления им правильных отношений с собой, с миром духовного бытия в мире человеческой жизни и со всеми формами божественной жизни, *автоматически* происходит пробуждение его собственной природы, центры его становятся живыми источниками духовного могущества, и он целиком втягивается в ритмическую деятельность и становится полезным. Всё это происходит в результате правильного урегулирования его отношений с Богом и людьми, раскрывающегося понимания божественной цели и знания различных научных техник и законов, обусловливающих все феномены, включая человека.

Я хочу, чтобы это стало ясным. *Школа Арканов*, будучи одной

из новейших промежуточных школ, имеет дело с общими постулатами тайной доктрины, но только как с фундаментом нового раскрывающегося учения. Дыхательные упражнения даются лишь после нескольких лет работы, никакого акцента на их значимости не делается, поскольку правильное дыхание (в эзотерическом понимании) зависит не от контроля за легкими и дыхательным аппаратом, а от верной ориентации и ритмической настройки жизни на духовный порядок и обстоятельства.

Психология внутреннего человека, обусловливающего центры жизненного тела, также изучается; упор, однако, делается на психологическом аспекте, а не на центрах; последние функционируют правильно, если мышление здраво и человек успешно живет двойственной жизнью ученика, устанавливая, с одной стороны, правильные отношения с миром душ и Иерархией и, с другой стороны, правильные отношения со своими ближними в повседневной жизни.

После предварительного введения в общие основы и уяснения того объема понимания, которым обладает учащийся, а также после некоторых базовых наставлений о природе медитации, в новых школах преподают следующие предметы:

1. *Наука Передачи Впечатлений*. Учащийся обучается быть чувствительным к “впечатлениям”, приходящим от его собственной души, а позднее – от Учителя и Ашрама. Он обучается правильно **277]** интерпретировать эти впечатления посредством своего тренированного просветленного ума; он учится отличать то, что исходит от его собственной подсознательной природы, от того, что телепатически принимается из мира мысли и исходит от умов других людей, и от того, что приходит из мира духовного бытия.

2. *Наука Единения*. Посредством неё ученик обучается интеграции и координации, контакту и слиянию души с личностью, а позднее – установлению прямых отношений между наивысшим духовным аспектом и своим личным “я”. Это и есть методичный процесс устойчивого раскрытия сознания, готовящий учащегося извлекать пользу из учений, которые будут даваться в Школах Посвящения. Природа посвящения, как выражение больших расширений сознания и результат самостоятельных интеграций, также изучается.

3. *Природа Иерархии*. Он усваивает, что с Иерархией могут непосредственно контактировать и узнавать её те, кто проходит необходимый тренинг и подчиняется дисциплине. Последняя должна налагаться самим учеником и приспосабливаться к его природе и точке развития. Обсуждаются различные ранги в

Иерархии, преподаётся природа предстоящих посвящений и изучается работа Христа как Главы Иерархии. Таким образом, ученик получает ясное представление о внутренней группе, которая и является его целью.

4. *Наука Медитации.* Ученик постепенно овладевает медитацией с её разными стадиями (выравниванием, концентрацией, медитацией, созерцанием, просветлением и вдохновением) и благодаря ей обучается правильному использованию ума, правильному контролю над мыслью и правильной интерпретации всех духовных феноменов. Он уясняет смысл просветления с его семью стадиями и начинает (всё более эффективно) жить вдохновенной жизнью Сына Божьего.

5. *Законы Духовного Мира* изучаются, и ученик учится прилагать эти законы к себе, к событиям, к миру и к человечеству.

Они в числе многих других включают:

а. Закон Причины и Следствия,

б. Закон Перевоплощения,

в. Закон Эволюции,

г. Закон Здоровья.

278] Эти законы касаются обнаружения мира духовных ценностей и импульсов через посредство мира материальных феноменов.

6. *План*, хранителем которого является Иерархия и который лежит в основе всего, что происходит на планете, продвигая божественную цель, преподносится вниманию учащихся; изучается его работа в прошлом, доведшая человечество до нынешней точки развития; происшествия нашего времени интерпретируются в категориях плана Бога и исследуются как прелюдия к будущему; ближайший шаг вперёд вдумчиво осмысливается, и учащийся призывается к активному в нём участию. Позднее, когда ученик становится активной, сознательной частью Иерархии, он знакомится с широтой божественного замысла и может осмысленно исполнять ближайшую задачу.

7. *Энергии и Силы*, являющиеся самой субстанцией творения, должны быть поняты и со временем взяты под контроль. Ученик узнаёт, что всё, выявляющееся на планете и внутри неё, есть не что иное, как совокупность сил, создающих формы, и что всё есть движение и жизненность. Он начинает с изучения природы сил, делающих его тем, кто он, как человек, есть; затем он учится привлекать более высокую энергию, энергию души, для контроля над силами. Он изучает природу духа, души и материи, обычно называя их жизнью, сознанием и формой или жизнью, качеством

и явлением, и таким образом более или менее вникает в природу божественной Троицы и в электрическую природу всех феноменов, включая человеческое существо.

8. *Эзотерическая Психология* также считается имеющей огромное значение. Это знаменует смещение внимания от более материальных представлений старых школ эзотеризма с акцентом на планах, материальных и строительных процессах и составе форм. В новых школах акцент ставится на природе души в форме и на том созидательном агенте, который работает с материальным миром и в нём. Изучаются семь основных типов людей; исследуются их характеристики плюс их отношение к семи группам, на которые подразделяется Иерархия, и к семи большим Лучам, или Энергиям (эманациям, которые в Библии именуются "семью духами перед престолом Бога"). Итак, синтез всего проявленного становится очевидным, и ясно видится место части внутри целого.

279] Существует множество дополнительных курсов, с которыми ученик должен быть в какой-то степени знаком перед вступлением в будущие Школы Посвящения, но вышеуказанные курсы представляют общую программу, по которой будет проходить обучение в новейших школах. *Школа Арканов* пытается дать общую подготовку по этим фундаментальным основам, чтобы учащийся умел пользоваться обилием литературы и учений, которые появятся до конца столетия.

Прежде всего, учащийся обязан получить общее представление об эзотерическом учении; тогда он узнает, в каком из множества направлений ему, как индивидууму, следовать; он обязан научиться практически применять учение, претворяя теорию в практику и демонстрируя необходимость и возможность пребывания в мире смысла. Он распознаёт взаимосвязь всех событий, индивидуальных, общечеловеческих и планетарных, а также почему и по какой причине всё происходит. Приобретая знание эзотерической психологии и овладевая некоторыми техниками медитативного процесса, он может уяснить, на какой ступени лестницы эволюции он находится; тогда он узнает, каков его следующий шаг и следующая цель раскрытия; он также узнает, каким должно быть его служение человечеству и кому он способен помочь.

Он начинает *сознательно* обучаться в великой школе духовного опыта; в этой школе он в конце концов получает ответы на все вопросы и разрешает свои проблемы. Он открывает, что главными предпосылками для успешной эзотерической работы являются терпение, упорство, в*и*дение и правильное распознавание. Если ученик добавляет к ним чувство юмора,

открытый ум и отсутствие фанатизма, то он быстро идёт по “Светлой Дороге”, как часто называют Путь. В конце он оказывается перед Дверью Посвящения, на которой начертаны слова Христа: “Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам”.

Январь 1944 г.

ПРИНЦИПЫ ШКОЛЫ АРКАНОВ

Алиса А. Бейли

282] Поскольку вы вступаете в Школу Арканов и становитесь активной частью этой группы, мы бы хотели представить вам некоторые фундаментальные идеи, или руководящие принципы. От них зависит успех работы — и вашей, и нашей. Вы берётесь за дело, к которому вас подготовили и текущая жизнь, и все предшествующие жизни (если вы признаете Закон Перевоплощения и новую благоприятную возможность). Это колоссальное предприятие; по всей вероятности, оно потребует от вас переориентировать всю свою жизнь и жизнедеятельность; оно означает усвоение правил, обеспечивающих перенос ваших жизненных усилий из четвертого, или человеческого, царства в пятое царство. Последнее – такое же царство природы, как и человеческое или животное; оно иногда называется Царством Божьим, а иногда – Духовной Иерархией планеты. Школа подготавливает к большим расширениям сознания, которые трансформируют ваше сознание, наделив постоянной осведомленностью об универсальном ЦЕЛОМ вместо того, чтобы отождествляться с крошечной частицей этого Целого; она позволит вам заменить синтезом ту изолирующую обособленность, которая характерна для обычного человека.

Осваивая новую жизнь тренинга и наработки нового, духовного образа жизни, вам следует уловить некоторые сущностные утверждения и эзотерические условия, которые могут упростить для вас приближение к этому царству и к истине, и помочь распознать прочный фундамент, на которой вы встаёте. Наверное, было бы правильно, если бы вы задали некоторые важные вопросы, а мы бы на них ответили.

Какова цель Школы Арканов?

В чём суть ее учения?

Из каких принципов исходят при тренинге и оказании помощи?

Что я обязуюсь делать, вступая в Школу Арканов?

Каковы изначальные цели подлинной эзотерической школы, и соответствует ли им Школа Арканов?

Какими базовыми концепциями и идеями руководствуется Школа Арканов?

281] Имеются семь принципов, или главных задач, которых просят придерживаться всех работников и учащихся Школы

Арканов. Их изучение сильно облегчит любую будущую работу, проясняя вопросы и расчищая дорогу к пониманию. *Эти принципы неизменны и никогда не будут меняться*; если их изменить, Школа Арканов перестанет служить своей изначальной цели.

Методы и техники могут меняться; догмы и доктрины появляются и исчезают, по мере того как *Вневременная Мудрость* являет себя поколению за поколением, и откровение непрерывно раскрывается, когда человечество его требует; но глубинная задача всех эзотерических школ (включая, стало быть, и Школу Арканов) всегда остаётся одной и той же. Эта задача заключается в *откровении о божественности в человеке и во вселенной*, и неизменно ведёт к признанию Бога Трансцендентного и Бога Имманентного. Это правда, что терминология и представления о Единой Истине должны со временем меняться, тем самым, удовлетворяя нужды разных народов мира, однако то, что они пытаются выразить, навеки остаётся неизменным. Надо надеяться, что – десятилетие за десятилетием – техники и методы тренинга, предлагаемого Школой Арканов, будут меняться в ответ на требования стремящихся, раскрытие человеческого ума и, как следствие, развитие человеческой культуры и цивилизации. Однако перемены никогда не должны происходить за счет истины или вести к искажению эзотерического учения; равным образом им нельзя придавать недолжного, преувеличенного значения, заслоняющего Реальность и застилающего Видение.

Семь принципов, или существенных утверждений, следующие:

1. Школа Арканов – это школа тренинга для учеников. Это *не* школа для испытуемых учеников или преданных стремящихся.

2. Школа Арканов тренирует *зрелых* мужчин и женщин, чтобы они могли предпринять свой следующий шаг на пути эволюции.

3. Школа Арканов признает *факт существования* Духовной Иерархии планеты и даёт наставления о том, как приблизиться и войти в эту Иерархию.

4. Школа Арканов учит практической вере в то, что “души людей едины”.

5. Школа Арканов подчеркивает необходимость *жить* духовной жизнью и отвергает всякие претензии на духовный статус.

6. Школа Арканов – несектантская, неполитическая, интернациональная по своему масштабу.

7. Школа Арканов не акцентирует теологических догм, а лишь наставляет во Вневременной Мудрости, как она распознавалась во всех странах на протяжении веков.

Теперь разберем каждый из этих фундаментальных

принципов, установив, что они означают и как они выражаются через методы и способы работы Школы Арканов.

I. Школа Арканов – это школа тренинга для учеников

К концу Мировой Войны (1914-1945 гг.) Школа Арканов существовала уже около двадцати пяти лет, и в ней прошли обучение свыше 20000 человек. Её программа расширяется; шаг за шагом углубляются исследования и интенсифицируется медитативная работа, по мере того как учащийся переходит с курса на курс.

О развитии психических способностей никакого учения не даётся; людей не учат быть ясновидящими или яснослышащими; нет тренинга в магии или в использовании магических ритуалов, ничего никогда не преподаётся и по части сексуальной магии. Весь упор делается на духовном образе жизни, на ментальном понимании оккультного учения, на правилах и процессах, определяющих правильные отношения со своими ближними, правильное отношение к собственной душе, правильное отношение к Духовной Иерархии (Верховным Главой которой является Христос) и правильное отношение к Учителю и Его Ашраму, или группе.

Поскольку Школа Арканов предназначена только для того, чтобы учить людей быть сознательными действующими учениками, её программа рассчитана на неизбежный отсев обучающихся. Работа, которую вас просят исполнять, непростая, да и не может быть простой. Поддерживаемый желательный стандарт высок, работа планируется таким образом, что те, чья ментальная оснащённость и духовное устремление неадекватны требованиям, автоматически отсеиваются; они *сами* обнаруживают, что не справляются с работой. Мы никогда не поощряем людей продолжать участвовать в работе, если они не демонстрируют своей пригодности, иначе они лишь разочаровываются, трудятся с чувством тщетности, а это плохо для всех.

Ученичество подразумевает наличие любящего сердца и острого, бдительного ума. Любящее сердце наряду с преданностью всегда подчеркивались церквями и эзотерическими группами. Эти качества фундаментально ценны и необходимы, однако острый, бдительный и тренированный ум не менее важен. Учителя пробиваются к миру людей через Своих учеников;

именно так Они **283]** предпочитают действовать. Поэтому Они ищут мыслящих, контролирующих себя мужчин и женщин – обладающих в*и*дением и добровольно подчинившихся духовной дисциплине, — через которых работа могла бы проводиться. Иными словами, мы намеренно делаем работу трудной и удерживаем высокий стандарт требований, поскольку отыскиваем тех, кто способен пользоваться своим умом или по крайней мере демонстрирует *готовность* развивать и задействовать свои ментальные процессы. Потребности людей более эмоционального и устремленного типа, так называемых преданных, вполне могут удовлетворяться, и удовлетворяются, в других группах и эзотерических школах.

Через всю работу Школы Арканов проходит тема служения. Служение своим собратьям – это отличительная черта ученика и ключ, открывающий для него дверь посвящения. Поэтому всем, вступающим в Школу и начинающим новый цикл тренинга, мы говорим: исследуйте, думайте и доказывайте себе и нам то, что вы усвоили учение – своими письменными исследовательскими работами; учитесь медитировать, тем самым устанавливая контакт со своим истинным духовным “Я”, душой, и делайте служение выражением того, что вам известно. Эти три направления должны быть вашими основными духовными занятиями во время учебы на начальных курсах. Вы обнаружите, что по мере того как проходит год за годом, вы всё дальше продвигаетесь по дороге к Иерархии, и вся ваша жизнь обретает более полный и глубокий смысл. Именно в мир смысла мы и пытаемся проникнуть. Потом вы увидите, что и последующие курсы готовы открыть вам своё содержание, поскольку вы доказали, что исполнили требуемую подготовительную работу, усвоили определённый объём технического и академического знания, добились определённых духовных касаний и подошли к определённым большим распознаваниям.

II. Школа Арканов тренирует зрелых мужчин и женщин, подводя их к следующему шагу вперед по Пути Эволюции

Поступая в Школу Арканов, вы участвуете в новом эксперименте по обучению зрелых людей. Этот эксперимент основан на трех главных предпосылках:

1. Каждый учащийся дает обет оккультного послушания.
2. Каждый учащийся совершенно свободен в том, осваивать

ли ему, и в какой мере, программу Школы.

3. Каждый учащийся может при желании стать работником в Школе Арканов.

284] Ведь что такое зрелый человек? Это — с нашей точки зрения — мужчина или женщина, добившиеся некоторой базовой интеграции или интеграций, либо сознательно пытающиеся их достичь. Зрелость не имеет ничего общего с возрастом. Мы полагаем (как и современная психология), что человеческое существо — это синтез физической природы, жизненной активности, суммы эмоциональных состояний и ощущений, и ума. Эти различные аспекты подчас не связаны между собой, в большинстве случаев эмоциональная природа господствует над всеми остальными, и ум имеет мало возможностей показать свое присутствие. Когда же достигнута определённая степень баланса, или равновесия, когда ум, эмоциональная природа и жизненное физическое тело образуют функциональное единство, тогда человек — зрелое существо. Он заслуживает названия “личности” и осуществил в себе (в результате эволюционного процесса) ряд интеграций.

Многие учащиеся Школы Арканов работают над проблемой личностной интеграции или над задачей развития ума, чтобы он мог эффективно контролировать эмоциональную природу и направлять деятельность человека на физическом плане. Другие добились ощутимой меры личностной интеграции и работают над ещё большим синтезом, синтезом души и личности, или высшего “я” и низшего “я”. Когда последняя интеграция произойдёт, человека можно считать “насыщенной душой личностью”. На этом этапе или при его завершении он может стать принятым учеником — в техническом понимании.

Упомянутое *оккультное послушание* — это послушание человека, личности, собственной душе. Это *не* послушание какому-либо наставнику или своду доктрин. В Школе Арканов ни от кого ни на какой стадии не требуют обетов или клятв послушания. После того, как учащиеся добровольно поступили в Школу, мы предполагаем, что они (тоже добровольно) постараются исполнять требования. Наше ожидание подкрепляется не оккультным послушанием, а исходит из простого здравого смысла. Оккультное послушание — это спонтанная реакция ума на желания или волю души. Это значит, что стремящийся к ученичеству тренирует себя на то, чтобы стать восприимчивым к впечатлениям, приходящим от своей души, и затем подчиняется ей. Цель медитации, прежде всего, – добиться восприимчивости, чтобы учащийся работал в свете водительства души. **285]** С её помощью, идя по пути оккультного послушания,

личность становится всё более восприимчивой к впечатлениям, приходящим от души.

Работники и секретари Школы — и в штаб-квартирах, и вне их — никогда не пытаются вмешиваться в духовную жизнь и усилия учащегося. Предлагаемые помощь в медитативной работе и рекомендации относительно духовной жизни ни к чему не обязывают. Требования нельзя навязать. Если учащийся извлекает пользу из работы и принимает нашу помощь, мы рады, но это (в конечном счёте) его дело, как её использовать; если он не задействует предоставляющихся возможностей, это, опять же, его дело.

Предоставить учащемуся *полную свободу* — фундаментальная задача Школы Арканов. Без этого не обойтись, если он собирается познавать себя и духовно расти. Учащийся волен работать или нет — как ему больше нравится; он вправе оставить учебу, когда пожелает. Естественно, если он не работает, не занимается исследованиями, не посылает отчетов о медитации, мы вынуждены в конце концов заключить, что у него нет интереса, и вычеркнуть его фамилию из нашего активного списка. Мы оставляем за собой право исключить учащегося из списка, если чувствуем, что он не извлекает пользы из того, что мы стараемся ему дать.

Наша политика заключается и в том, чтобы предоставлять учащемуся полную свободу в отношении его частной жизни. Школа Арканов не налагает на учащихся никаких физических дисциплин; мы не требуем от человека стать вегетарианцем, не курить, не употреблять алкогольных напитков, как нередко практикуется в оккультных школах. Мы считаем, что это исключительно его собственное дело, так как чувствуем, что, получая правильное учение, он сам урегулирует такого рода вопросы. Мы знаем: душа накладывает собственную дисциплину на своего агента, личность. Наша задача — тренировать его познавать собственную душу и слушаться её. Мы, следовательно, не выдвигаем перед учащимися никакого стандарта жизни, не вторгаемся в их личную жизнь; со временем душа выдвинет свой стандарт, коль скоро учащийся ведёт себя искренне и серьезно. Мы не задаем вопросов и не слушаем сплетен. Мы понимаем: всем нам приходится учиться становиться Мастерами, достигая мастерства, чтобы Единый Учитель (или Мастер) в сердце мог обрести контроль. Наше назначение — помогать учащемуся осуществить этот контроль, наставлять его древним правилам, которые обусловливают Путь Ученичества, адаптируя их к современным условиям, с учетом более продвинутого ментального восприятия современного стремящегося.

286] Мы также предоставляем нашим учащимся служить так, как им нравится и где им нравится. Мы не требуем от них браться за ту или иную деятельность, в отличие от некоторых эзотерических групп. Мы — как организация — не требуем от них никакого служения; не ждём от них посещения каких-либо лож, центров или встреч; предоставляем им работать в любой группе, церкви, организации, заниматься общественной деятельностью или улучшением культурно-бытовых условий — от них зависит, что больше всего их привлекает. Мы верим, что, если дадим им нечто духовно ценное, они его примут и применят в том окружении (каким бы оно ни было), которое их интересует или нуждается в их внимании. Абсолютная свобода работать и служить *вне* Школы Арканов — вот чем объясняется наше активное взаимодействие с учащимися самых разных убеждений и интересов, которые в то же время участвуют и в других группах. Вы обнаружите, что в Школе Арканов работают теософы и розенкрейцеры, представители Христианской Науки и церковнослужители всевозможных конфессий — протестанты и католики, а также мужчины и женщины любых религиозных и политических воззрений. Они чувствуют себя свободными, и они *на самом деле* свободны.

Опять-таки, учащиеся Школы Арканов могут формировать собственные группы и облекать в выражение собственные идеи и способы служения — без нашего вмешательства. И они это делают. Однако мы не берём на себя совершенно никакой ответственности за такие группы, они *не* считаются частью Школы Арканов или каким-либо образом причастными к нам; мы их никогда не опекаем. Мы не несём ответственности за них и за то, чему они учат; в то же время мы приветствуем эту деятельность, как поле служения учащегося, и одобряем попытки распространять учение Вневременной Мудрости. Если учащийся старается действовать подобным образом, мы считаем это хорошим знаком, ибо нужда мира в этом учении очень велика, и до многих сотен можно достучаться таким способом.

Наконец, наш эксперимент по обучению зрелых людей уникален тем, что старшие учащиеся могут становиться школьными работниками, наставниками, курируя в качестве секретарей работу младших учащихся. Они к этому способны, если демонстрируют понимание учения, умны и любят своих собратьев. В 1947 году у нас было больше 100 секретарей, их число естественным образом увеличивается с ростом Школы, а растет она очень быстро. Секретари эти – самых разных национальностей. Работа учащихся продвинутых курсов курируется двумя группами штаб-квартиры в Нью-Йорке.

III. Школа Арканов признаёт факт существования Духовной Иерархии

Школа выступает категорически против догматизма и доктринёрства. Ни от кого не ожидают признания той, другой или третьей истины; если кто-то отвергает то, что некоторые из нас исповедуют и признают, мы считаем, что это его дело, а не наше. Отношение работников штаб-квартир никак не меняется от того, что учащийся отвергает доктрину перевоплощения и отказывается верить в Иерархию и Учителей Мудрости. Всё, что мы просим — это то, чтобы он исследовал доводы за и против таких верований и затем держался того, что полагает правильным. Между тем, некоторые верования столь древнего происхождения, что они общепризнанны: либо как признанные истины, базовые предпосылки, либо как интересные гипотезы. Такого настроя или подхода к истине мы просим учащегося придерживаться, поскольку чувствуем, что он должен рассматривать подобные истины как поле для непредубежденного исследования. Это справедливо и в отношении веры в фактическое существование Духовной Иерархии; эта истина представляется нами под углом эволюционного развития; многоступенчатый ряд Существ, составляющих Иерархию, рассматривается нами как пятое царство природы, необходимый продукт опыта жизни в четвертом, человеческом царстве. Именно с Духовной Иерархией безусловно соотносится христианское учение о Царстве Божьем. Если эта предпосылка верна, то это царство с полным научным обоснованием можно считать составной частью великого эволюционного процесса, в котором многоступенчатый ряд живых существ закономерно прогрессирует от мельчайшего атома до Самого Бога.

На начальных этапах работы в Школе Арканов об этом почти не идет речи, разве лишь постольку, поскольку существование божественного Плана и факт раскрывающегося сознания в человеке и во всех формах обсуждаются и ставятся во взаимосвязь между собой. Позднее внимание учащегося направляется на Тех, Кто несет людям вдохновение и истину, — направляется в работе медитации; если же ему это не импонирует, ему даётся альтернативная медитация без всяких упоминаний о Духовной Иерархии. На последующих курсах (*к освоению которых*

приступают после прямого приглашения) подразумевается, что учащийся верит в Учителей Мудрости, и начинается элементарный тренинг на ученичество. К тому времени, после отсева на предыдущих курсах, оставшиеся делятся на две категории:

288] 1. Те, кто не сомневается в существовании Духовной Иерархии (Глава которой — Христос).

2. Те, кто ещё сомневается, но принимает это учение в качестве рабочей гипотезы.

Обе группы обучаются правилам, управляющим Путем Ученичества; эти правила вывели бесчисленные тысячи тех, кто последовательно принимал и соблюдал их, "из тьмы в свет", из четвертого царства природы в пятое. Преподаются законы и правила Ашрама Учителя. Ашрам — это центр духовного света и могущества, в котором Учитель собирает Своих учеников для инструктирования в соответствии с Планом, агентами которого они потом становятся.

Ученичество — это технический термин, означающий пригодность к обучению, готовность проводить План для человечества и глубокую любовь к своим ближним. Учащийся, который учится прилагать эти древние правила к своей повседневной жизни, в конце концов придёт к *личному* знанию Иерархии и Плана, Хранителем которого Она является. Этот План, или Бог Трансцендентный, осуществляется через процессы эволюции; последние, в конечном итоге, раскрывают факт существования Бога Имманентного.

Учащиеся отнюдь не принуждаются применять эти правила или идти по Пути Ученичества; наш опыт, однако, показывает, что, столкнувшись с соответствующей предоставляющейся возможностью, они либо соглашаются на тренинг, либо выпадают из жизни Школы Арканов, по крайней мере, на время.

На более высоких курсах Школа Арканов подчёркивает природу Плана, новый эволюционный цикл, в который человечество в наше время вступает, и неизбежность возвращения Христа — как учат все мировые религии. Христианин уповает на пришествие Христа, иудей дожидается прихода Мессии, буддист ждёт появления Боддхисаттвы, индус — грядущего Аватара, а мусульманин — явления Имама Махди. Универсальность этого учения плюс всеобщее ожидание — вот главный аргумент в пользу *факта существования* соответствующей истины. Широкое принятие какой-либо истины на протяжении веков в любой цивилизации и культуре характеризует божественно

представленный духовный факт. В наше время подобные истины должны восприниматься ментально, как обоснованные научно, а не эмоционально и мистически, как было до сих пор.

IV. Школа Арканов учит, что "души людей ЕДИНЫ"

Эта истина естественно вытекает из осмысления Плана Эволюции и постепенно постигается всеми, кто пытается практиковать правила духовной жизни и ставить себя под законы, управляющие Царством Божьим. За три прошедших столетия широко распространилось учение о братстве и братских отношениях между людьми. В Школе Арканов мы исследуем основание этого учения и всеобъемлющую божественную Жизнь, которая насыщает все дочеловеческие царства, человеческое семейство и сверхчеловеческие жизни и простирается за пределы чисто человеческого в свет самой вечности.

Практическая деятельность Школы Арканов осуществляется во всем мире. У нас есть учащиеся всех наций и вероисповеданий. Уроки и материалы Школы доступны на английском, французском, немецком, голландском, итальянском, испанском и греческом языках. Наши секретари принадлежат ко всем национальностям, и учащиеся часто курируются секретарём другой национальности; это часть попытки соединить, сплавить людей в великое духовное братство, в котором не было бы расовых, национальных или религиозных различий. Хотя исчерпывающий отчёт составить невозможно, известно, что перевод Великого Призыва имеется более чем на 50 языках и диалектах.

В Школе Арканов мы стараемся особо противостоять "великой ереси разделённости", столь характерной для современного мышления, и тем самым положить фундамент для нового мира, в котором возникнет цивилизация, основанная на вере в то, что "души людей *Едины*". Изоляционизм, замкнутость и индивидуализм — всё это выражения глубоко укоренившейся обособленности, удручающе типичной для человечества; именно она составляет основу всех наших религиозных, политических и идеологических расхождений и является неиссякаемым источником войн. Решение этой мировой проблемы лежит в формировании духовной группы (составленной из представителей всех рас и наций), собирающейся вместе для того, чтобы прокладывать Путь Ученичества, привести в проявление

Царство Божье и демонстрировать правильные человеческие отношения. Такая группа будет распознавать сходство идеализма, **290]** происхождения и цели всех прочих групп и выражать фундаментальное духовное единство. Она будет ставить акцент на точках контакта, а не на точках различия; она будет пытаться сотрудничать со всеми группами, которые обладают здоровым духовным в*и*дением и задачей, не теряя в то же время своей индивидуальности и целостности.

Именно поэтому Школа Арканов не учреждает групп, лож, не организует встреч во множестве городов мира, где живут её учащиеся. У неё нет желания конкурировать с местными ложами и лидерами, отвлекать людей от местных встреч. Как мы уже сказали, *наши учащиеся вольны работать в других организациях, от них не требуют хранить верность кому бы то ни было в Школе Арканов*. Учащихся учат постигать, что души людей едины, и жить, преисполнясь этой фундаментальной истиной. Установка, которой учащийся Школы Арканов обучается следовать, лучше всего подытожена в следующих строках, выражающих план, по которому его просят строить свою жизнь:

"Сыны человеческие едины, и я един с ними.
Я стремлюсь любить, живя без ненависти.
Я стремлюсь служить, а не требовать должного служения.
Я стремлюсь целить, а не вредить.
Пусть наградой за боль будут свет и любовь,
Пусть душа направляет внешнюю форму,
и жизнь, и события,
И раскроет в свете любовь –
основу всего происходящего.
Пусть придут видение и озарение.
Пусть откроется грядущее.
Пусть проявится внутреннее единство,
а внешняя разобщенность исчезнет.
Пусть любовь возобладает.
Пусть любят все".

V. В Школе Арканов не выдвигается никаких притязаний на место, могущество или духовный статус

Мир полон сегодня *самопровозглашенных* учеников, посвященных и Учителей; повсюду слышны громкие голоса,

требующие к себе внимания; личные претензии вводят многих в заблуждение. Ложные Учителя встречаются во многих странах, обманывая людей и проституируя божественную науку посвященных в глазах **291]** публики; псевдо-посвященные и самозванцы вояжируют с лекциями по всем уголкам Земли, лже-христы объявляются в обоих полушариях, подтверждая пророчества Христа, изложенные у Матфея, гл.24. Обмануть людей очень легко — главным образом потому, что они жаждут помощи, и потому, что они инстинктивно знают о существовании многих ступеней духовного развития рода человеческого. Массам повсеместно присуща врожденная вера в Духовную Иерархию, и именно эту веру фальшивые пророки намеренно эксплуатируют.

Наши учащиеся наставляются в истине (возвещенной Христом): “По плодам их узнаете их”; для них подчеркивается тот факт, что притязания — это гарантия мошенничества. Ни один настоящий посвящённый или Учитель никогда себя не рекламирует, не привлекает к себе внимания. Он очень занят и, будучи поглощен “вещами Царства Божьего”, не имеет времени навязывать себя кому бы то ни было.

Учителя — это люди, Которые достигли освобождения от контроля личности, или низшего “я”; поэтому Они свободны от всякого желания выдвигать личные притязания или требовать своего признания. Они предпочитают работать спокойно, молча, за сценой, имея дело с истинами и с человеческой потребностью, и побуждая людей искать единого Учителя в собственном сердце.

Работники Школы Арканов состоят в ней потому, что влекутся к работе духовной потребностью, а не потому, что ищут признания как посвящённые. Всё, на что они притязают — это стремление идти по Пути Ученичества. Вот единственное законное притязание, на которое есть право, а объявление себя посвящённым или Учителем немедленно разоблачает обман или грубое невежество. Никто в Школе Арканов (включая персонал штаб-квартир) не заявляет о своем высоком духовном статусе; любой работник, заявляющий такое, автоматически перестает быть работником Школы Арканов. Он вправе называть себя учеником, но он не вправе называть себя высоким посвящённым или Учителем.

VI. Школа Арканов – несектантская, неполитическая, интернациональная по своему масштабу

Школа Арканов готова помогать любым мужчинам и женщинам, не взирая на их религиозные воззрения, политическую партийность, идеологию или национальные обязательства. Если верно (а **292]** мы неизменно верим, что это так), что "души людей ЕДИНЫ", то, как мы полагаем, концепции и допущения сознательного ума учащегося в действительности не мешают ему уловить этот духовный факт и не препятствуют ему контактировать со своей душой. Мы только просим его держать ум открытым и культивировать готовность видеть жизнь и мировые события в целом; мы просим рассматривать происходящее в мире — в политической, религиозной, общественной или экономической области — как важнейший метод, или поле, наработки опыта, благодаря которому и в котором божественная цель постепенно проводится; мы просим проанализировать, в какой мере его конкретная вера вписывается в эту мировую программу, а также является ли его настрой исключающим или включающим.

Поскольку Школа Арканов придерживается такой установки, у нас есть учащиеся с самыми разными политическими убеждениями и религиозными воззрениями. Ибо не должно быть преград или стен, отделяющих их от остальных. Как это возможно в реальности? Религиозные убеждения человека, его политическая идеология обычно определяются местом его рождения, его национальным происхождением и традициями. С нами работают церковники всех конфессий, а также духовные люди, не имеющие религиозных пристрастий; у нас представлены приверженцы всех политических партий и идеологий. Мы работаем вместе, не оспаривая взглядов друг друга, не вступая в дискуссии. Нашим секретарям *не позволяется* вступать в политические или религиозные споры с учащимися, которых они курируют. Мы стремимся только обозначить общую цель, универсальное поле служения и древние методы, благодаря которым человеческие существа могут переходить от нереального к Реальному.

Правда, что во время войны (1914-1945 гг.) Школа Арканов официально поддерживала цель союзных наций и твёрдо противостояла нациям, воюющим против Сил Света; это действие было совсем не политическим, а исходило из духовной убеждённости, что цель стран Оси противоположна Плану Бога, что она противодействует Духовной Иерархии планеты и общему благосостоянию человечества. Политика Оси была основана на зле разделения и ненависти. Решение с нашей стороны не придерживаться нейтралитета соответствовало воле большинства учащихся. Между тем, есть эзотеристы, считающие, что быть

эзотеристом — значит держаться в стороне от мирских дел, что обучающимся эзотеризму не подобает **293]** участвовать в делах человечества в целом; им следует активно действовать в духовной и ментальной сферах. Если физический план со своими проблемами находится вне сферы влияния духовной жизни, значит, есть что-то фундаментально неправильное в нашей интерпретации истины; если же цель духовного усилия — установить Царство Божье *на земле*, тогда происходящее на физическом плане становится заботой всех духовных людей повсюду. Разве не может быть так, что именно из-за стародавнего разобщения – духовной жизни и материального действия – политика, церковь во всех странах и экономическая жизнь мира выродились до того ужасного состояния, с которым пришлось столкнуться человечеству двадцатого столетия?

Учащиеся Школы Арканов поощряются воздействовать своими духовным знанием, энергией и пониманием на дела человечества, причём *на физическом уровне* существования. Мы просим своих учащихся всех национальностей исследовать эффективное осуществление духовного плана и цели на любом этапе человеческой деятельности, тем самым соотнося слово "духовный" со своими повседневными занятиями, а не только (как слишком часто бывает) с существующими религиозными группами, с устремлением, с процессами медитации и оккультного исследования.

Человек, твёрдо верящий в то, что "души людей ЕДИНЫ", обнаружит, что он вынужден претворять эту концепцию на практике в своей ежедневной жизни; если он этого не делает, он не более чем теоретик, идеалист и непрактический мистик. Только повседневное приложение духовной и эзотерической истины делает работу Школы практическим, полезным и интересным предприятием.

Именно это убеждение делает фактор денег столь важным. Деньги определяют любой этап жизни на физическом плане; это выдающийся, главенствующий фактор нашей нынешней цивилизации. Ничтожно мало делалось до сих пор в мире для того, чтобы находить деньгам воистину духовное применение. Многое делалось, чтобы употреблять деньги в филантропических и гуманитарных целях; в достатке их находится в руках теологов разных церквей, но направление денежных средств, намеренное и целеустремленное, на работу Учителей и содействие планам Духовной Иерархии практически неизвестно. Чтобы внедрить в массы вмещающие концепции Вневременной Мудрости и знание о божественном Плане, нужны деньги, именно этого ждет сегодня человечество. Если этого не делается, то это вина мистиков,

эзотеристов и профессиональных “духовных людей” мира, которые считают **294]** деньги чем-то зловещим, тем, с чем им нельзя иметь ничего общего. Много вреда принесли школы мысли, считающие, что желание иметь деньги (даже если они предназначены для работы Учителя) вредно, злокачественно и недостойно; они заявляют, что по-настоящему духовный человек не должен просить денег или молиться, чтобы они появились.

Одна из главных потребностей в наше время — это сбор крупных денежных сумм для работы Христа и Его учеников, и для подготовки умов людей к Его приходу. Важно изменить *материальную направленность* денег, сделать их доступными для работы Учителей. Вот одна из новых ближайших задач мировых учеников и духовных работников, которую учащихся Школы Арканов просят обдумать; им рекомендуют вдуматься в её подоплеку. Школа Арканов не взимает платы за свои услуги, работа ведётся бесплатно. Ежегодный отчет рассылается всем, и учащиеся точно знают, сколько затрачено на финансирование Школы. Когда возникает необходимость, учащихся информируют и просят по возможности оплатить необходимое; во все годы проявлялось много великодушия. У Школы Арканов нет постоянного дохода, нет доброго “ангела”, регулярно вносящего крупные пожертвования. Работники штаб-квартир в Нью-Йорке, Лондоне и Женеве работают бесплатно или за минимальное жалованье. Это часть их добровольного вклада в работу.

VII. Школа Арканов представляет фундаментальные доктрины Вневременной Мудрости

Она представляет их просто для осмысления и принятия или же отвержения, в зависимости от мышления и желания учащегося. Ведь мы, как вам отлично известно, не занимаемся официальным теологическим, догматическим навязыванием истины.

В чем заключаются эти сущностные доктрины, по мнению Школы Арканов? Какие учения мы считаем нужным представлять?

1. Что Царство Божье, Духовная Иерархия нашей планеты, может материализоваться и материализуется на Земле. Мы верим, что оно уже присутствует и будет позднее признано высшим царством природы.

2. Что на протяжении веков откровение не прерывалось и от цикла к циклу Бог открывал Себя человечеству.

3. Что Бог Трансцендентный есть также Бог Имманентный и что через человеческих существ, которые воистину есть сыны Божьи (если слова Христа и всех мировых Наставников что-нибудь значат), могут выражаться три божественных аспекта: знание, любовь и воля.

4. Что есть только одна божественная Жизнь, выражающаяся через все многообразие форм всех царств природы, и что, поэтому, сыны Божьи ЕДИНЫ.

5. Что в каждом человеческом существе имеется точка света, искра Единого Пламени. Мы верим, что это душа, второй аспект божественности и то, что имел в виду Павел, говоря: “Христос в вас, упование славы”. Именно *демонстрация* в каждом божественной жизненности есть наша цель, и ученичество — ступень на дороге к этому достижению.

6. Что конечное совершенство (пусть и относительное по природе) возможно для отдельного учащегося и для человечества в целом в ходе эволюционного процесса. Этот процесс мы пытаемся исследовать и распознаём мириады развивающихся жизней, стоящих каждая на своем месте в схеме, от мельчайшего атома до четырёх признанных царств природы и далее — через пятое царство (верховный Глава которого — Христос) — до тех возвышенных сфер, где Господь Мира разрабатывает божественный План.

7. Что есть определённые неизменные законы, управляющие вселенной; развиваясь, человек узнаёт о них всё больше. Эти законы суть выражение воли Бога.

8. Что основной закон нашей вселенной видится в проявлении Бога как *Любви*.

На этих восьми основных положениях зиждется всё эзотерическое учение. Учащегося просят обязательно исследовать дополнительные факторы и другие представляемые учения, чтобы тоже принять их или нет, как он пожелает. Таковы учение о перевоплощении, которое управляется одноименным Законом, учение о циклическом характере всякого проявления, учение о сути и назначении эволюционного процесса, учение о существовании Духовной Иерархии, о существовании Учителей и Их работе, учение о природе сознания с его различными стадиями: индивидуализировавшегося сознания, самосознания и духовного сознания, **296]** которое демонстрируется на Пути Эволюции и кульминирует на Пути Посвящения.

Великие изначальные истины представляются в расчёте на их принятие, поскольку это фундаментальные истины всех мировых

религий, пользующиеся всеобщим признанием. Человек инстинктивно знает их, либо как рабочие гипотезы, которые, как он чувствует, нельзя убедительно оспорить, либо как факты, которые он признаёт в силу своей точки эволюции. Вторая категория истин предлагается только для рассмотрения и в качестве аспектов, или частностей, дополняющих более фундаментальный свод истин или вытекающих из него. Они более спорные, но миллионы людей в них верят.

Таковы семь руководящих факторов в работе Школы Арканов. Учащихся, пока они работают с нами, просят исследовать и принять эти факторы. Учащиеся приходят к нам добровольно и вольны оставить нас в любое время. Дорога наша нелегка. У всех нас будут периоды разочарования, никто из нас не увидит мир столь совершенным, каким, мы надеемся, он когда-нибудь станет, да и себя мы не увидим такими совершенными, какими нам хотелось бы быть. Но мы можем работать ради множества радикальных улучшений (и увидеть их), как в себе самих, так и в мире. В*и*дение всегда опережает действительность, в противном случае ничто не побуждало бы нас к усилию. Однако полезно осознать, что по крайней мере частично в*и*дение наше может стать фактическим достижением. Именно для этого мы и работаем.

1947 г.

ШКОЛА АРКАНОВ, ЕЁ ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ЦЕЛИ

Фостер Бейли

297] Сейчас подходящее время, чтобы обсудить связь Школы Арканов с некоторыми актуальными аспектами планов Иерархии. Мы *сознаём*, что наше знание этих планов очень ограничено, но мы также сознаём и то, что в результате тридцатилетней деятельности Тибетца в сотрудничестве с Алисой А. Бейли (которую стали называть просто А.А.Б.) нам, особенно за последние восемнадцать лет, стала доступна информация, которая никогда раньше не доходила до большинства искренних серьезных стремящихся и учеников мира. Наше знание несёт с собой ответственность. Наше особое положение предоставляет нам исключительные возможности. В нынешнее время состояние человечества является во всем мире более критическим, чем большинство из нас способны себе представить.

Школа Арканов была основана г-жой Бейли в 1923 г. С тех пор прошло двадцать восемь лет, и сейчас мы представляем собой хорошо организованную *группу служителей*, которая выполняет определённые духовные проекты, за которые мы взяли на себя ответственность. Поэтому наша позиция более или менее ясна. Все мы сознаем, что находимся в начале нового цикла в жизни группы, и это позволяет нам попытаться проследить наши эзотерические истоки и цели.

Мы s эзотерическая группа эпохи Водолея. Это означает, что мы группа учеников и стремящихся к ученичеству, которые пытаются помочь человечеству установить сознательную связь с наивысшими известными нам аспектами иерархической работы. Поэтому мы стараемся вскрывать причины, а не пытаться нейтрализовать несчастливые следствия. Мы стремимся понять более глубокие духовные смыслы, лежащие в основе мировых событий, и стараемся жить так, чтобы всё больше соответствовать сущностным духовным качествам.

Наша фактическая связь с Иерархией объясняет не только само наше существование в качестве духовной группы в мире, но и является основополагающим фактором во всех наших будущих начинаниях. Без этой осознаваемой и непрерывно поддерживаемой иерархической связи мы были бы не более эффективны в своей работе, чем множество спонтанно возникающих повсюду вокруг нас **298]** всемирных благотворительных движений, не установивших этой

сознательной духовной связи.

Всю свою жизнь А.А.Б. остерегалась любых заявлений или действий, которые могли бы интерпретироваться как её притязания на свой личный духовный статус. Это хорошо известно. Между тем, огромная, удивительно эффективная и плодотворная работа, которую она проводила, с неизбежностью доказала, что на самом деле она была самоотверженно трудящимся учеником Великих, достигшим статуса, соответствующего своему заданию, и что через неё непосредственное влияние духовной силы, исходящей из Иерархии, стало доступным и для нас.

Давайте оглянемся на то время, когда нашей группы ещё не существовало во внешнем проявлении на физическом плане, на детские годы г-жи Бейли. Когда она была девочкой-подростком, в высококультурной аристократической семье, располагавшей весьма значительным состоянием, и жила в круговороте общественных мероприятий и обязательств, как и полагалось юным леди того времени, — её Учитель пришел к ней. Выросла она в крайне консервативном окружении, её понимание религии и приверженность англиканской церкви были незыблемыми, жесткими и догматичными. Её знание о мире вне своего маленького круга опыта было поразительно ничтожным.

Посещение Учителя имело целью внедрить в физическое сознание её мозга тот план жизни, который ей предполагалось осуществить. Она была достаточно сильна, чтобы узнать о программе служения, которому на внутреннем плане она уже дала обет и которому себя посвятила, — эту программу выбрала её душа.

Всё это и многое другое она мне время от времени рассказывала в течение многих лет наших близких товарищеских отношений, когда в связи с возникающими в ходе работы обстоятельствами, давлением и проблемами становилось ясно, что знание её духовного происхождения и истории поможет наилучшим образом послужить делу.

К тому времени она была старшим учеником в ашраме Учителя К.Х. (ашрам можно представить себе как центр живой духовной энергии в групповой жизни Иерархии). С годами, благодаря учению, которое я получал лично от неё, я научился лучше понимать, что подразумевает положение старшего в ашраме. Это положение является ключом ко всей проводимой ею работе. С ним связаны многие факторы, о некоторых можно сейчас поговорить. Благодаря учениям Тибетца многие узнали обо всём этом, другие разделяют со мной знание определённых сущностных основ, составляющих наш, как группы, эзотерический

фундамент.

Мы знаем, что тот, кого мы привыкли называть Тибетцем s на самом деле один из Учителей Мудрости, которого некоторые из его **299]** близких сотрудников знают как Учителя Джуал Кхула. Именно на Д.К. — отчасти потому, что он специализировался на оккультной философии и космических законах — была возложена задача обнародовать связующее учение, необходимое для учеников Великих в нашей теперешней эпохе, а также передать в распоряжение человечества необходимое, более широкое знание духовных реальностей в нынешний критический период истории мира, когда мы переходим из эры Рыб в Век Водолея. Д.К. работал с великим учеником, известным нам как Е.П.Б. Её работы, особенно “Тайная Доктрина”, стали результатом отважного труда первопроходца, который прорвал косность того времени и сделал всё, что мы сейчас можем сделать, гораздо более возможным, чем было бы в противном случае. Пришла пора для выдачи следующего, расширенного учения. Д.К. был ближе всех к К.Х., чьим учеником он был очень долгое время. Естественно, он искал и нашёл необходимого сотрудника в группе учеников, принадлежавших к тому же ашраму, что и он.

Найти для этой работы преданного мужественного ученика на физическом плане, было, конечно, не единственной задачей Д.К.; у него есть и другие задания и обязанности, о которых нам мало что известно. К тому же настало время для планомерного расширения и, как следствие, реорганизации Иерархии; надо было сформировать дополнительные ашрамы, найти сотрудников для них, и обучить их. Можно вообразить, насколько во многих отношениях трудным было это предприятие, для которого Школа Арканов помогла найти достойных людей. Поэтому Тибетец, в частности, был занят основанием собственного ашрама, который сейчас быстро укрепляется и расширяется, выдачей учений, содержащихся сейчас в восемнадцати томах и организацией некоторых духовных движений в мире в соответствии с планами Иерархии, направленными на *ускорение нового явления Христа*. Только в последние годы мы стали понимать, что возвращение Христа было в действительности ключевой нотой и верховной целью всего, что было сделано.

Для истинно духовных, конструктивных сил характерно, что их активное выражение всегда приводит к нескольким благодетельным результатам. Такова мощь духовной силы. Проведённая Тибетцем за последние тридцать лет работа уже демонстрирует это в высшей **300]** степени значительное и вдохновляющее качество. То же самое верно и для жизни каждого ученика в соответствии с его статусом и находящимся в его

распоряжении объемом духовной силы.

Привилегией и неизбежной программой старшего ученика в любом воплощении является внедрение какой-либо деятельности, которая служила бы Иерархическому Плану, в частности, содействовала той его части, за которую взял на себя ответственность его собственный ашрам. Именно поэтому А.А.Б. перед своим последним физическим воплощением, когда наступил подходящий момент, предложила проект создания эзотерической школы. Выдвинутое учеником направление деятельности одобряется, если оно содействует ашрамной работе и обстоятельства делают его осуществление возможным. Но в любом случае ученик свободен, и поскольку он конструктивен, полезен и действительно помогает Плану, он располагает для своей цели всей ашрамной энергией, какую способен задействовать индивидуальный ученик. Если же проект не выполняет своего духовного назначения, эти силы становятся недоступны. Усилие сходит на нет и в большинстве случаев прекращается или до кончины ученика, или в скором времени после неё. Духовные движения в мире, пережившие нападки и неурядицы во втором поколении, — редкое явление, и факт их выживания — истинный показатель их духовного происхождения.

Сегодня, исследуя духовные силы, ставшие доступными в Школе Арканов за тридцать прошедших лет работы, мы видим, что достигнутые результаты являются лишь малой частью того, что может быть достигнуто в будущем. Эта богатая награда, данная нам А.А.Б., используется теми из нас, кто удостоился чести быть рядом с А.А.Б. все эти годы, претворяя её награду в живые полезные дела и равняясь на в*и*дение. Действительно, в результате успешного формирования ею группового сознания и группового действия, в конце концов появились чувство общей ответственности и признанная взаимозависимость, благодаря которым групповое достижение можно приписать как нам, так и ей. Достигнутое групповое сознание — наша самая большая гарантия успешной работы в будущем.

Наверное, мы лучше поймём своё задание, если рассмотрим некоторые факторы, приведшие к такому результату и предоставляемым им возможностям.

Школа Арканов была задумана А.А.Б. в попытке помочь удовлетворить некоторые ясно обозначившиеся проблемы в эзотерической области. Во-первых, была реальная нужда в большем числе работающих в мире учеников, способных проводить иерархические планы. Эзотерическая школа могла бы находить таких людей и предлагать им подготовительный тренинг, который помог бы решить проблему подготовки

работников для ашрама. Во-вторых, **301]** была необходимость в эзотерическом эксперименте по линии второлучевых учений. С помощью этого эксперимента можно было бы попытаться отчасти внедрить усиливающееся качество Водолея. Это потребовало нового акцента на *групповой ответственности* и *мировом служении*, как необходимых для любого истинного ученичества в грядущие дни. А.А.Б. удалось на редкость успешно взрастить в своей Школе необходимые качества и, тем самым, выполнить это требование. Именно этот фактор нашей организованной работы в мире, её новаторский аспект, заставил нас всегда сознавать, что вся наша работа в значительной мере является экспериментом.

Ещё одной реальной нуждой в эзотерической области была необходимость в учениях и действиях, характерных для ученичества, которые помогли бы свести на нет закристаллизованность эзотерических школ, появившихся в уже уходящую эпоху Рыб. Их ошибки и неудачи были в каком-то смысле неизбежны и не позволяют критиковать какую-либо эзотерическую группу или работу данного типа. Тем не менее эти школы поистине явились глыбой, преграждающей путь и препятствующей восприятию новых форм духовного выражения. А.А.Б. хорошо это видела и во время работы всегда имела это в виду. Среди прочего, это заставляло её настаивать на установлении отношений *сотрудничества с Иерархией в её работе* — в отличие от позиции фанатика, который по-детски исходит из принципа послушания. Она настаивала на том, что жизнь *бескорыстного* служения — самый важный фактор и что физические дисциплины, особенно диета и нередкая фанатическая приверженность пикантным тонкостям хатха- и лайя-йоги, просочившимся в Западный мир и столь ценимым среди эзотеристов, принадлежат прошлому и являют собой путь, ведущий к тупику.

Она настаивала на *ментальной свободе*, ментальной поляризации и тренированном, хорошо оснащённом уме, способном сознательно, задействуя здравый смысл, справляться с тем, что происходит в мире. Она знала, что они должны сменить мистический и, чаще всего, непрактический идеализм ранних стадий духовного тренинга, более эмоциональный и нередко приводящий к отделённости и духовному эгоизму. Эта её позиция нам всем хорошо известна и привилась в нашей собственной групповой жизни благодаря мудрости А.А.Б., прилагавшей усилия удовлетворить упомянутую потребность в ментальной свободе.

В вышесказанном перечислены только некоторые полезные составляющие проекта, который она первоначально замыслила. Ещё одной составляющей, повлиявшей на всю работу, стало

правило, по **302]** которому дело жизни каждого старшего ученика, помимо того, чтобы быть объективно полезным для Иерархии и ашрама и практически эффективным для мира, должно давать и соответствующую возможность приобрести опыт, который обязан иметь индивидуальный ученик, если он хочет выполнять свою надлежащую роль в запланированной коллективной работе в следующем воплощении. Учреждение, усовершенствование и расширение Школы Арканов на самом деле были лишь частью тренинга А.А.Б. для работы, выполнять которую она освободилась только сейчас. Это отнюдь не означает уменьшения её заинтересованности и поддержки работы, которой она положила начало в этой жизни и которой глубоко озабочена и сейчас, как и прежде.

Нет сомнения, что г-жа Бейли находится в настоящее время в субъективной телепатической связи со многими своими друзьями и учащимися. Те, кто чувствителен, иногда регистрируют такие впечатления. Но она не носится вокруг индивидуумов, говоря им, что делать или что она от них хочет в связи с чем-либо. Как А.А.Б., так и Тибетец недвусмысленно заявили, что после её смерти Он не будет работать через другой канал, как работал с ней, а она не будет пытаться контролировать Школу Арканов, руководить её делами или видами служения посредством каких бы то ни было сообщений.

Человечество проходит через величайший духовный кризис в своей долгой истории на этой планете. Последствия его слишком глубоки для нашего понимания. Выбор, который человечество в последние годы совершало и ещё должно совершать в ближайшие годы, имеет гораздо более глубокое значение, чем можно себе представить. Нас наставляли, и это правильно, что Иерархия Учителей не всемогуща, иначе мало, что осталось бы от человеческой свободы, и мы все были бы обречены стать духовными роботами. То, что Иерархия может сделать для человечества, зависит и от того, как мы отзываемся на духовные стимулы в час кризиса. Предельно ясно, что План Бога в отношении человека состоит в том, что человечество должно осуществить своё назначение в свете собственной души и благодаря могуществу своего интеллекта, углубляющейся осведомлённости и преданности исполнению своего божественного предназначения.

Именно в этом свете можно понять, что, с позиции большего знания и мудрости Иерархии, о каких-то событиях известно, что они неизбежны для человеческого семейства, тогда как другие зависят от наших реакций на происходящее. То, что мы называем второй мировой войной, на самом деле не было кармически

необходимым, **303]** и военных действий на физическом плане можно было избежать при наличии определённых достижений. Проведение Плана Иерархии за последние двенадцать лет включало в себя действия, ставшие невозможными, когда человечество предпочло осадить на физическом плане вторую фазу великого мирового конфликта посредством военных действий.

Это объясняет многое. Возникшая ситуация привела к тому, что плодотворная работа многих членов Новой Группы Мировых Служителей была сильно замедлена. Возможность действенной работы в области Доброй Воли на какой-то период времени была почти полностью устранена. По меньшей мере до прекращения войны на внешнем физическом плане невозможно было сообщаться с учениками, находящимися в контакте со Школой Арканов, и с разбросанными по всему миру учащимися, которые в ином случае могли бы вступить в наши ряды. Внедрение программы по правильному применению денег для иерархической работы полностью прекратилось. Формирование Сети Света и Доброй Воли с помощью движения Треугольников было совершенно парализовано. Не было возможности распространять в мире Великий Призыв так, как мы это делаем сегодня.

В мрачные дни 1939 года, когда казалось, что всё рушится, включая героические попытки многих учеников делать всё, что можно, для предотвращения войны, трудно было себе представить, что к работе можно будет вернуться, вновь её организовать и финансировать, чтобы снова эффективно привести в движение. В то время, со всей сердечной добротой, Тибетец подбодрил меня, заверив, что и после этого всесожжения хорошо и крепко заложенные основания всей нашей работы останутся не только неповреждёнными, но и вполне пригодными для возведения на них структуры, необходимой для будущей работы. Мне тогда было трудно в это поверить, поскольку я ясно видел устрашающие последствия второй мировой войны, однако его тогдашнее утверждение оказалось абсолютно верным, и сегодня мы сильнее и более эффективно работаем и служим, чем обычный ограниченный ум мог бы в то время ожидать.

Сейчас наша группа исполнена светом, любовью и могуществом. Сегодня эта группа, Школа Арканов, в которую мы входим, функционирует как большая станция света в теле Новой Группы Мировых Служителей. Мы являемся одним из магнетических фокусов в этом теле, увеличиваем его мощь и успешно помогаем в **304]** работе. Вот какого положения мы достигли, оно для нас самый значительный факт в настоящий

момент. *Мы не одни.* Наши усилия определяются связью со всеми действующими в мире учениками, сознательно или бессознательно составляющими часть мировой группы служителей, которую привела в существование сама Иерархия для исполнения великого предприятия – внедрения новых техник Водолея. Новая Группа Мировых Служителей есть в действительности синтетический проект комбинированных действий согласно планам Иерархии, проект, включающий новый тип мирового ученичества в групповой деятельности. Наше истинное место в схеме вещей можно понять только в свете нашего участия в этой более объемлющей групповой жизни.

(Выступление на ежегодной конференции Школы Арканов, Нью-Йорк, май 1950 г.)